

СВЯТЫЕ
ВОЛОГОДСКАГО КРАЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Николая Коноплева.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1895.

869098

В В Е Д Е Н І Е.

Агіобіографическія произведенія, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія, съ самаго начала христіанства на Руси были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались цѣлыми массами, такъ что едва ли есть другой видъ древнерусской письменности, болѣе обильный памятниками, чѣмъ житія святыхъ. Но, составляя сравнительно богатый матеріалъ въ количественномъ отношеніи, памятники эти, въ сожалѣнію, являются весьма скудными и неудобными въ качественномъ отношеніи историческими источниками.

Прототипомъ русской агіобіографіи является агіобіографія восточная. Характеръ восточной агіобіографіи отразился еще въ первомъ русскомъ агіобіографическомъ произведеніи—въ житіи святыхъ мучениковъ—князей Бориса и Глѣба, принадлежащемъ перу лѣтописца Нестора. Повѣсть объ убіеніи этихъ мучениковъ вошла въ составъ его лѣтописи. Здѣсь, въ фактическомъ отношеніи, она является болѣе подробною, чѣмъ въ житіи. Въ послѣднемъ, взамѣнъ этого, вставлены подробные рассказы о характерѣ св. братьевъ и ихъ мученической кончинѣ, сопровождаемые похвалами благовѣрію князей и общими назидательными отступленіями¹. Назидательность, составлявшая отличительную черту восточной агіобіографіи, въ этомъ житіи впервые явилась пересаженною на русскую почву и здѣсь глубоко пустила свои корни

Послѣдующая русская агіобіографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агіобіографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго. Это обусловливалось отчасти и историческими обстоятельствами. Вопервыхъ, далеко не всѣ послѣдующіе агіобіографы находились въ положеніи Нестора, хорошо

---

¹ Памятники древнерусской письменности, изданные въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1858 г., ч. I, стр. 578—604.

знавшаго исторію жизни мучениковъ-князей, совершившуюся почти на его глазахъ. Въ большинствѣ случаевъ, по недостатку ли способныхъ людей или по другимъ причинамъ, біографія святаго составлялась, спустя цѣлыя столѣтія по преставленіи святаго, на основаніи темныхъ разсказовъ „памятуховъ“ или какихъ нибудь краткихъ историческихъ записокъ о жизни святаго. Это само собою располагало біографа пробавляться въ своемъ разсказѣ общими назидательными разсужденіями, похвалами святому, чего главнымъ образомъ требовали отъ житія и его читатели. Повторныхъ, исторія свидѣтельствуешь, что въ большинствѣ случаевъ составленіе житій святыхъ приурочено было къ какимъ-либо важнымъ моментамъ ихъ посмертной исторіи, напри- мѣръ, къ открытію мощей, устройству въ честь ихъ церкви и прочее. Это также панегирически настраивало біографа и изъ подъ его пера выходилъ родъ похваленій праведнику, патетическихъ восклицаній и всевозможныхъ риторическихъ отступленій, за которыми совершенно скрывался историческій образъ святаго.

Далѣе, отдаленность біографа отъ времени жизни описываемаго имъ лица была причиною и еще одного явленія, такъ часто наблюдаемаго въ древнерусской агіобіографической литературѣ. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостающее при помощи источника, не имѣющаго ничего общаго съ исторіей. Такимъ источникомъ являлась легенда, такъ обычная на первыхъ порахъ христіанства, когда прежнія понятія приходятъ въ столкновеніе и перепутываются съ новыми.

Окончательное завершеніе такого склада русской агіобіографіи совершилось, какъ извѣстно, въ XV вѣкѣ и опять подъ сильнымъ вліяніемъ востока. Около этого времени съ востока къ намъ, вмѣстѣ съ агіобіографическими образцами, начинаютъ проникать и литературные таланты. Таковы были: митрополитъ Кипріанъ, Епифаній Премудрый и Пахомій Логоетъ. Теперь похвала праведнику дѣлается чуть ли не исключительною цѣлю житія,—похвалою оно начиналось, ею же и оканчивалось. Мѣсто біографическихъ чертъ заступаетъ здѣсь разъ навсегда составленный аскетическій идеаль, который весьма удобно было переносить съ одной личности на другую. Такъ напри- мѣръ: (святый) „родися отъ благочестиву родителю, воспитанъ бысть въ добрѣ ученіи и благочестіи, юнъ сый на игры пустошныя отнюдь не ходяше, но благую часть избираше,—въ церкви Божіей прежде всѣхъ обрѣташеса“ и проч. ².

² Подробно объ этомъ можно читать въ сочиненіи В. О. Блужевскаго:

Но, достигнувъ здѣсь своего апогея, искусственно-реторическое направленіе древне-русской агіобіографіи, въ силу нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, стало мало-по-малу приходить къ упадку. Являясь въ нѣкоторомъ родѣ перломъ древне-русскаго краснорѣчія, произведенія реторическаго витійства были по плечу далеко не всѣмъ русскимъ грамотеямъ и требовали значительной подготовки и начитанности. Между тѣмъ, развитіе монастырской колонизаціи въ XIV и XV вѣкахъ выставило необозримый рядъ подвижниковъ, основавшихъ свои колоніи въ лѣсныхъ пустыняхъ, гдѣ средства къ образованію и побужденія къ нему были далеко не такъ сильны, какъ въ большихъ городахъ и монастыряхъ, служившихъ обыкновенно агіобіографическими центрами. Поэтому, по мѣрѣ удаленія агіобіографіи отъ этихъ центровъ, начинаютъ тускнѣть ея краски, рассказъ ея дѣлается простымъ, приближаясь къ разговорной рѣчи, содержаніе становится болѣе фактическимъ, типичныя мѣста—болѣе сокращенными. Въмѣсто прежняго панегиризма, здѣсь часто писатель руководился иною цѣлію—сберечь и записать черты жизни подвижника, пока онѣ свѣжи въ памяти, и чрезъ это упрочить то благоговѣнное воспоминаніе, которое оставлялъ по себѣ подвижникъ въ братіи и окрестномъ населеніи. Вслѣдствіе этого, житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ подчасъ являются болѣе удобными для историческаго анализа и болѣе обильными исторіографическимъ матеріаломъ.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и здѣсь этому развивавшемуся исторіографическому направленію шло навстрѣчу очень важное препятствіе, затормозившее дальнѣйшее его развитіе. Препятствіе это заключалось опять-таки въ недостаткѣ способныхъ и образованныхъ людей. Преданіе о святомъ часто успѣвало уже забыться, прежде чѣмъ находило своего исторіографа. Послѣднему сообщали двѣ-три черты изъ забытаго преданія о святомъ съ просьбою на основаніи ихъ составить житіе и чудеса святаго, „да въ конецъ въ забысть не приидутъ“. При такихъ обстоятельствахъ и здѣсь агіобіографу волея-неволей приходилось прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ жизни сѣверныхъ подвижниковъ,—и здѣсь, мало по малу, вырабатывался литературный идеаль сѣвернаго подвижника.

Литературный типъ сѣвернаго подвижника составляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе аскетическаго идеала произведеній реторическаго

„Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. М. 1871 г. — и г. Яхонтова:

„Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ“. Казань 1881.

витійства. Если тамъ писатель стремился воспѣть панегирикъ аскетическимъ подвигамъ святаго вообще, то здѣсь, по преимуществу, онъ хотѣлъ изобразить его какъ колонизатора лѣсной пустыни, составлявшей ранѣе обиталище бѣсовъ, теперь же превратившейся въ святое мѣсто. По его воззрѣнію, такая метаморфоза пустыни изъ демонскаго жилища „въ мѣсто свято“ могла совершиться не иначе, какъ при участіи сверхъ-естественной помощи, органомъ которой, обыкновенно, и является святой подвижникъ. Мѣсто, гдѣ ему нужно было создать монастырь, заранѣе обозначено ему появленіемъ чудеснаго свѣта „сіяющаго паче солнечныхъ лучъ“, или чудеснаго звона „по обычаю монастырскому“. Послѣ избранія этого мѣста ему нужно было выдержать не менѣе чудесную борьбу съ демонами, которые, „видѣвше себе изгоними, вельми зѣло подвигошася на брань и (святой) многа неизреченна пріять досажденія, хотяще его разлучити отъ мѣста того“³. Нужно ли святому создать церковь—ему также внушается это свыше: „въ едину отъ ношей, молящуся святому въ обычномъ своемъ правилѣ, въ сонѣ товокъ сведенъ бысть, зрѣти нѣкоего юношу красна зѣло, глаголюща: подобаетъ ти церковь создать“⁴. Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святой чудесно укрощаетъ его: „свирѣпый звѣрь, кровоядецъ акудъ, рекомый медвѣдъ, на единомъ отъ скотъ сотвори пакость, хотяше убити его. Святой же звѣря молитвою связа и повелѣ ученику своему поученіе дати, да впредь пакости не дѣетъ. Ученикъ, вземъ лозу, біяше звѣря, звѣрь же поклонися имъ до земли, ничтоже зла сотвори“⁵. Наконецъ, иногда даже Самъ Спасъ сходитъ съ небесе для бесѣды со святымъ, научая его, какъ избѣжать сѣтей вражійхъ⁶.

Всего сказаннаго достаточно для вывода, что агіобиографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ. Такой взглядъ на нихъ и былъ высказанъ еще первыми ихъ изслѣдователями-археологами. Въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія нашъ знаменитый археологъ Строевъ писалъ слѣдующее: „житія святыхъ русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополнен-

³ Ркп. житіе преподобнаго Павла Обнорскаго Соловецкой бібліотеки № 818, л. 394. Ср. ркп. житіе Сергія Нуромскаго, Іоанніса Глушицкаго, Арсенія и Корнилія Комельскихъ.

⁴ Ркп. житіе преп. Діонисія Глушицкаго Солов. библ. № 984, л. 257.

⁵ Ркп. житіе преп. Арсенія Комельскаго.

⁶ Ркп. житіе преп. Іоасафа Каменскаго.

ныя, представляютъ богатый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрствъ древней Руси, и даже въ нихъ много есть фактовъ, не намѣченныхъ бытописателями“⁷. Взглядъ этотъ послѣдовательно повторяли изслѣдователи русской литературы: профессоръ Шевыревъ въ своей „Исторіи русской словесности“⁸, профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ въ „Очеркахъ русской народной словесности и искусства“⁹) и наконецъ профессоръ Некрасовъ—въ сочиненіи „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ“¹⁰.

Но если агіографическія памятники являются весьма любопытными и привлекаютъ къ себѣ симпатіи изслѣдователя-литератора, выдающаго въ нихъ зарожденіе національной литературы, то далеко не такими представляются они взору церковнаго историка. Вотъ съ какими отзывами объ этихъ памятникахъ приходится встрѣчаться въ трудахъ первыхъ нашихъ изслѣдователей житій святыхъ, какъ агіографическихъ источниковъ: „сочиненія Васильевы, пишетъ архіепископъ Филаретъ объ одномъ древнемъ писателѣ, большею частію бесполезны для исторіи. Смѣлость клирика въ вымыслахъ, оскорбляющихъ исторію, хронологію, здравый смыслъ и святую вѣру, изумительна. По всему видно, что Василій былъ охотникъ поговорить, но былъ человекъ ограниченный въ смыслѣ и скудный въ познаніяхъ, позволявшій себѣ говорить всякую ложь, лишь бы освятить любимую“¹¹. Характеризуя дѣятельность Пахомія, составлявшаго повѣсть о Василии и Константинѣ Ярославскихъ, этотъ же авторъ добавляетъ: „по этой повѣсти видно, что многогрѣшный Пахомій былъ съ родни безтолковому Василию“¹². Подобнымъ же образомъ митрополитъ Макарій въ своемъ „Введеніи въ исторію русской церкви“ отказалъ многимъ фактамъ изъ древнихъ житій въ историческомъ значеніи¹³.

Съ одной стороны, столь невысокое качественное достоинство древне-русскихъ житій, какъ историческихъ источниковъ, а съ другой—вся важность заключающагося въ нихъ исторіографическаго матеріала, дѣлающая ихъ единственными въ своемъ родѣ историческими источниками, вызвали самый строгій и тщательный анализъ этихъ памят-

⁷ Н. П. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи“, стр. III.

⁸ Томъ III, стр. 57.

⁹ Томъ II, стр. 154 и слѣд.

¹⁰ Записки Новороссійскаго университета, т. I, стр. 1—134.

¹¹ „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 146.

¹² „Обзоръ русской духовной литературы“, ч. I, стр. 147.

¹³ См. стр. XVI.

никовъ въ трудѣ почтеннаго профессора Василя Осиповича Ключевскаго „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“. Результаты его изслѣдованія кратко можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество историографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими данными: во первыхъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу (въ однихъ случаяхъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ—иноки позднѣйшихъ временъ); во вторыхъ,—тѣми источниками, которыми располагалъ біографъ (для однихъ такими источниками служили рассказы современниковъ, для иныхъ—рассказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ, и наконецъ какія-либо записки о жизни святаго); въ третьихъ,—тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (заключалась-ли эта задача въ томъ, чтобы сохранить дорогія для братіи и окрестнаго населенія черты жизни святаго, или въ томъ, чтобы воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ риторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, означенный изслѣдователь приходитъ къ тому выводу, что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благоприятствовавшихъ обилію въ немъ историографическаго матеріала. Вслѣдствіе-ли малаго знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, историографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Таковъ характеръ матеріала, подлежащаго изслѣдованію агіобіографа. Очевидно, всякое требованіе по отношенію къ нему—создать на основаніи такого матеріала въ собственномъ смыслѣ біографію святаго—не можетъ имѣть мѣста. „Житіе и біографія, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи профессоръ Ключевскій, смотрятъ на лицо съ противоположныхъ сторонъ. Въ судьбѣ лица насъ занимаетъ болѣе всего борьба вѣчно борющихся историческихъ стихій, личности и среды, ее окружающей; взаимное отношеніе той и другой стороны служить лучшей характеристикой ихъ обоихъ. Совсѣмъ иная точка зрѣнія въ житіи. Среда, изъ которой выходитъ святой, разсматривается только, какъ внѣшняя помѣха, ничего не дающая лицу, и настолько слабая, что святой еще въ колыбели становится выше ея“¹⁴. Изслѣ-

¹⁴ „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, стр. 435.

дователь, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ даже составить болѣе или менѣе полный сводъ біографическихъ чертъ одной только личности святаго, безъ всякаго ея отношенія къ окружающей дѣйствительности. Весьма часто изъ всей массы матеріала, заключающагося въ житіи, можно выдѣлить двѣ-три біографическія черты; все же остальное является матеріаломъ совершенно постороннимъ, къ дѣлу не относящимся.

Въ виду всего сказаннаго, задача, которую можетъ намѣтить себѣ агіобиографъ, можетъ быть сведена къ слѣдующему.

1. Изложить біографическія сказанія о святыхъ по сохранившимся агіобиографическимъ памятникамъ, критически очищая ихъ отъ постороннихъ наслоеній и выдѣляя изъ всей массы агіобиографическаго матеріала исторіографическій элементъ.

2. Такъ какъ исторіографическій матеріалъ, извлекаемый изъ этого рода источниковъ, является не всегда вѣрнымъ и согласнымъ съ дѣйствительностію, то это налагаетъ на агіобиографа другую задачу: тамъ, гдѣ возможно, провѣрять этотъ матеріалъ показаніемъ другихъ, болѣе надежныхъ, источниковъ, на примѣръ, лѣтописей; сопоставлять между собою сказанія различныхъ редакцій одного и того же житія, сопоставлять сказанія различныхъ житій объ одномъ и томъ же предметѣ.

3. Наконецъ, въ виду того, что цѣнность исторіографическаго матеріала агіобиографическихъ памятниковъ опредѣляется, главнымъ образомъ, отношеніемъ біографа къ описываемому имъ лицу и его источниками, то, дабы точнѣе опредѣлить степень достовѣрности сообщаемыхъ агіобиографическихъ свѣдѣній и чрезъ то дать возможность прагматику правильнѣе относиться къ нимъ, изслѣдователь долженъ предпослать изложенію агіобиографическихъ сказаній тщательно собранныя свѣдѣнія о писателѣ древняго житія и его источникахъ, каковыя свѣдѣнія, по общему агіобиографическому обычаю, заключаются почти въ каждомъ житіи.

Изучая древне-русскія житія Вологодскихъ святыхъ, изслѣдователь не могъ не придти къ мысли, что наиболѣе цѣнный и сравнительно обильный заключающійся въ нихъ исторіографическій матеріалъ относится къ исторіи монашества и исторіи сѣверно-русской колонизаціи. Поэтому, излагая біографическія свѣдѣнія о святыхъ Вологодскаго края, авторъ преимущественно имѣлъ цѣлію, насколько возможно, прослѣдить по нимъ соотвѣтствующую часть исторіи сѣверно-русскаго монашества и монастырской колонизаціи.

Источниками, на основаніи которыхъ авторъ излагалъ содержанія своего изслѣдованія, служили рукописи Соловецкой бібліотеки (при Казанской Духовной Академіи) и рукописи нѣкоторыхъ мѣстныхъ Вологодскихъ бібліотекъ: Вологодскаго кафедральнаго собора и монастырей: Спасо-Прилуцкаго, Арсеніева и Корниліева Комельскихъ, Павло-Обнорскаго, бывшаго Авнежскаго (теперь приходская церковь), Спасо-Суморина Тотемскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Г Л А В А I.

Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые святыя, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Киприанъ и Проконій Устюжскіе.

Территорія Вологодскаго края, вмѣстѣ съ Архангельскою и Пермскою, входила въ составъ древней Біарміи или Великой Перміи. Первоначальными жителями этой страны были народы финскаго племени, называвшіеся то Чудью ¹, то Чудью Заволоцкой или Бѣлоглазой ². Дѣвственные богатства страны очень рано стали привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ сосѣдей ея, новгородцевъ. Новгородскіе повольники наиболѣе удобными путями проникали сюда и по берегамъ рѣкъ основывали свои колоніи, обозначая такимъ образомъ свой путь къ востоку. Трудно указать время первоначальнаго завоеванія этой страны новгородцами. Полагають, что они овладѣли ей еще до Рюрика ³.

Въ княженіе Владиміра жители Печоры были уже данниками новгородцевъ ⁴. При Ярославѣ новгородцы, во главѣ съ княземъ Глѣбомъ, въ 1032 году, проникли до „железныхъ вратъ“, которыя, по изысканію извѣстнаго финнолога Шегрена, находились въ 80 верстахъ отъ нынѣшняго Устьсысольска, въ селеніи Водса ⁵. На основаніи этого можно думать, что къ XII вѣку вся Вологодская страна была уже покорена Новгородцами.

Съ этого времени соперникомъ вольному Новгороду въ дѣлѣ владычества на русскомъ сѣверѣ является старый Ростовъ, дѣдъ земли Залѣсской. Въ XII вѣкѣ Ростовско-Суздальскіе князья Юрій Долгору-

---

¹ Барамзинъ, Исторія государства російскаго, т. I, глава 2. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Російскихъ, кн. III, стр. 1.

² Вѣстникъ Императорскаго Географическаго Общества, ч. XXII, стр. 11.

³ Записки Общества Исторіи и Древностей Російскихъ, ч. I, стр. 157.

⁴ Двинской лѣтописецъ въ Трудахъ волян. російск. Собр. т. I, стр. 114.

⁵ Н. Костомаровъ, „Сѣв.-рус. народоправства“, Монографій т. VII, стр. 409.

кій и сынъ его—Андрей Боголюбскій не разъ отправляли свои рати, чтобы перехватить Новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ югорской данью ⁶. Около этого-же времени Ростовъ имѣлъ уже довольно значительную колонию въ Вологодской землѣ—городокъ Гледенъ, основанный на берегу рѣки Юга, на горѣ Гледенѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Впослѣдствіи, въ концѣ XII вѣка, часть жителей Гледена переселилась на устье рѣки Юга и положила здѣсь основаніе городу Устюгу ⁷, который съ теченіемъ времени сдѣлался опаснымъ соперникомъ вольному Новгороду и постоянно перехватывалъ новгородскіе отряды, возвращавшіеся съ печорской и югорской данью.

Мѣстѣ съ покореніемъ Вологодскаго края и русскою его колонизаціею начиналось и просвѣщеніе его свѣтомъ христіанства. Въ XII вѣкѣ изъ новгородскихъ колоній извѣстна Вологда, существовавшая тогда въ видѣ посада съ церковію Воскресенія Христова, какъ гласитъ объ этомъ отрывокъ древней лѣтописи, занесенный въ сказанія о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ. Въ XII вѣкѣ новгородскій князь Святославъ Ольговичъ своею грамотою установилъ Новгородскому архіепископу Нифонту получать дань съ Новгородскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ ⁸. Еще явнѣе слѣды христіанства въ ростовскихъ колоніяхъ. Въ Гледенѣ въ XI вѣкѣ существовалъ уже Троицкій монастырь ⁹. Въ Устюгѣ, вскорѣ послѣ его основанія, созданъ былъ Михаило-Архангельскій монастырь. Въ началѣ XIII вѣка городъ этотъ, по сказанію житія Проконія Устюжскаго, сіялъ уже многими церквами.

Русскія колоніи Вологодскаго края, какъ увѣряетъ преданіе, записанное въ позднѣйшее время, сдѣлались мѣстомъ подвиговъ болѣе раннихъ сѣверныхъ подвижниковъ.

Первымъ изъ такихъ подвижниковъ является преподобный Герасимъ Вологодскій. Къ сожалѣнію, древность очень мало сохранила намъ свѣдѣній объ этомъ подвижникѣ. Скудость свѣдѣній о преподобномъ Герасимѣ дала возможность нѣкоторымъ изслѣдователямъ сомнѣваться, если не относительно исторической дѣйствительности его лица,

⁶ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1883 г., стр. 275.

⁷ Устюжскій лѣтописецъ—въ Исторіи Карамзина, т. III, примѣч. 186.

⁸ Вотъ подлинный текстъ этой грамоты: „...урядилъ есмь азъ св. Софьи и написалъ... князь новгородскій Святославъ... на Рагулѣ три сорочка, у Путей—сорочекъ, у Чудина—полъ-сорочка, у Вели—два, у Вектензѣ—два“. Исторія Государства Россійскаго—Карамзина, т. II, примѣч. 267.

⁹ Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 694.

то, по крайней мѣрѣ, относительно времени его существованія ¹⁰. Всѣ свѣдѣнія, какія только можно почерпнуть о преподобномъ, заключаются въ позднѣйшемъ сказаніи о посмертныхъ чудесахъ его, которыя, по свидѣтельству этого сказанія, начали записываться съ XVII вѣка ¹¹. Въ началѣ своего сказанія писатель дѣлаетъ такое замѣчаніе: „о свидѣтельствѣ его (преподобнаго Герасима), коликими трудами подвизался и коего града урожденіемъ и какова рода саномъ былъ, того мы не обрѣтхомъ, прехожденія ради многихъ лѣтъ и отъ раззоренія невѣрныхъ града Вологды. Но слухи наши простираются отъ древнихъ человѣкъ, что въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ пишеть сице, что преподобнаго отца сего Герасима служба вся съ подіелеомъ и чудеса его написаны были для празнества на память преподобнаго предложены. И егда Божіимъ попущеніемъ грѣхъ ради нашихъ прииде раззореніе на градъ Вологду отъ невѣрныхъ, тогда житіе святаго и съ службою безвѣстно утратиса“, (л. 33). Все, что могъ узнать онъ о преподобномъ изъ цитуемаго имъ лѣтописца, заключается въ слѣдующемъ: „... въ старыхъ Вологодскихъ лѣтописцахъ о приходѣ преподобнаго пишеть сице: въ лѣто 6655 (1147), августа въ 19 день, на память св. мученика Андрея Стратилата, прииде преподобный отецъ Герасимъ отъ Богоспасаемаго града Кіева, тоя же

---

¹⁰ Профессоръ Е. Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви“ по поводу извѣстія о приходѣ преподобнаго Герасима на Вологду замѣчаетъ слѣдующее: „Существовала или не существовала Вологда въ это время, во всякомъ случаѣ въ періодъ до-монгольской она должна быть представляема торговою колоніею новгородскою, съ населеніемъ изъ самихъ новгородцевъ, только въ небольшомъ количествѣ, и главнымъ образомъ изъ туземныхъ инородцевъ — чуди пермской и зырянъ. Предполагать, что уроженецъ кіевскій могъ имѣть желаніе пойти въ инородческую и некрещеную мѣстность, гдѣ онъ не могъ надѣяться найти себѣ товарищей въ монашествованіи и гдѣ онъ вовсе не могъ ожидать благосклоннаго приѣма—весьма сомнительно“. Часть I, 2 половина, стр. 638. Однако, такое мнѣніе почтеннаго ученаго является слишкомъ голословнымъ: на такихъ основаніяхъ можно сомнѣваться въ существованіи и такихъ подвижниковъ, какъ Феодоритъ Кольскій и Трифонъ Печенгскій.

¹¹ Списокъ этого, рѣдко встрѣчающагося, сказанія находится въ рукописномъ сборникѣ житій святыхъ бібліотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 (по монастырской описи), л. 33. Заглавіе его: „Чудеса и дѣянія и преславная новоявленная творенія преподобнаго и приснопамятнаго отца нашего Герасима, иже у Пресвятыя Троицы, вверхъ посаду съ поля отъ Прилука, что у Кайсарова ручья“. Начало сказанія: „Рече Господь, яко прославляющаго Мя прославлю“. Чудесъ 37.

веси Глушенскаго монастыря постриженникъ, ¹² къ Вологдѣ рѣцѣ, еще до зачала града Вологды, на великій лѣсъ, на средній посадь Воскресенія Христова, Лѣнвивыя площадки малаго торжку и создалъ пречестенъ монастырь во славу Пресвятыя Троицы, отъ рѣки Вологды разстояніемъ за полъ-поприща, и оттолѣ поживе тутъ преподобный лѣтъ 31 и скончался въ лѣто 6686 (1178), марта въ четвертый день, на память преподобнаго отца нашего Герасима, иже на Иорданѣ“ (л. 33). Остальная часть сказанія занимается описаніемъ чудесъ. Къ этому сказанію нѣкоторые историки присоединяютъ сомнительной подлинности разсказъ, заимствованный, вѣроятно, изъ преданія, о состязаніи преподобнаго изъ за обладанія мѣстомъ подъ монастырское строеніе съ владѣльцемъ—мѣщаниномъ Пятышевымъ ¹³.

Изъ Ростовскихъ колоній въ Вологодской землѣ, сдѣлавшихся мѣстомъ подвижничества святыхъ, на первомъ планѣ выступаетъ предъ нами Великій Устюгъ, центръ Ростовскихъ колоній въ Вологодскомъ краѣ. Лѣтописи, ведущія свое начало отъ основанія Устюга, начинаются сказаніями о его подвижникахъ. Первымъ изъ нихъ былъ преподобный Кипріанъ. Вотъ его лѣтописная біографія.

Въ 1212 году, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, Устюжскаго уѣзда, Двинской трети, Уфтюжской волости, нѣкто земледѣлатель, презрѣвъ красная міра сего, воспріялъ на ся монашескій образъ и наречеса имя ему Кипріанъ. Сей, по воспріятіи монашества въ городѣ Устюгѣ Великомъ, по желанію и усердію гражданъ, убѣжденъ создати святую обитель при градѣ Устюгѣ, на удобномъ мѣстѣ. Онъ же, обходя градъ, и разсматривая приличная къ таковому населенію монашествующихъ мѣста, избралъ мѣсто при езерахъ, за острожною насыпью, на которомъ сперва поставилъ себѣ малую келейцу, а потомъ, въ лѣто 1212, вышеупомянутый монахъ Кипріанъ началъ созидати обитель во имя Введенія Пресвятыя Богородицы и св. Архистратига Михаила. Такое его богоугодное дѣло видѣвши граждане, многая отъ иждивеній

¹² Къ сожалѣнію, это сказаніе является единственнымъ источникомъ, дающимъ свѣдѣніе о существованіи Глушенскаго монастыря. Это обстоятельство даетъ поводъ ко всевозможнымъ поправкамъ и догадкамъ, напримѣръ, архіепископъ Филаретъ вмѣсто Глушенскаго монастыря подставляетъ Гилецкій.

¹³ Вслѣдъ за Карамзинымъ (Исторія Г. Р., т. IV, примѣч. 117) ее повторяютъ: архіепископъ Филаретъ (Русскіе святые, 4 марта), Муравьевъ (Житія святыхъ, 4 марта) и Погодинъ (въ своемъ Вологодскомъ дневникѣ — въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1868 г., стр. 69).

своихъ потребная на сооруженіе и содержаніе той обители приносили, а нѣкоторые и жительство свое начали оттолѣ въкупѣ съ нимъ препроводжати. Онъ же всѣхъ принималъ съ радостію и любовію, наставляя многотруднымъ и непорочнымъ своимъ житіемъ... А потомъ, все свое наслѣдственное имѣніе, движимое и недвижимое, т. е. села, деревни, пашенную и непашенную приложилъ землю, которую онъ имѣлъ въ Уфтюжской волости и прочихъ многихъ волостяхъ. И тако оттолѣ та святая обитель начала распространятися и всякимъ довольствомъ изобилovati, а преподобный отецъ, монахъ Кипріанъ, нареченъ бысть начальникомъ той обители“.

„Въ 1216 году попеченіемъ начальника, инока Кипріана, созданная въ Устюгѣ деревянная обитель, въ семь году постройкою окончена“.

„Въ 1276 году, Сентября 29 дня, въ субботу¹⁴, преставился Архангельскаго монастыря начальникъ, инокъ Кипріанъ, и погребенъ близъ св. вратъ того монастыря. Черезъ протеченіе нѣкоего времени надъ гробомъ его сдѣлана деревянная часовня, а въ 1711 году и церковь каменная; гробъ же его—внутри церкви и надъ нимъ устроена гробница, которая и до-нынѣ всѣми видима“.

„Въ память его и по сіе время въ монастырѣ хранится небольшой камень, который, по преданію, преподобный держалъ въ рукахъ своихъ тогда, какъ, по немочи человѣческой, преодолѣваемъ будучи сномъ, и испустивъ камень изъ рукъ, возбуждался стукомъ онаго къ бодрствованію и молитвѣ“¹⁵.

Одновременно съ преподобнымъ Кипріаномъ въ Устюгѣ подвизался блаженный Прокопій юродивый.

Блаженный Прокопій представляетъ собою одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи русскаго подвижничества: во-первыхъ, „это былъ переселенецъ отъ западныхъ странъ, отъ языка латинска, отъ нѣмецкія земли“, а во вторыхъ—онъ первый изъ русскихъ подвижниковъ шель по пути юродства. Тѣмъ не менѣ исторія его жизни остается совершенно темною. Житіе Прокопія, написанное спустя нѣсколько столѣтій послѣ его преставленія, весьма скудно въ факти-

¹⁴ Такъ какъ 29 сентября 1276 г. падало не на субботу, то Карамзинъ (И. Г. Р., т. III, примѣч. 186) полагаетъ, что или годъ преставленія въ лѣтописи обозначенъ невѣрно, или днемъ кончины преподобнаго было 26 число этого мѣсяца.

¹⁵ Устюжскій лѣтописецъ—въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 626—629.

ческомъ отношеніи и въ позднѣйшихъ редакціяхъ является въ высшей степени искаженнымъ легендами и выписками изъ другихъ житій. Профессоръ Ключевскій отзывается о немъ такимъ образомъ: „житіе Устюжскаго юродиваго Прокопія, плохо написанное, составлено изъ отдѣльныхъ эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчіями. Это рядъ легендъ, сложившихся изъ различныхъ мѣстныхъ воспоминаній, независимо одна отъ другой, и не подвергнутыхъ въ житіи искусной обработкѣ“¹⁶. Впрочемъ, чтобы правильно смотрѣть на этотъ отзывъ почтеннаго изслѣдователя, нужно имѣть въ виду, что онъ сдѣланъ на основаніи изслѣдованія послѣдней, распространенной редакціи житія Прокопія. Но едва ли какое другое житіе имѣетъ большее число редакцій и болѣе длинную исторію, чѣмъ житіе Прокопія. Эта исторія является лучшей и единственно возможной его критической оцѣнкой.

Намъ извѣстно пять редакцій житія Прокопія¹⁷, но едва ли этимъ числомъ исчерпывается вся совокупность ихъ. Первая изъ нихъ представляетъ простой разсказъ объ избавленіи Устюга отъ огненной тучи, появленіе которой было предсказано блаженнымъ Прокопіемъ, съ скудными біографическими замѣчаніями о лицѣ блаженнаго и нѣсколькими его посмертными чудесами. Вотъ ея разсказъ съ небольшими сокращеніями.

„Во градѣ Устюзѣ бысть нѣкій мужъ, юродивый Христа ради, именованъ Прокопій, живяше на паперти у церкви Пресвятыя Богородицы. О пищѣ и одеждѣ никакоже печалишеся, отъ приносящихъ ему нич-

¹⁶ Житія святыхъ, стр. 277.

¹⁷ Списки житія: 1-я редакція—рукописная четья-миней Соловецкой библіотеки № 635/517, л. 66. Начало: „Во градѣ Устюзѣ бысть нѣкій мужъ, юродивый Христа ради, именованъ Прокопій“. Чудесъ 7. 2-я редакція: рукописный четъ-минейный сборникъ Соловецкой библіотеки № 642/826, л. 475. Начало: „Повѣсть душеполезна, иже Христа ради юродиваго Прокопія, устюжскаго чудотворца“. Чудесъ 18. 3-я редакція на страницахъ Вологодскаго лѣтописца—въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, 1873 г., стр. 645—648. 4-я редакція отдѣльная ркп. книга Соловец. библ. № 581/220, содержащая въ себѣ житія Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Начало предисловія: „Искони убо божественное писаніе глаголетъ о божественныхъ и приснопамятныхъ юродивыхъ мужѣхъ“. Начало житія: „Сей убо блаженный и приснопамятный Прокопій...“. Чудесъ 25. 5-я редакція—рукон. Солов. библ. № 582/221—содержитъ тѣ же житія, только вмѣсто одной двѣ похвалы Прокопію, а въ концѣ ея помѣщена статья о списателѣ житія.

тоже пріимаше; имаше бо въ себѣ прозорливъ даръ, отъ Бога явленіе. Бысть же на утріе въ день недѣльный, егда воздвизаютъ честныя кресты и собирашася вси людіе, блаженный мужъ возвѣсти видѣніе, бывшее ему, глаголя: аще не покаетесь грѣховъ своихъ и Господа не умолите за беззаконіе ваше, то злѣ погибнетъ градъ сей. Они же не послушася глаголемыхъ отъ него... Видѣвъ же блаженный онъ мужъ непослушаніе людей тѣхъ рыдася и плачася непрестанно о погибели града того... Бысть же въ другую недѣлю отъ полудне тьма и мракъ и недоумѣваху людіе, что се есть. И по семъ явися восходящъ огнь со вся страны и грому убо страшну быти, неслыпащимъ бо другъ ко другу, что глаголати, яко и земли колебатися непрестанно, огненныя же тучи хотяше соступитися въ мѣсто. И бывшу же зною велику отъ огня того и разумѣша людіе и потребленіе града и свою погибель. И собрася въ церкви вси людіе, мужи и жены, богати и убози, раби и свободни... и прикрыша лица, и очи воздѣвше горѣ, и руцѣ воздвигше на высоту, глаголюще: помилуй насъ, Боже... и въ той часъ бысть типина велія и грому преставшу и разводящеся облаци огненныя на вся страны и поидоша на мѣста пустынная и попалиша дебри на пустыняхъ и каменіемъ побиха ¹⁸. Бысть же радость велія, возвеселишася людіе и воздаша хвалу Богови... Уставиша же таковъй праздникъ праздновати мѣсяца іюля въ 8 день, на память св. великомученика Прокопія⁴.

Къ этой повѣсти присоединяется здѣсь рассказъ о построеніи церкви надъ гробомъ блаженнаго Прокопія и семь чудесъ.

Такимъ образомъ, все содержаніе этой редакціи группируется около повѣсти объ огненной тучѣ. Эта повѣсть, встрѣчающаяся иногда въ отдѣльности ¹⁹, и послужила, безъ сомнѣнія, основою житія этой редакціи, что легко можно замѣтить при ея чтеніи.

Въ сказаніи о тучѣ не упоминается еще, чтобы Прокопій былъ причисленъ къ лику святыхъ или чтобы онъ былъ чтимъ, хотя мѣстно. Въ концѣ сказанія замѣчено только, что граждане города Устюга установили праздновать день своего избавленія отъ огненной тучи 8 іюля, въ память великомученика Прокопія, не упоминая о памяти

¹⁸ Въ распростраенныхъ редакціяхъ житія Прокопія и Устюжскомъ лѣтописцѣ замѣчается, что мѣсто, на которомъ разразилась эта туча, была Котовальская весь, въ двадцати поприцахъ отъ Устюга, которая и до сихъ поръ сохранила слѣды бывшаго въ ней разрушенія. См. списки №№ 220 и 221 Соловец. библ. и Устюжскій лѣтописецъ въ Вологод. епарх. вѣд. 1873 г. № 19.

¹⁹ См. наприм. ркп. Солов. библ. № 826, л. 475.

Устюжскаго Прокопія, которая, какъ извѣстно, установлена была въ тотъ же день. Въ такомъ видѣ повѣсть эта перешла и въ первую редакцію житія Прокопія.

Что касается времени происхожденія этой повѣсти, то, вѣроятно, она появилась вскорѣ послѣ преставленія блаженнаго, прежде установленія мѣстнаго его почитанія. Можно даже думать, что она принадлежитъ перу очевидца, о чемъ, повидимому, свидѣтельствуетъ живость разсказа, указывающая на непосредственность пережитыхъ впечатлѣній и нѣкоторыя подробности разсказа, какъ на примѣръ: „во утріе въ день недѣльный“, „въ день недѣльный отъ полудне“ и др.

Вторая редакція въ фактическомъ отношеніи новаго ничего не прибавляетъ къ первой. Она представляетъ изъ себя образецъ неумѣнія писать житіе при желаніи пользоваться искусственными приѣмами. Эта редакція начинается также повѣстью объ огненной тучѣ, которая здѣсь уже украшается „добрословіемъ“. За этою повѣстію слѣдуетъ „житіе и подвизи Прокопія, юродиваго Христа-ради, Устюжскаго чудотворца“. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь реторическое предисловіе, выписанное изъ житія преподобнаго Сергія Радонежскаго, составленнаго Епифаніемъ Премудрымъ. Вслѣдъ за этимъ повторяется разсказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженнаго, потомъ слѣдуетъ 18 чудесъ и похвальное слово блаженному.

На время происхожденія обѣихъ редакцій указываетъ не очень ясный намекъ объ устройствѣ церкви надъ мощами Прокопія. По свидѣтельству позднѣйшихъ редакцій устройство церкви совершилось около 1471 года. Впрочемъ, въ этихъ редакціяхъ дѣлается такая замѣтка: „и прежде сей церкви основана бысть церковь окрестъ камени того, на немъ же бѣ блаженный Прокопій при животѣ своемъ сидѣль и пророчествовалъ“²⁰. Объ устройствѣ какой церкви повѣствуютъ первыя двѣ редакціи—рѣшить трудно.

Болѣе интересной въ фактическомъ отношеніи является третья редакція, которой, къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть въ подлинномъ видѣ, а потому пришлось воспользоваться ея сокращеніемъ на страницахъ Устюжскаго лѣтописца²¹. Фактъ ея существованія имѣетъ за себя болѣе или менѣе ясныя основанія. Простой и удивительный разсказъ ея, вошедшій цѣликомъ въ послѣдующія редакціи, никакъ не мѣрится съ исключительно легендарнымъ характеромъ этихъ позднѣйшихъ передѣлокъ и необходимо заставляетъ выдѣлять себя изъ этихъ

²⁰ См. наприм. рукоп. Солов. библи. № 221, л. 73.

²¹ Вологодскія епархіальныя вѣдомости 1873 г. № 19, стр. 645—648.

последнихъ. Пользуясь, съ одной стороны, указаніемъ Устюжскаго лѣтописца, а съ другой—содержаніемъ позднѣйшихъ редакцій, включившихъ въ себя содержаніе третьей редакціи, вѣроятно, безъ существенныхъ измѣненій, мы попытаемся по возможности возстановить подлинный текстъ ея.

Разсказъ начинается обычнымъ предисловіемъ, въ которомъ авторъ, между прочимъ, указываетъ на свои источники: „ина убо слышахъ отъ чловѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашими“. Далѣе, въ отдѣлѣ: „о началѣ житія Проконія“ писатель сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія о жизни его до прихода въ Великій Устюгъ. Блаженный Прокопій, „якоже о немъ повѣдаютъ нѣцыи отъ чловѣкъ“, пришелъ въ В. Устюгъ изъ „пресловуаго“ Новгорода. По своему происхожденію онъ былъ „отъ западныхъ странъ, отъ языка латиска, отъ нѣмецкія земли“. „Родителей его и южикъ его и вѣры никтоже вѣсть, токмо единому Богу свѣдушу сія“. Пришедши въ возрастъ, онъ сталъ заниматься профессіей своею отца—торговлей. Въ одинъ разъ, нагрузивъ свой корабль, онъ приплылъ „въ пресловущій Новъ-градъ, съ прочею своею дружиною — съ латинники“. Здѣсь онъ плѣнился „премногимъ церковнымъ украшеніемъ и пѣніемъ и звоны велими“ и рѣшилъ принять православіе. „Посемъ отъиде отъ дружины своея, утаився и сохранився отъ ихъ, таже начатъ ходити по граду и монастыремъ и искати учителя мудра“. Странствуя такимъ образомъ, онъ отправился въ Хутынскій монастырь: „тогда въ немъ игуменство имѣлъ преподобный отецъ нашъ Варлаамъ“²², который и сдѣлался его учителемъ. Наставленный въ истинахъ новой вѣры, Прокопій отъ руки Варлаама „пріялъ св. крещеніе (?), оставивъ идолу влекущее эллинское мудрованіе“. Потомъ, раздавъ свое имѣніе нищимъ и удѣливъ часть его на монастырь преподобнаго Варлаама, Прокопій избралъ для себя подвигъ юродства Христа ради. „Пребысть въ Новѣ-градѣ не мало времени“, онъ отправился „въ пустынное шествіе къ восточнымъ странамъ“. Проходя „многіе грады, и страны, и лѣсы, и дразги,

²² Это извѣстіе опровергаетъ хронологию всѣхъ редакцій житія Проконія. Варлаамъ Хутынскій, по свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, преставился въ 1192 году, а Прокопій Устюжскій, по одному сказанію—въ 1285 (Устюжскій лѣтописецъ въ приложеніи къ описанію Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря П. Саввантова, стр. 40. Архіепископъ Филаретъ, Русскіе святые 8 іюля и др.), по другому сказанію—въ 1303 году (рки. житіе Проконія въ распространенныхъ редакціяхъ, Устюжскій лѣтописецъ въ Исторіи Карамзина, т. IV, примѣч. 206, и въ изданіи г. Суворова).

и блата мокрѣя“, блаженный терпѣлъ всюду „многую досаду, укореи-
и бѣиеніе и пханіе отъ безумныхъ человекъ: святой же, яко юродъ
вмѣняся, яко безумецъ“. Путешествуя такимъ образомъ, онъ пришелъ
въ Устюгъ. Здѣсь онъ нашелъ себѣ убогій пріютъ „въ верхнемъ концѣ
во храмѣ ветхой“. Блаженный полюбилъ этотъ городъ и навсегда
избралъ его мѣстомъ своего жительства. День онъ страдалъ отъ люд-
скихъ золь, а ночью обходилъ церкви и молился. Когда блаженный
хотѣлъ „покой обрѣсти отъ многого труда своего и тогда на улицахъ,
на гноищи или на сметыщи пометаше себе единымъ токмо пагымъ
тѣломъ лежаше на зимній морозъ и снѣгъ“. Мѣстомъ его жительства
была паперть Успенскаго собора. Дома гражданъ онъ не посѣщаль
ни лѣтомъ, ни зимой; объ одеждѣ и пищѣ не печалился: „пріимаше
себе малу пищу отъ богобоязливыхъ человекъ, приходящихъ къ нему,
отъ богатыхъ же ничтоже пріимаше“. Таково описаніе подвиговъ бла-
женнаго.

Далѣе передается разсказъ объ избавленіи Устюга отъ каменной
тучи. Приводить его здѣсь было бы повтореніемъ. Затѣмъ, съ вѣ-
роятностію, этой редакціи можно приписать пророчество блаженнаго
трехъ-лѣтней Маріи, матери св. Стефана Пермскаго. По крайней
мѣрѣ источникъ этого разсказа совершенно согласенъ съ предисло-
віемъ: „еже, братіе, слышахомъ отъ древнихъ онѣхъ мужей“... Однажды,
придя къ соборной церкви Успенія Богородицы, обычному мѣсту
своего обитанія, блаженный Проконій встрѣтилъ у соборнаго храма
молящуюся дочь одного посадскаго человека, именовъ Марію. Бла-
женный началъ юродствовать „и, чрезъ обычай свой, сотвори той дочери
поклоненіе земное“, а потомъ во всеуслышаніе нарекъ ее матерью
св. Стефана Пермскаго, къ всеобщему изумленію присутствовавшего
народа, ибо „въ то время еще въ Пермстѣмъ языкѣ не было ни еди-
наго человека, вѣрующаго во Христа, но вси убо помрачени бяху
прелестію сатанинскою, поклоняющася болваномъ, жруще бѣсомъ и
идоломъ“.

Блаженный каждый день ходилъ по городу въ роздраномъ ру-
бищѣ, имѣя у себя въ рукахъ три кочерги... „и внегда убо кочерги
святого бываху простерты главами впрямъ, того лѣта бываеъ изобиліе
веліе хлѣбу и всякимъ инымъ плодамъ, а егда кочерги бывають рас-
простерты главами вверхъ, тогда хлѣбная скудость являеша“.

Блаженный любилъ часто сидѣть на берегу рѣки Сухопы и смо-
трѣть на пловцовъ. Онъ просилъ и тѣло его по смерти положить
подъ тѣмъ камнемъ, на которомъ онъ сидѣлъ здѣсь. Желаніе его было
исполнено и могила его подъ любимымъ камнемъ.

Таково содержаніе этой редакціи, насколько можно судить по Устюжскому лѣтописцу. Въ дальнѣйшихъ передѣлкахъ житіе начинаетъ подвергаться сильной порчѣ. Скучное по содержанію и „не украшенное добрословіемъ“ житіе болѣе раннихъ редакцій показалось неудовлетворительнымъ послѣдующему граматею. Онъ вздумалъ пополнить недостающее и для вѣщей характеристики личности блаженнаго, по обычаю своего времени, сталъ искать красокъ въ житіяхъ другихъ подвижниковъ. Но такихъ красокъ не нашлось въ житіяхъ русскихъ подвижниковъ, ибо подвигъ юродства былъ еще такъ новъ на Руси, и агіобіографической литературы по этой отрасли подвижничества не существовало. Поэтому, за такими красками пришлось обращаться къ болѣе древнимъ образцамъ греческой литературы. Вниманіе граматея на этотъ разъ остановилось на житіи блаженнаго Андрея юродиваго Цареградскаго, которое, безспорно, можетъ считаться классическимъ созданіемъ въ области легендарной литературы. Изъ этого житія русскій авторъ позаимствовалъ цѣлый отдѣлъ, который показался ему очень подходящимъ для характеристики сѣвернаго подвижника, подъ заглавіемъ „о зимѣ и бѣдѣ“, передѣлавъ заглавіе его такимъ образомъ: „о велицѣмъ зимѣмъ мразѣ и о терпѣніи блаженнаго Прокопія“²³. Но при этомъ авторъ какъ-бы вовсе не позаботился о литературной обработкѣ своей редакціи: заимствованный отдѣлъ онъ совершенно механически вставляетъ въ житіе Прокопія, не замѣчая того, что допускаетъ явныя хронологическія противорѣчія. Такъ, онъ не обратилъ вниманія даже на то, что свой отдѣлъ съ разсказомъ о посѣщеніи Симеона, отца святителя Пермскаго, помѣстилъ ранѣе предсказанія блаженнаго трехлѣтней Маріи, матери преподобнаго Стефана. Особенно сильной порчѣ подверглись сказанія о чудесахъ блаженнаго Прокопія. Принадлежащее этому автору чудо о бѣсноватой Соломоніи является безпримѣрнымъ въ исторіи русской агіобіографіи, какъ по своему объему (100 листовъ), такъ и по своему легендарному содержанію. Безъ опасенія внасть въ ошибку, перу этого автора можно приписать и еще цѣлый рядъ чудесъ, начиная съ 20 и до конца (№№ 220 и 221 Соловец. б.). Общая характеристическая черта произведеній этого автора необычайная хронологическая точность и аккуратная ссылка на источники, подлинность ко-

²³ Ср. житіе Прокопія въ распространенныхъ редакціяхъ съ житіемъ Андрея Юродиваго, въ Макарьевскихъ Четьихъ-Минеехъ, октябрь. (Изданіе Археологической комиссіи).

торыхъ, повидимому, выше всякаго сомнѣнія. Глава „о велицѣмъ зимнемъ мразѣ“ повѣствуетъ, что описанное въ ней совершилось въ 8-е лѣто по пришествіи въ Устюгъ блаженнаго. Въ заключеніе этого сказанія авторъ пишетъ: „рабъ Божій Сумеонъ (которому блаженный открылъ тайну своихъ страданій, подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ не разглашать ее до смерти своей) скры тайные его глаголы, яже бесѣдова съ нимъ и никому же повѣда о житіи св. Прокопія, донележе онъ изыде отъ житія сего. По преставленіи же святаго все написа порядку, еже видѣ и слыша отъ святаго“. Такимъ образомъ, достовѣрность сказанія скрѣплена, повидимому, авторитетомъ отца великаго просвѣтителя Перми. Но обращаясь къ аналогичному эпизоду изъ житія Андрея Цареградскаго, читаемъ въ немъ тоже самое: „брате мой, (обращается Андрей къ другу своему и почитателю, которому также открылъ тайну своихъ страданій во время мороза) ижженеть меня любви твоя и великая твоя милость пудить мя исповѣдати тебѣ (о страданіи моемъ); заклинаю тя Богомъ, дондеже есмь въ животѣ семъ, еже ти хочу повѣдати, не мози сего никому же повѣдати. Азъ же клялся ему ротою страшною, яко могу сохрании святыя твоя заповѣди“²⁴... Такая же точность замѣчается и въ чудесахъ этой редакціи. Каждому чуду предпосылается указаніе года, мѣсяца и дня его совершенія, а въ концѣ аккуратно указывается источникъ, изъ котораго заимствованъ рассказъ его (исцѣленный повѣдалъ освященному собору, пришелъ въ монастырь и рассказалъ братіи и т. п.). Особенною же хронологическою точностію отличается рассказъ объ исцѣленіи бѣсноватой Соломоніи, а подлинность его запечатлѣна свидѣтельствомъ нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ: „азъ грѣшный попъ Яковъ слышахъ у жены Соломоніи изъ самыхъ устъ ея при свидѣтеляхъ — духовнаго отца ея соборнаго священника Никиты и ея родившаго отца іерея Димитрія и записалъ повѣсть душеполезну и умиленія достойну“.

Рядъ странностей распространенной редакціи житія (№ 221 Солов. биб.) заканчивается статьею о писателѣ, которая до невозможности увеличиваетъ общую путаницу житія. Въ предисловіи, занесенномъ сюда изъ болѣе раннихъ редакцій, мы читаемъ объ источникахъ житія: „ина убо слышахъ отъ чловѣкъ, ина же и сами видѣхомъ очима нашими“, а въ послѣсловіи говорится, что житіе составлено на основаніи рассказовъ „самовидцевъ и памятуховъ“ (л. 207).

²⁴ Макарьевская Четъя-Миня, октябрь, столбецъ 97. (Изданіе Археологической комиссіи).

Кромѣ того, это послѣсловіе явно противорѣчить и самому себѣ. По его словамъ блаженный Прокопій жилъ то „въ послѣдняя времена, во дни наша“, то „уже много лѣтъ преминало послѣ его кончины“, то, наконецъ, житіе написано „по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ по преставленіи святаго“. Сдѣлавъ такія противорѣчивыя замѣчанія, авторъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ повторять переданный уже въ житіи рассказъ объ устройствѣ церкви надъ мощами блаженного и написаніи образа его. Послѣдняя странность бросаетъ нѣсколько свѣта на происхожденіе послѣсловія. Тщательный разборъ житія приводитъ къ тому выводу, что оно составлено по частямъ, въ различное время и различными лицами. Кромѣ приведенныхъ уже доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, можно представить и то, что въ распространенныя редакціи вошли цѣликомъ рассказы изъ посмертной исторіи блаженного, объ устройствѣ часовни надъ его мощами, вскорѣ разметанной Устюжскими соборянами, не вѣрившими въ неканонизованнаго еще Прокопія и рассказъ объ устройствѣ церкви надъ его гробомъ, заимствованные изъ Устюжскаго лѣтописца, о чемъ свидѣлствуетъ точно обозначенное число и годъ, предваряющіе рассказъ (обычай лѣтописный). Подобнымъ же образомъ поступилъ, вѣроятно, и послѣдующій дополнителъ житія. Имѣя предъ собою различныя редакціи житія, въ одной, болѣе ранней изъ нихъ (второй, по нашему обозначенію) онъ нашелъ предисловіе, не вошедшее въ составъ послѣдующихъ редакцій. И вотъ это предисловіе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ помѣстилъ въ своемъ послѣсловіи. Покрайней мѣрѣ такая комбинація предисловія съ рассказомъ о построеніи церкви встрѣчается только во второй редакціи ²⁵.

Г Л А В А II.

Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авиежскіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій.

Слѣдя за исторіей колонизаціи Вологодскаго края Новгородскими и Ростовскими повольниками, нельзя не замѣтить, что эта колонизація совершалась по мѣстамъ болѣе удобнымъ для поселенія, главнымъ

²⁵ Въ самыхъ распространенныхъ редакціяхъ, кромѣ этого, содержатся: похвальное слово Прокопію дукса Симеона Шаховскаго, похвальное слово Варлааму Хутынскому, чудо отъ иконы Пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрія, совершившееся у Соли Вычегодскія. См. Каталогъ рукописей Ундольскаго, № 362, стр. 249.

образомъ, по берегамъ большихъ рѣкъ. Такъ, Вологда расположена по берегамъ соименной рѣки, древній Гледенъ — на берегу рѣки Юга, Устюгъ — на берегу Сѣверной Двины и проч. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, Новгородскія и Ростовскія колоніи являются лишь слабыми начатками колонизаціи Вологодской страны; ея дѣвственные лѣса и безлюдныя пустыни по прежнему оставались незаселенными. Колонизація такихъ мѣстъ совершалась благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, положившихъ здѣсь основаніе многочисленнымъ монастырскимъ колоніямъ.

Къ сожалѣнію, исторія жизни и этихъ подвижниковъ также очень темна и отрывочна, въ особенности же это должно сказать о первыхъ изъ нихъ. Ранѣе другихъ странъ колонизована была Авнежская область, первыми подвижниками которой были св. Стефанъ Махрицскій и два ученика его — Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Печальная участь, постигшая Авнежскую обитель, была причиною забвенія памяти Авнежскихъ подвижниковъ. Въ массѣ древнихъ рукописей мы встрѣчаемъ лишь сказаніе объ обрѣтеніи ихъ мощей и посмертныхъ чудесахъ, но не находимъ житія ихъ. Кой-какія свѣдѣнія объ ихъ жизни можно почерпнуть изъ житія ихъ общаго учителя преподобнаго Стефана Махрицкаго, написаннаго Даниловскимъ игуменомъ Іоасафомъ, перу котораго принадлежит и сказаніе о явленіи мощей Авнежскихъ подвижниковъ. „Мнѣ же смиренному иноку“, пишетъ Іоасафъ въ предисловіи къ житію св. Стефана, „прежде написавшу о явленіи мощей и о чудесахъ преподобныхъ Григорія и Кассіана, иже на Авнезѣ, прилучижеся написати и еще о житіи св. Стефана“¹. По собственнымъ словамъ автора, для составленія житія Махрицкаго подвижника овъ путешествовалъ въ Махрицскій монастырь и вопрошалъ о святомъ Махрицкаго игумена Варлаама, который, между прочимъ, по порученію митрополита Макарія, свидѣтельствовалъ моцѣ Авнежскихъ подвижниковъ. На его вопросъ принесли ему „отъ монастырскія ксенодохія свитци, на хартіяхъ написаны бяху премнога времени отъ нѣкоего старца, сапомъ пресвитера тоя обители, именемъ Серапіона, прадѣда бывша тому Варлааму, иже бысть самовидецъ преподобнымъ Сергію (Радонежскому) и Стефану и много еже о добродѣтеляхъ исправленія ихъ своима очима видѣ той Серапіонъ, ина же отъ юности творимая добродѣтели святыхъ Стефана и ученикъ его“ (л. 358). Разсказъ Іоасафа простой, впушающій довѣріе, а въ сказаніи о

¹ Ркп. сборникъ Соловецкой бібліотеки, № 586 (79 Анзер. скит.), л. 365.

чудесахъ Авнежскихъ подвижниковъ обилень и интересными подробностями.

Преподобный Стефанъ, по сказанію біографіи Іоасафа, былъ постриженникомъ Кіево-Печерской лавры; удалился изъ Кіевскихъ предѣловъ, когда послѣдніе подпали власти „богомерскихъ латинянь“. Придя въ Москву онъ испросилъ себѣ позволеніе у великаго князя на созданіе обители въ Московскихъ предѣлахъ и, поселившись на Махрищѣ, основалъ здѣсь Троицкій общежительный монастырь. Въ разстояніи одного поприща отъ основанной имъ обители жилъ христоробивый мужъ, именемъ Григорій. О немъ говорили, что онъ „отъ юности имѣлъ тѣлесную чистоту и незлобіе“. Узнавъ, что вблизи его поселился подвижникъ, основавшій обитель, онъ сталъ часто навѣщать его. Наконецъ, иноческая жизнь такъ привлекла къ себѣ его вниманіе, что онъ, отдавъ Стефану „селитву свою съ насѣянными нивами, молитъ его, еже сотворити инока“ (л. 308). Желаніе его было исполнено: онъ былъ постриженъ и подъ руководствомъ св. Стефана началъ свои иноческія подвиги. Замѣтивъ добродѣтельную жизнь его, выдѣлявшую его изъ ряда другихъ иноковъ, св. Стефанъ вознамѣрился отличить своего любимаго ученика и послалъ его „къ архіерею, божественному Алексію (Суздальскому), да сотворитъ его пресвитера“.

Но вотъ на св. Стефана воздвизается гоненіе со стороны сосѣдей его обители, братьевъ Алексія, Θεодора, Ивана и Петра Юрковскихъ. Стефанъ за добродѣтельную жизнь былъ уважаемъ отъ людей и отъ самаго великаго князя Димитрія „и (тѣмъ) мняху себе, яко имать владѣти селомъ и нивами“. Кроткія увѣщанія св. Стефана еще болѣе ожесточили враговъ его, такъ что они „устремляются на святаго, дышуще убійствомъ“ (л. 369). Тогда Стефанъ рѣшился оставить основанную имъ обитель и, поставивъ вмѣсто себя начальникомъ ея старѣйшаго священника Ілію, самъ, вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ Григоріемъ, пошелъ въ болота и дебри Вологодскія и поселился „во внутренней пустыни, близъ Сухоны, при потоцѣ Юрьевѣ“. Здѣсь подвижники поставили церковь во имя св. Троицы; спустя немного, создали и другую церковь во имя великомученика и побѣдоносца Георгія. Потомъ устроили трапезу и келіи для братіи, которая мало по малу стала стекаться къ нимъ. Близъ пустоши той жилъ нѣкій человекъ, „именемъ Костякинъ, сынъ Дмитріевъ, рода честна и богата“. „Сей принесе Стефану имѣнія не мало на строеніе монастыря и братіи милостину довольну подаде и моли преподобнаго облеци его во иноческая“. Преподобный исполнилъ его просьбу и при по-

стриженіи нарекъ его Кассіаномъ. Священно-инокъ Григорій сдѣлался его руководителемъ во иноческомъ житіи. Такъ стали подвизаться вмѣстѣ три инока. Послѣ молитвы и богослуженія обычнымъ ихъ занятіемъ было, ходить по окрестностямъ, рубить и жечь лѣсъ и насаждать ниву. Этими свѣдѣніями и заканчивается повѣсть о житіи Григорія и Кассіана въ біографіи св. Стефана. Далѣе писатель сообщаетъ, что великій князь Димитрій Іоанповичъ, узнавъ о новомъ мѣстѣ жительства преподобнаго Стефана, послалъ ему „милостиву довольну и книги своя“, а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ ему придти въ Москву. Повинуясь волѣ самодержца, Стефанъ созвалъ къ себѣ братію, простился съ нею, вручивъ паству преподобному Григорію, а келарную службу блаженному Кассіану, навсегда покинулъ Авнежскую обитель.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Авнежской обители и ея подвижникахъ заключаются въ сказаніи объ обрѣтеніи ихъ мощей и восстановленіи разрушенной Авнежской обители. Последнее событіе совершилось около 1560 года повелѣніемъ Московскаго митрополита Макарія. По его порученію Махрицскій игумень Варлаамъ свидѣтельствовалъ мощи преподобныхъ и собиралъ свѣдѣнія о чудесахъ ихъ. Соборъ, на основаніи донесенія Варлаама, установилъ праздновать Григорію и Кассіану и поручилъ Даниловскому игумену Іоасафу написать сказаніе о нихъ².

---

² Списки: ркп. бібліотеки бывшаго Авнежскаго монастыря (теперь приходская церковь); ркп. сборникъ бібліотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 307—336; ркп. сборникъ Соловецкой библ. № 586 (79 Анзер. скит.), л. 396. Начало: „Коль благъ Богъ Израилевъ“. Всѣ списки одинаковы, только въ Соловецкомъ сборникѣ всѣ чудеса, соединенныя съ исторіею открытія мощей, помѣщены въ началѣ, тотчасъ послѣ предисловія, а въ другихъ онѣ помѣщены въ ряду прочихъ чудесъ (1, 4, 5, 23, 27, 30 и др.). Въ этомъ же сборникѣ недостаетъ послѣднихъ чудесъ, начиная съ 20. Заглавіе сказанія: „Слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана на Авнезѣ и воспоминаніе о чудесѣхъ ихъ. Списано смиреннымъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Даниловскимъ“. По поводу этого заглавія П. Савваитовъ хочетъ поправить архіепископа Филарета, который въ своемъ „Обзорѣ русской духовной литературы“ пишетъ: „Іоасафъ, игумень, а съ 1560 года епископъ Вологодскій, въ 1551 году сочинилъ *житіе* Григорія и Кассіана Авнежскихъ“. „Въ моей бібліотекѣ, возражаетъ Савваитовъ, есть... слово о явленіи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, иже на Авнезѣ, и воспоминаніе о чудесѣхъ ихъ. Списано бысть смиреннымъ отцемъ іеромонахомъ Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря. Изъ этихъ словъ... видно, что Іоасафъ писалъ *не житіе*, а

Въ предисловіи къ этому сказанію Іоасафъ замѣчаетъ, что цѣль его труда — спасти чудеса преподобныхъ отъ того окончательнаго забвенія, которое постигло ихъ жизнь: „да небезпамятна будутъ явленія святыхъ и чудеса, якоже случися быти и о возрастѣ, и отверженіи отъ міра, ради многихъ лѣтъ, обносимыхъ безъ написанія, ради грѣхъ нашихъ и частыхъ находженій безбожныхъ и поганныхъ агарянъ, живущихъ въ Казаніи, и Вятчанъ, бяху бо Вятчана тогда не повиную^т щеса скипетромъ Россійскимъ... многія крови христіанскія проліяша церкви святыя сожигашу и монастыри раззоряшу... никому же ихъ таковое дерзновеніе возбраняюще или пресѣцающе, даже и до самаго града Вологды, близъ же достизаху оная веси, глаголемыя Авнеги, идѣже монастырь преподобныхъ... Церковь святаго великомученика Георгія безбожніи оніи татарове сожгоша и мѣсто оное конечному запустѣнію предаша и во много время никтоже ту смѣяше жити... и на ономъ мѣстѣ запустѣнія растяше лѣсъ величайшій“.

Такова исторія Авнежскихъ подвижниковъ по сказанію житія Іоасафа. Но есть другая редакція этого сказанія, нѣсколько расходящаяся съ сказаніемъ Іоасафа³. Эта редакція, по словамъ неизвѣстнаго автора ея, составлена на основаніи мѣстныхъ сказаній объ Авнежскихъ чудотворцахъ и является весьма интересною, сколько для исторіи сѣверно-русскаго подвижничества, столько и для обрисовки нравовъ обитателей древне-русскаго сѣвера. Вотъ ея содержаніе.

сказаніе о явленіи мощей и чудесахъ Григорія и Кассіана. Житія ихъ еще и до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчалось“. См. въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, т. VI, стр. 95, ст. Савваитова „Нѣсколько примѣчаній къ „Обзору русской духовной литературы“ преосвященнаго Филарета“. Вторую поправку въ изслѣдованіи преосв. Филарета дѣлаетъ проф. В. О. Ключевскій: „утверждаютъ, что этотъ биографъ (Іоасафъ) съ 1560 г. сталъ Пермскимъ (вѣрнѣе Вологодскимъ и Великопермскимъ) епископомъ. Но ни въ одномъ трудѣ онъ не дѣлаетъ намека на свой епископскій санъ, напротивъ, въ сказаніи объ Авнежскихъ чудотворцахъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, называя себя смиреннымъ іеромонахомъ, онъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, а о Пермскомъ епископѣ, пріѣзжавшемъ въ 1560 г. въ Авнежскій монастырь, выражается въ третьемъ и рассказываетъ, что два чуда изложены на основаніи донесенія этого епископа. Наконецъ, есть грамота 1566 г., подъ которой, вмѣстѣ съ епископомъ Іоасафомъ, подписался „чернецъ Іоасафъ, игумень Даниловскій“. На основаніи сказаннаго этотъ изслѣдователь замѣчаетъ, что сказаніе о Григоріи и Кассіанѣ могло появиться не ранѣе 1560 г., а не въ 1551 г., какъ думаетъ архіепископъ Филаретъ. Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 278—279.

³ Эта редакція находится на первыхъ и послѣднихъ листахъ Авнежскаго списка. Рукопись сильно обветшала и разбирается съ большимъ трудомъ.

Въ началѣ своей повѣсти авторъ замѣчаетъ, что онъ намѣренъ дать болѣе достовѣрныя, чѣмъ въ сказаніи Іоасафа, свѣдѣнія „о жизни преподобнаго Стефана Махрицкаго и учениковъ его священномучениковъ Григорія и Кассіана“, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ „отъ здѣшнихъ жителей“. Св. Стефанъ, родомъ „Кіевленинъ, постриженникъ Свято-Богоявленскаго монастыря, по Божію изволенію и наставленію, приде гдѣ нынѣ монастырь Махрицкой стоитъ и селъ преподобнаго отца нашего Григорія“, доставшееся по наслѣдію отъ родственниковъ его. Преподобный Григорій еще „молодымъ отрокомъ“ остался по смерти своихъ родителей. Его св. Стефанъ „воспріемлетъ себѣ въ сына, и именуеть во св. крещеніи Гавріила, и научаетъ его книгамъ и страху Божію... и пострижаетъ осминадесятилѣтна, преименовавъ его Григоріемъ. Не по мнозѣхъ днѣхъ“, Стефанъ, изгнанный изъ Махрици завистию злыхъ людей, оставляетъ Махрицу и вмѣстѣ съ Григоріемъ идетъ въ Авнену, поставивъ вмѣсто себя Махрицкимъ игуменомъ священника Ілію. Путники остановились близъ рѣки Сухоны, при потокѣ Юрьевѣ. „Здѣсь первѣе всего (они) приносятъ жертву Богу на камени (и нынѣ камень тотъ нерушимъ стоитъ а сосудъ деревянный на Шуѣ цѣль лежитъ)“. Въ вторыхъ, строяху десятилѣтно церкви Живоначальныя Троицы, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и великомученика Георгія. Потомъ еще къ нимъ тугошній житель приходитъ, простолюдинъ, именемъ Костянтинъ и даетъ въ послушаніе, и скоро поемлетъ книжное ученіе, и двадцати трехъ лѣтъ пріемлетъ постриженіе и преименованіе Кассіаномъ. И поже богоугодно вси купно тридесять пять лѣтъ“, продолжая созидать „лаврское строеніе всякими монастырскими потребностями, лѣсъ сѣкуше, и нивы и поля насѣвающе“. Далѣе, сказавъ вкратцѣ о возвращеніи преподобнаго Стефана, по волѣ великаго князя, въ Махрицскій монастырь, авторъ замѣчаетъ: „а болѣе о немъ (св. Стефанѣ) увѣдомиться не по чему, того ради, что здѣшніе жители не любопытствуютъ и къ нему не обыкоша“. „И о преставленіи и о погребеніи за дальностію не свѣдомо, токмо по свидѣтельству обрѣтенія мощей преподобнаго Стефана на Махрицѣ, надъ гробомъ преподобнаго пречудно израстоща три древа березы и случившееся по многимъ явленіямъ. Съ прочими достойнѣйшими богоугодными (людьми) прилучися преподобный Арсеній Комельскій самовидецъ быти нетлѣнныхъ мощей сподобися и въ житіи своемъ пространно и ясно увѣдомилъ“⁴. „А по

⁴ Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго мы читаемъ слѣдующую замѣтку: „преподобный отецъ нашъ игумень Арсеній отхождаше, Махрицкой

отшествиі отсюда преподобнаго Стефана, священномученики Григорій и Кассіанъ общее житіе имяху, другъ друга послушаніемъ и любовію почитаху, милостину нищимъ и сиротамъ и пришельцемъ милосердіе являху. Но благочестіемъ и ученіемъ здѣшняя страна не просвѣщена, а злобою, и завистію, и прелестію помрачена: по попущенію Божію, коварный супостатъ діаволь, всѣхъ душъ человѣческихъ губитель, тогда самовластно живущимъ, малознающимъ, не боящимся Бога, вложи злую мысль чтобы ихъ (преподобныхъ) имѣнія разграбить и тѣлеса убить и огнемъ сожести. Омрачшася ііанствомъ, и несътствомъ, и завистію и вскорѣ ти убіеніе священномученикамъ Григорію съ Кассіаномъ учиниша и огню предаша. И нигдѣ огонь очистительный (?) тѣлъ ихъ не извилъ, по по пятидесяти лѣтѣхъ и болѣе на томъ мѣстѣ многія чудеса являхуся. А по убіеніи ихъ въ томъ монастырѣ вселишася татіе, и разбойници, и душегубцы, яко тѣ угодники показующе исперва подъ видомъ лицемѣрства лукавое монашеское житіе, а всѣмъ злымъ дѣламъ совершителіе: Васька Тяжоловъ — Каппъ, конеловъ Ванька, Чурчинъ баболдѣвъ и многія злыя дѣла и пакости дѣяху, грабяху насильно, убиваху и бабъ уводяху любодѣйствовати. И по многомъ томъ любодѣйствѣ и убійствѣ собрашася тутошнихъ житель многолюдство, чтобы ихъ за то злое дѣло убить, и они познаша сіе, и все монастырское строеніе зажгоша, и сами бѣжаша, и гнашася до мѣста многонароднымъ собраніемъ, гдѣ имъ прежде пристанище— до сельца Росцина. Изъ того сельца видятъ множество народа спомоществуютъ тѣхъ убійцъ ко убіенію и потребися память тѣхъ злоторцевъ съ шумомъ“. Въ дальнѣйшемъ содержаніи рассказъ представляетъ рядъ благочестивыхъ разсужденій автора, фактическаго ничего не дающихъ.

Таково содержаніе второй редакціи. Являясь по своему содержанію нѣсколько подробнѣе повѣсти Іосифа, она очень не во многомъ разнится отъ нея, указывая иное мѣсто постриженія Стефана (Свято-

---

монастырь посѣщаше, игумена и братію. Того Махрицкаго монастыря игумень Іона возвѣщаетъ ему видѣніе, еже видѣ надъ гробомъ св. Стефана: подъ дровомъ яко огонь горящъ и окрестъ того мѣста, яко лучъ солнечный сіяя на долгъ часъ. Святой же отецъ Арсеній .. разумѣваетъ быти не простой вещи... и повелѣ поставити гробницу надъ гробомъ св. Стефана и гробъ его покровомъ покрыти и свѣцу велику поставити. Самъ же преподобный соверши божественную службу соборнѣ, игумена и братіи вельми учредивъ и остави вселѣтнюю память св. Стефану“. Рукописное житіе преподобнаго Арсенія Комельскаго въ бібліотекѣ Арсеніево-Комельскаго монастыря, л. 30.

Богоявленскій монастырь, вмѣсто Кіево-Печерской Лавры) и иныхъ разорителей Авнежской обители и убійць ея основателей. И едва-ли эта редакція является не болѣе вѣроятною сказанія Іоасафа. Не нужно забывать, что послѣдній былъ современникомъ покорителя Казанскаго царства. Въ его трудѣ не мало отводится мѣста панегиризму въ честь Грознаго, по поводу этого событія. Вслѣдствіе этого, для него весьма естественно было, по аналогіи съ другими многочисленными случаями, заключить, что причина разоренія Авнежскаго монастыря—нашествіе татаръ, а чрезъ это дать себѣ лишній поводъ къ восхваленію „во царѣхъ достохвальнаго“. Во всякомъ случаѣ мы видѣли уже, что отчасти сказаніе второй редакціи подтверждается свидѣтельствомъ другихъ источниковъ. Это-же мы увидимъ и нѣсколько ниже. Въ заключеніе сказанія объ Авнежскихъ подвижникахъ, мы приведемъ нѣсколько чудесъ изъ редакціи Іоасафа, именно тѣ изъ нихъ, которыя соединяются съ исторіей обрѣтенія ихъ мощей. Эти чудеса являются интересными столько же для историка церковнаго, сколько и гражданскаго. „Въ повѣсти о чудесахъ, предшествовавшихъ открытію мощей и восстановленію Авнежскаго монастыря, пишетъ въ своемъ изслѣдованіи проф. Ключевскій, писатель сообщаетъ подробности, дѣлающія ее памятникомъ первостепенной важности для исторіи заселенія сѣверо-восточной русской окраины“⁵.

Съ первымъ чудомъ соединяется разсказъ объ обрѣтеніи мощей. „Бысть-же въ лѣто 724к (1524) въ веси оной Авнезѣ человекъ нѣкій, именовъ Гавріиль, посѣче лѣсъ, яко ту селитву сотворити хотяше. Егда-же сему бывшу лѣсу посѣчену и иссохшу, тако хвастіе оно огнемъ запаливъ: всему-же хвастію окрестъ онога мѣста, идѣже святіи лежаху, сгорѣвши, а идѣже древле бысть церковь и мощи святыхъ, ту хвастіе отъ огня не опалимо пребываше. Той же Гавріиль собра множество хвастія и сотвори громаду велию и запалаше громаду многаци, наче она угасаше; и приспѣвши ноци, отходитъ той Гавріиль на ложе свое опочивати. Во утрій же день пришедъ и видя громаду разметану, удивися, не разуме, яже что хочеть быти: но тако отребивъ оставшаяся хвастія, и раломъ разоравъ, и вывы насѣяше, и храмины себѣ постави близъ мѣста онаго. Не по мнозѣ же времени паки индѣ отходитъ жити, во свое мѣсто оставляетъ нѣкого человека, именовъ Θεодора. И тому живуцу на ономъ мѣстѣ нѣколько время, абіе видѣ по вся ноци вечеръ и утро и свѣщу горящу, идѣже мощи святыхъ лежаху. И удивляшеса сему Θεодорѣ,

⁵ Стр. 279—280.

мняше бо привидѣніе и мечтаніе хочеть быти или сокровищу нѣко-
 ему ту положену быти отъ древнихъ невѣрныхъ человекъ... Утайся
 ноцію, шедше, окопавше землю на ономъ мѣстѣ, идѣже свѣща явля-
 хуся, и обретѣ ту два гроба и убоися зѣло, и паки покры ихъ зем-
 лею и иде въ домъ свой, возлеже на одрѣ да почиеть отъ труда.
 Спящу же ему, явился ему мужъ среднимъ возрастомъ, русъ власы,
 широку имѣя браду, священническія бѣлы ризы носяй, глагола ему:
 Θεодоре, иди въ настоящій день въ ближнюю весь, къ церкви Живо-
 начальнойнѣи Троицы, ко игумену Мисаилу и приставнику великаго
 князя Симеона Іоанну, пореклому Рылу, и во вторую недѣлю иди къ
 церкви Николая Чудотворца, къ іерею Іерофею и приставнику благо-
 вѣрнаго князя Петра, Іоанну же именемъ, въ третію же недѣлю иди
 къ церкви св. пророка Іліи, такъ же священнику Никитѣ и всѣмъ
 людемъ оныхъ церквей и рцы имъ, да поставятъ церковь св. велико-
 мученика Георгія, иже бѣ прежде.. Θεодору же спросившу о имени
 его, повѣда ему имя Григорія, по сихъ же Θεодоръ, якоже речеся,
 шедъ, возвѣсти игумену и священникомъ и всѣмъ людемъ, они же
 не яша ему вѣры; преждепомянутіи же князи, господіе веси оная, князь
 Симеонъ и князь Петръ, въ то время въ домѣхъ своихъ не были и
 по сихъ улучи ихъ при домѣхъ, повѣда имъ сіе. Тіи же князи идяста
 тамо, идѣже святіи лежаху, и повелѣша предъ собою копати оному
 Θεодору и видѣша князи два гроба цѣлы и нерушимы, во гробѣхъ же
 убоихуся смотрѣти и паки повелѣша покрыти и пѣти надъ ними мо-
 лебная іереомъ, сами же пошли въ дома своя и паки оба князи по-
 подоша противо поганныхъ на брань... Потомъ же явившася во снѣ
 преждепомянутому Іоанну Рылу два мужа, тожде слово рекоста ему,
 якоже и Θεодору“. На этотъ разъ было освящено мѣсто упокоенія
 святыхъ и поставлена надъ ними гробница, при чемъ трудившіеся въ
 этомъ дѣлѣ Іоаннъ Рыло и Троицкій игумень Мисаилъ получили исцѣ-
 леніе отъ болѣзни.

Замѣчательное событіе изъ исторіи открытія мощей Авнежскихъ
 чудотворцевъ передается въ чудѣ четвертомъ (по спискамъ Вологод.
 монастырей). „Искони ненавидяй добра роду человѣческому діаволь
 вложи въ сердцѣ нѣкоему человеку, Гавріилу именемъ, по реклому
 Ушакъ. Еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба свя-
 тыхъ, бѣ бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ,
 глагола: яко аще не престануть бывати чудеса отъ гроба святыхъ и
 паче множатися, иматъ мѣсто оное распостранитися и состроится мо-
 настырь, и вселятся ту мниси, и азъ не токмо мѣсто оное себѣ наслѣ-
 дую, но и селѣ отцетитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Гав-

рииль Глушицкаго игумена Іоакима и старца Илнарха тогожде монастыря, саномъ суца священника. И сотвори на нихъ учрежденіе веліе, и съ ними о собѣ совѣтъ сотвори, и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идеже святіи лежаху. Обьюродеша шланствомъ, паче же завистию и несытствомъ разориша гробницу, иже надъ мощми святыми и святыя иконы, иже въ ней, повергше на землю и паки отъидоша“... Гаврииль не заплатилъ за свою дерзость: „не по мнозѣхъ дѣхъ возмаетея умомъ своимъ, и нападе нанъ страхъ и ужась, и во изступленіи ума хождаше по чацамъ лѣса, якоже двіи звѣри. И тако ему страждущу десять мѣсяцевъ, едва въ себе пришедъ, позна своѣ согрѣшеніе, и пришедъ ко гробу святыхъ припадеша и со слезами моляся... и тако съ тѣлеснымъ здравіемъ обрѣте душевное, отходитъ въ домъ свой. Мисаиль же игумень и приставникъ благовѣрнаго князя Симеона... шедше въ монастырь св. Димитрія, иже на Прилуцѣ и повѣда игумену Мисаилу тоя обители, какъ разорена бысть гробница и святыя иконы (ибо въ то время во градѣ Вологдѣ епископа не бѣ). Игумень-же Мисаиль повелѣ паки поставити гробницу надъ мощми и внести святыя иконы.

Подобный разсказъ передается и въ пятомъ чудѣ. „Человѣкъ нѣкій, именовъ Онисимъ, сей помышляетъ въ сердцѣ своемъ, глаголя, яко идѣже гробъ святыхъ сокровище положено бысть нѣкое отъ древнихъ невѣрныхъ волхвованіемъ и сего ради бывають мечтанія и привидѣнія и не суть истинная чудеса. Се же ему помышляющу, шедъ въ ковачу и повелѣ ему сковати себѣ желѣзо въ длину яко сажени болѣ, конецъ же остръ и тако поимъ съ собою два человѣка, подобна себѣ и единомысленна на оно мѣсто, идѣже святіи лежаху. И никому же вѣдуще ихъ отшествіе, тако достиже въ пустыню, идѣже гробы святыхъ, чающимъ обрѣсти себѣ сокровище нѣкое, и тако концемъ желѣза водружаша острымъ въ землю, ищущемъ мнимаго имъ сокровища, и въ мощи святыхъ немилостивно прободаху, и внезапно же всетріе разслабѣна тѣлесными всѣми уди... Сынове же оною Онисима, поискавши отца своего, едва обрѣтоша его въ пустыни, лежаща на земли разслабленнымъ съ совѣтники его“.

Пострадавъ два лѣта и шесть мѣсяцевъ, Онисимъ обратился съ молитвою къ успѣвшимъ уже прославиться Авнежскимъ чудотворцамъ и получилъ здравіе. Закапчивая свое сказаніе объ Онисимѣ, писатель замѣчаетъ: „его же (Онисима) и азъ самъ видѣхъ очима своимъ, суца въ велицѣй старости, якоже лѣтъ сто и множае, украшена иноческимъ одѣваніемъ и нареченна именовъ Антонія“.

Такъ нѣсколько лѣтъ продолжались совершаться чудеса и слава объ Авнежскихъ подвижникахъ прошла „повсюду, даже и до самаго града Москвы и до Самодержца великія Россіи царя Іоанна Васильевича, во царѣхъ достохвальнаго. Онъ же, сія слышавъ, возвеселился сердцемъ и возрадовался душею: бѣ бо тепло вѣроу, еже ко святымъ... Той посылаетъ милостину доволну на монастырь св. Живоначальныя Троицы, что на Махрищѣ, и посылаетъ тамо Махрищскаго игумена Варлаама (бѣ бо мѣсто оно, идѣже святіи лежаху, отъ многихъ лѣтъ Махрищскаго монастыря бѣше) и вручаетъ тому игумену все, еже на строеніе святаго оногo мѣста, всю утварь церковную: святыя иконы и сосуды церковныя отъ своея царскія казны и повелѣваетъ дати паволоку, сирѣчь покровъ, къ симъ же села даетъ на пропитаніе тамо живущимъ монахомъ и повелѣваетъ поставити церковь св. Троицы и великомученика Георгія и повелѣ собрати монахи и устроити монастырь“.

„По повелѣнію благочестиваго царя и по благословенію преосвященнаго Макарія митрополита, той игумень Варлаамъ достизаетъ пустыни, идѣже святіи лежаху и основа церковь, идеже гробы святыхъ, въ лѣто 7231 (1560), индикта 4“.

Когда церковь была устроена, митрополитъ Макарій снова посылаетъ игумена Варлаама въ Авнегу для освященія церкви и при этомъ „хотя извѣстно разумѣти, еже истинна есть о чудесѣхъ слышанное“, поручаетъ ему „вопросити (о томъ) извѣстно ту сущихъ окрестъ мѣста оногo“. Игумень въ праздникъ Покрова освятить церковь и при освященіи самъ сдѣлался свидѣтелемъ одного чуда (исцѣлился глухой Михаилъ), о чемъ и донесъ митрополиту, а вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ ему рассказы „отъ ту сущихъ жителей окрестъ мѣста того, истѣе слышавъ паче отъ нѣкоего старца, Антонія именемъ, иже бысть въ старости величій, той самъ о себѣ сказавъ, како на ономъ мѣстѣ искавъ сокровища... и отъ пономаря ту суца, именемъ Алексія, о немъ же бысть чудо и исцѣленія“.

„Преосвященный же митрополитъ Макарій собра архіепископы и епископы и весь освященный соборъ, и уставы праздновати святымъ и посла книги своя Пермскому епископу Іоасафу, да идетъ тамо, идѣже святіи лежаху. Епископъ же посла книги своя во вся монастыри, сущіе подъ нимъ, да идутъ съ нимъ вси игумены въ ту пустыню, по повелѣнію преосвященнаго митрополита, видѣти своима очима слышанная. Самъ же епископъ со тщаніемъ сѣде въ ладицу, понмъ съ собою весь причетъ церковный и плыша тамо по рѣкѣ. Такжеже и игумены, по повелѣнію епископа, тамо идуще. Въ нихъ

же бѣ игумень Иларіонъ Лопотова монастыря, яко тяжко сіе внят путное шествіе и якоже тцету нѣкую вмѣняя, глаголя въ себѣ, бо яко маловѣріемъ одержимъ къ преподобнымъ, но бояшеса преслѣшати епископа... Егда же бысть близъ монастыря святыхъ развирѣся ося его и съ себѣ сокруши его (послѣ расказнія онъ потомъ получилъ исцѣленіе). Егда же совершиша божественную литургію, повелѣ епископъ раскопати землю, идѣже святіи лежаху, обрѣте гробъ цѣль и открыша и видѣша мощи, составы нерушима не имуще дебелства тѣла, яко кожа присохла къ костѣмъ. Другіи же гробъ рушимъ отъ нѣкіихъ, якоже и прежде писахомъ"...—Вторымъ почти современнымъ Григорію и Кассіану подвижникомъ Авнежской страны былъ преподобный Димитрій Прилуцкій. Мѣстомъ его кратковременныхъ подвиговъ была противоположная сторона Авнежа такъ враждебно относившейся къ подвижникамъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ объ основателяхъ Авнежскаго монастыря. Житіе преподобнаго Димитрія представляетъ изъ себя гармоническое сочетаніе историческаго содержанія съ искусственно-агіобіографической формой. Ово написано со словъ Пахомія, ближайшаго ученика и преемника по игуменству въ Прилуцкой обители рукою Макарія, пятаго Прилуцкаго игумена. Подробности житія, по словамъ проф. Ключевскаго ⁶, заставляють предполагать въ лицѣ писателя свидѣтеля жизни и трудовъ преподобнаго, хотя самъ онъ объ этомъ и не упоминаетъ ⁷.

⁶ Стр. 270.

⁷ Списки житія: ркп. житіе бібліотеки Димитріевской Авнежской церкви. Начало: „Сей преподобный и богоносный отецъ нашъ Димитрій бысть родомъ Россійскаго царства, Московскія страны, отъ града Переяславля“. Это, по Ключевскому, первая редакція, безъ предисловія и похвальнаго слова, съ нятю чудесами. Въ особой припискѣ прибавлено здѣсь чудо при устройствѣ церкви послѣ пожара (1542 г.) и описаніе торжества срѣтенія иконы преподобнаго, возвратившейся изъ Казанскаго похода (1503 г.) и, наконецъ, еще 29 чудесъ. Рукопись Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 48—57,—редакція болѣе распространенная (вторая по Ключевскому) съ предисловіемъ. Начало: „Аще бо иногда еллинстїи баспотворцы и нечестивїи языци, иже Бога не знающїи, праздници и поклоненіе идоламъ приносяще... кольми паче намъ подобаетъ намѣть святыхъ праздновати“. Ркп. той же обители № 4/3, распространенная редакція (третья), съ предисловіемъ и двумя похвальными словами. Начало житія: „Отъ славнаго града Переяславля, отъ благочестиваго корене израсте доброплодная розга“. Сюда же относятся списки въ Соловецкихъ сборникахъ №№ 627/508, 616/518. Напо

Повѣствованіе о жизни преподобнаго въ родительскомъ домѣ отличается въ житіи обычною краткостію. Св. Димитрій родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ отъ богатыхъ, „многу куплю творящихъ“, родителей. Но онъ не захотѣлъ продолжать ихъ профессіи и еще въ юности обнаружилъ иноческія наклонности. Придя въ возрастъ, онъ окончательно порвалъ свои связи съ міромъ и постригся „въ томъ же градѣ Переяславлѣ, въ монастырѣ Пречистыя Богородицы, на Горицахъ“⁸. Здѣсь онъ началъ свои иноческіе подвиги и вскорѣ сподобился „священства даръ пріяти“. Впрочемъ, онъ скоро покинулъ мѣсто своего постриженія и самъ началъ устроить монастырь съ церковію въ честь святителя Николая, близъ Переяславскаго озера. Около того же времени неподалеку отъ обители Димитрія устроилъ свой монастырь преподобный Сергій Радонежскій. Святые скоро сдѣлались друзьями и стали навѣщать другъ друга, подавая взаимные совѣты „како-бы общее житіе управити“.

Разсказъ о жизни Димитрія въ Переяславлѣ біографъ заключаетъ слѣдующими эпизодами. Преподобный Димитрій отъ юности обладалъ

нецъ, списокъ Соловецкой бібліотеки № 638/835 составляетъ четвертую (испорченную) редакцію. Общее заглавіе житія: „Житіе и подвизи и отъ чудесъ похваленіе преподобнаго отца нашего Димитрія, иже на Прилужѣ, Вологодскаго чудотворца. Твореніе тоя же обители игумена Макарія“. Первые три редакціи въ фактическомъ отношеніи не отличаются другъ отъ друга. Здѣсь житіе цитруется по первой редакціи.

⁸ По изысканію автора „Исторіи Россійской іерархіи“ „о началѣ Горицкаго Богородицкаго монастыря ничего не извѣстно, кромѣ того, что онъ существуетъ изъ давнихъ лѣтъ“ (III, 144). По преосвященный Филаретъ, ссылаясь на Прологъ, утверждаетъ, что этотъ монастырь основанъ великою княгиніею Евдокіею, въ инокиняхъ Евфросиніею, въ 1392 году, который считается годомъ смерти преподобнаго Димитрія. (Архіеп. Филаретъ, Русскіе святые, 11 февраля). Поэтому онъ, а за нимъ и другіе (г. Суворовъ въ „Описаніи Спасо-Прилуцкаго монастыря“, стр. 2, гр. Толстой въ „Разсказахъ изъ Русской церкви“, стр. 215) полагаютъ, что Димитрій постригся не въ Горицкомъ, а въ другомъ, существовавшемъ тогда, Нагорномъ-Ворисоглѣбскомъ монастырѣ. Но Прологъ въ данномъ мѣстѣ противорѣчитъ самому себѣ: допуская, что Горицкій монастырь основанъ въ 1392 г., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что Димитрій постригся въ немъ (Прологъ, 11 февраля). Есть, дѣйствительно, Горицкій монастырь, основанный княгиніею Евфросиніею, но княгиніею Старицкою, Горицкій Богородицкій, а не Воскресенскій; не мужской, а женскій. (Исторія Россійск. іерарх., III, 741—742). Не это ли обстоятельство ввело въ заблужденіе составителя Пролога, а за нимъ и архіеп. Филарета?

„благородствомъ и красотою, подобно Іосифу Прекрасному“. Вслѣдствіе этого, онъ всегда имѣлъ обыкновеніе покрывать лице свое кукулемъ, скрывая его отъ посторонняго взора. Но „нѣкоего мужа славна жена“, часто вмѣстѣ съ другими приходившая въ монастырь для молитвы „и слышащи прежнюю доброту, красоту и цѣломудріе преподобнаго, восхотѣ видѣти его“. Послѣ долгихъ тщетныхъ стремленій удовлетворить своему желанію, она, наконецъ, пустилась на хитрость: „нѣкогда по прилучаю спроста увидѣ святого, готовящаяся къ божественной службѣ“. Суровый взоръ подвижника привелъ въ смущеніе безстыдную жену „и абіе нападе на ню ужасъ великій и бысть ослаблена всѣмъ тѣломъ“. Но святой, видя раскаяніе жены, простилъ ее и, благословивъ, возвратилъ ей здравіе.

Стоустая молва разглашала о подвигахъ Димитрія, такъ что „и самый тогда предержай начальство Россійскаго царствія благовѣрный и христіолюбивый князь Димитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобнѣмъ, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради, и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго почиташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его бабею св. крещенія и церковными дары почте и велію честь воздаде ему“.

„Видя себе преподобный въ величѣй славѣ отъ челоувѣкъ похваляема... сего ради изыде отъ Переяславля и отъ обители своея, помимъ съ собою единаго ученика своего, достовѣрна и во всемъ подобна его житію, именемъ Пахомія, (иже той намъ много свидѣтельства о житіи и чудесѣхъ его) и устремився къ сѣвернымъ странамъ... И походивъ непроходные лѣсы, и дебри пустыя, иже прилежаху града Вологды, обрѣте мѣсто пусто на рѣцѣ на Лежѣ и на Великой рѣцѣ⁹, ту и церковь воздвиже во имя Воскресенія Христова“¹⁰. Однако преподобный не могъ долго оставаться здѣсь: „люди не благодарные отъ прилежація веси (Авнега зовомыя) подняли ропоть велій на него, глаголюще: отче! не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиша бо въ себѣ, яко аще сей великій старецъ близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими). Слышавъ же святой ненависть ихъ и ропоть, скоро возставъ, отъиде отъ туду и прииде на Вологду и видѣ градъ украшенъ многими святыми церквями... И возлюби преподобный мѣсто на Прилуцѣ, отъ града за

⁹ Великая—притокъ рѣки Лежи.

¹⁰ Эта церковь существуетъ и доселѣ подъ именемъ Воскресенской Великорѣцкой.

три поприща“. Это мѣсто и избралъ онъ для устройства своей обители. „И тамо сущіе жителіе—мужъ благодѣтельный, именемъ Ілія, и сусѣдь его—Исидоръ, зовомый Выпяргъ, дарствуютъ святому, по прошенію его, земли своея довольно, елико требуютъ на поставленіе обители, и за любовь свою, еже имаху къ нему, небрегуть тогда и насѣяныя своя озимыя нивы, уже соверщенныя классы издавшія, но въ поправленіе погамъ человѣческимъ быша“.

Такъ же радостно и вся Вологда привѣтствовала Переяславскаго подвижника: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и велицыи, богатіи и убозіи, и всякъ возрастъ, другъ друга предваряюще, течаху благословеніе отъ святаго пріяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей: инѣ имѣнія, инѣ дрѣвеса, а нѣтъ потребныя церкви и монастырю, и вскорѣ великая церковь поставлена бысть въ честь честному и животворящему кресту (августа въ первый день)... И паче ту преподобный жительствовати съ братією вкупѣ и мнози иноци пріидоша къ нему и отъ древнія его обители, иже въ Переяславлѣ. Слышавъ же и благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, прислаше ему довольно на потребу монастырскаго строенія. Такъ устроена была одна изъ знаменитыхъ сѣверныхъ обителей. Съ самаго же начала своего существованія она прославилась своею благотворительностію: „бывше бо, замѣчаетъ быто писатель, обитель его (преп. Дмитрія) на распутіяхъ многихъ и мѣстоходящія отъ града Москвы даже и до великаго окіана-моря“ находили всегда радушный пріютъ въ ней.

Устроивъ, такимъ образомъ, вторую обитель, преподобный Дмитрій снова предался своимъ обычнымъ подвигамъ. „Ризную худость толико любляше, замѣчаетъ его біографъ, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда носаше на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпаше. . И по часту ходаше на село свое, презирая тамо дѣлателя своего, именемъ Григорія, сѣющаго жита его... Толико воздержательный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣваше утѣшенію братіи быти, онъ не ядаше, поставляему сущу предъ нимъ въ малѣ сосудѣ глиняномъ, точію едину воду теплу и велій паръ испущающу съ малою просфорой хлѣба—сицева ядь его всегда бываше“.

„Нѣкто отъ ближнихъ обители его жителей принесе братіи ястіе и питіе. Преподобный не повелѣ пріяти (не брашно хуля, но приносящаго показуя, да будетъ совершенно милостивъ ко всѣмъ) рече къ нему: отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принеслъ еси, и яже суть раби и сироты въ дому твоємъ, сихъ напитай, да не гибнутъ голодомъ,

жаждою и наготою и тѣхъ избытка нашей нищетѣ донеси. Онъ же обѣщався тако сотворити и... едва умоли святаго, да возмутъ братія принесенная отъ него. По семъ святыи мнози блага тому содѣла и отъ прилучившихся нѣкія бѣды свободы его“.

Любя уединеніе, преподобный и въ церкви своей „повелѣ устроити себѣ мѣстце особно, близъ алтаря на лѣвой странѣ... и тамо втайнѣ обычная молитвы къ Богу возсылая“.

Своими подвигами святыи достигъ высшаго совершенства и удостоился дара пророчества. Такъ, онъ предсказалъ братіи день кончины своего высокаго почитателя, великаго князя Димитрія Іоанновича, и гибель среди дикихъ людей купцу, брату своему, отправившемуся къ нимъ въ третій разъ для паживы и обогащенія.

Въ своихъ подвигахъ достигнувъ маститой старости, преподобный преставился въ 1392 году, назначивъ себѣ преемникомъ по игуменству ученика своего Пахомія.

Г Л А В А III.

Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастырской колонизаціи сѣверной части Вологодскаго края.—Постриженники его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменскій.—Преподобный Григорій Пельшемскій.

Многочисленныя Ростовскія владѣнія въ Вологодской землѣ сдѣлались мѣстомъ подвижничества, кромѣ ранѣ упомянутыхъ, многихъ и другихъ подвижниковъ, изъ которыхъ болѣе замѣчательны Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій и Іоасафъ Каменскій. Эти преподобные мѣстомъ своего постриженія и первоначальнаго подвижничества имѣли замѣчательный въ исторіи Спасо-Каменный монастырь.

Древность сохранила намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой обители, которыя заключаются въ лѣтописи ея, составленной знаменитымъ въ свое время старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ. Въ этой лѣтописи помѣщаются краткія біографическія свѣдѣнія и упомянутыхъ трехъ подвижниковъ. Въ виду важнаго значенія въ исторіи древне-русскаго подвижничества личности самого автора этой лѣтописи и въ виду той же важности Спасо-Каменной обители, мы предварительно позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ и о другомъ.

Свѣдѣнія о Паисіѣ очень отрывочны. Преподобный Филаретъ, не указывая источника, сообщаетъ, что Паисій самъ былъ постриженникомъ Спасо-Каменной обители¹. Авторъ извѣстнаго посланія о

¹ „Обзоръ духов. литературы“, I, § 106.

причинахъ вражды между монахами Кирилловскими и Иосифовскими сообщаетъ, что Паисій Ярославовъ былъ учителемъ Нила Сорскаго². На этомъ основаніи можно думать, что около половины XV вѣка Паисій былъ инокомъ въ Кирилловѣ монастырѣ. Послѣ преставленія преподобнаго Кирилла, по свидѣтельству Иосифа Волоцкаго, нравы иноковъ Кирилловой обители стали сильно упадать. Даже сами настоятели, будучи „отъ инога монастыря, преданія и законы св. Кирилла не храняше и въ небреженіе полагаше“. Вслѣдствіе этого „старѣйшіи и большіи старцы вси отбѣгоша отъ монастыря, не терпя зрѣти святаго Кирилла преданія попираема и отметаема“³. Можетъ быть, какъ догадывается авторъ „матеріаловъ для біографіи Нила Сорскаго“⁴, въ числѣ такихъ старцевъ, „преданія святаго Кирилла теплѣ хранившихъ“, былъ и Паисій Ярославовъ. Какъ бы то ни было, но нѣсколько позднѣе мы видимъ его уже въ Троицкомъ-Сергіевѣ монастырѣ. Во время игуменства Спиридона (1467—1474) онъ пишетъ здѣсь для сего послѣдняго житіе преподобнаго Кирилла, что явствуетъ изъ самаго списка этого житія⁵. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстенъ великому князю, по волѣ котораго, въ 1479 году, сталъ игуменомъ Троицкой обители. По замѣчанію лѣтописи, Паисій пользовался большимъ уваженіемъ великаго князя, который держалъ его „въ чести велицѣй“ и даже просилъ быть восприемникомъ своего сына⁶. Однако, по свидѣтельству одного древняго памятника, паденіе инсической жизни въ обители преподобнаго Сергія заставило Паисія въ 1484 году отказаться отъ игуменства. Послѣ этого мы часто видимъ его въ Москвѣ. Въ 1484 году великій князь здѣсь совѣтовался съ нимъ о митрополитѣ Геронтіѣ и уговаривалъ его занять мѣсто послѣдняго: „великій князь нача думати съ Паисіемъ, пригоже ли его (м. Геронтія) опять взяти на митрополию... хотяше бо его самого на митрополию, онъ же не хотяше: принуди бо его великій князь и у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ игуменомъ быти и не може чернцовъ превратити на путь Божій, и хотѣша его убити, и остави игуменство,

² „Письмо о нелюбкахъ“ въ прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцовъ, т. X, 504. Здѣсь читаемъ: „да тутъ же (на соборѣ 1503 г.) былъ старецъ Паисій Ярославовъ и ученикъ его старецъ Нилъ, по реклу Майковъ“.

³ „Матер. для біографіи Нила Сорскаго“. Соч. г. Архангельскаго, стр. 15.

⁴ Ibidem.

⁵ Ключевскій, Указан. соч., стр. 190.

⁶ Софійскій временникъ см. въ указан. сочиненія г. Архангельскаго, стр. 16.

потому же и митрополию не восхотѣ⁷. Въ 1490 и въ 1503 годах мы снова видимъ Паисія въ Москвѣ участвующимъ на соборахъ. На послѣднемъ соборѣ, по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ, Паисій держалъ сторону заволжскихъ старцевъ. Паисій былъ хорошо извѣстенъ знаменитому обличителю жидовствующихъ, новгородскому архіепископу Геннадію. По поводу возбужденныхъ толковъ объ исходящей седьмой тысячѣ лѣтъ, Геннадій въ 1489 году, 25 февраля, писалъ Ростовскому архіепископу Іоасафу: „да чтобы послалъ еси по Паисею да по Нила, да съ ними бы еси о томъ посовѣтовалъ.. Да ты бы о томъ съ Паисіемъ да съ Ниломъ накрѣпко поговорилъ, чтобы и мнѣ отписалъ о томъ“⁸. Въ другой разъ, въ письмѣ къ тому же архіепископу Геннадій выражаетъ намѣреніе позвать этихъ старцевъ къ себѣ, чтобы посовѣтоваться съ ними о волновавшей тогда русскіе умы ереси жидовствующихъ: „да и о томъ ми отпиши, мощно ли у мене побывати Паисею да Нилу; о ересѣхъ тѣхъ съ ними поговорити“⁹. Изъ этихъ писемъ Геннадія можно видѣть, что мѣстомъ жительства Паисія, послѣ отказа его отъ игуменства и митрополи, были предѣлы Ростовской епархіи. Архіепископъ Филаретъ полагаетъ, что такимъ мѣстомъ служилъ Спасо-Каменный монастырь, въ которомъ Паисій скончался и въ которомъ, въ періодъ своего послѣдняго пребыванія составилъ свою лѣтопись¹⁰.

Обращаясь къ этой послѣдней, мы въ заглавіи ея читаемъ: „Сказаніе извѣстно о Каменномъ монастыри. Отъ первоначальника Каменнаго монастыря, отъ приснопамятнаго старца Паисея святаго Ярослава. Той собра отъ многихъ книгъ послѣ пожара Каменнаго монастыря“. Такимъ образомъ, какъ будто все содержаніе лѣтописи заимствовано изъ письменныхъ источниковъ. Въ послѣднемъ извѣстіи замѣчаетъ проф. Ключевскій, позволительно усумниться, если не по отношенію ко всему содержанію лѣтописи, то, по крайней мѣрѣ, части

⁷ Софійскій временникъ въ сочиненіи Архангельскаго, стр. 15—16, при мѣч. 38, и у Соловьева въ Исторіи Россіи, т. V, стр. 204.

⁸ Архангельскій, Указ. соч., стр. 30.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, т. I § 106. Ср. у Ключевскаго, Житія Святыхъ, стр. 191. Лѣтопись Паисія Ярославовъ издана въ Православномъ Собесѣдникѣ, за 1861 г., т. I, стр. 197—214. Въ рукописяхъ она обыкновенно служитъ приложеніемъ къ житію преподобнаго Іоасафа Каменскаго.

его. Она страдает многими неточностями ¹¹, что заставляет предполагать источником ея не письменное, а устное монастырское преданіе. Изъ монастырскихъ записокъ, можетъ быть, заимствованы Паисіемъ извѣстія объ Александрѣ Куштскомъ, Діонисіѣ Глушицкомъ и Іоасафѣ Каменскомъ. Однако, при всемъ томъ, сообщаемыя лѣтописью извѣстія о началѣ Спасо-Каменнаго монастыря, о состояніи христіанства въ сѣверномъ краѣ, подвижникахъ Каменскихъ, дѣлають лѣтопись источникомъ первостепенной важности. Вотъ ея разсказъ о началѣ Каменнаго монастыря.

Въ 1342 году князь Глѣбъ Васильковичъ (ошибочно названный въ большинствѣ редакцій Борисовичемъ), внукъ князя Константина Всеволодовича Ростовскаго, предпринялъ путешествіе воднымъ путемъ въ городъ Устюгъ ¹². Проплывъ благополучно Бѣлоозеро и рѣку Порозовицу, князь на Кубенскомъ озерѣ былъ застигнутъ бурей. Испу-

¹¹ Эти неточности указаны въ сочиненіи проф. Ключевскаго, стр. 191—192.

¹² Здѣсь годъ путешествія и имя великаго князя (Іоаннъ Даниловичъ) обозначены невѣрно. Авторъ „Исторіи Россійской іерархіи“ по этому поводу пишетъ слѣдующее: „Въ сказаніи о Спасо-Каменномъ монастырѣ, которое собралъ старецъ Паисій Ярославовъ, написано, что путешествіе Бѣлоозерскаго князя Глѣба Васильевича случилось якобы при державѣ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, въ лѣто 6849 (1341), но, по родословной книгѣ князей и дворянъ россійскихъ, князь Глѣбъ Васильковичъ жилъ въ половинѣ XIII в., а именно (по Зерцалу россійскихъ государей, изданному въ Спб. 1794, Маггинымъ, стр. 255) родился въ 1236, а скончался въ 1278 году. Также въ древлеписанномъ сказаніи объ Усть-шехонскомъ Бѣлоозерскомъ монастырѣ, построенномъ симъ же княземъ Глѣбомъ въ 1251 году, написано, что послѣ того уже онъ построилъ на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера Спасо-Преображенскій монастырь. Слѣдовательно, путешествіе князя Глѣба въ Устюгъ и начало Спасо-Каменнаго монастыря должно положить около 1260 г.“ (Ист. Росс. іерарх., IV, 327—328). Такимъ образомъ, здѣсь произошла ошибка почти на цѣлое столѣтіе (вмѣсто *ⲗⲟⲩⲏ* — *ⲗⲟⲩⲏ*). Можетъ быть, она принадлежитъ переписчику, а можетъ быть и самому автору. При первомъ предположеніи, происхождение хронологической неточности можно объяснить такимъ образомъ. Пиша на основаніи устнаго преданія, многое позабывшаго и перепутавшаго, Паисій ошибочно сочелъ годъ основанія Троицкой Усть-шехонской обители — годомъ основанія Спасо-Каменнаго монастыря. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ годъ основанія первого дѣйствительно отнесенъ къ 1241 г. (*ⲗⲟⲩⲏ*). Таковъ, напримѣръ, рукописный отрывокъ бібліотеки Вологодскаго каедр. собора (ркп. № 16), начинающійся словами: „у великаго князя Василька Константиновича Ростовскаго были два сына“.

гавшись погибели, онъ началъ молиться и далъ обѣтъ: на мѣстѣ при станица создать монастырь съ церковью въ честь того святаго ил праздника, воспоминанію котораго будетъ посвященъ день спасенія Шестаго августа онъ былъ прибитъ волнами къ берегамъ Каменнаго острова. Согласно обѣту, князь вознамѣрился создать здѣсь обитель. Обстоятельства вполне благопріятствовали осуществленію этого намѣренія: здѣсь князь нашель уже 23 старцевъ—иноковъ, которые уже много лѣтъ подвизались на пустынномъ островѣ. Однако эти старцы по замѣчанію лѣтописца, еще не имѣли церкви „за-скудость имѣли и нападенія невѣрныхъ челоувѣкъ, сие бо тогда не вси пріяша сьвотое крещеніе, но было многое множество невѣрныхъ челоувѣкъ, живущихъ вкрай Кубенскаго езера великаго по берегомъ“¹³. Но было только у нихъ „молитвенный храмъ, сирѣчь часовня“, въ которой собирались старцы для молитвы. Князь, согласно обѣту, построилъ церковь во имя Преображенія Господня, украсилъ ее иконами и книгами и самъ отправился въ дальнѣйшее плаваніе, поручивъ начальство надъ иноками старшему изъ нихъ Теодору.

Здѣсь исторія Спасо-Каменнаго монастыря прерывается и дальнѣйшій разсказъ ея относится ко второй половинѣ XIV вѣка. Разсказъ этотъ—о первомъ игуменѣ Спасо-Каменнаго монастыря Діонисіи Святоторецѣ, впоследствии архіепископѣ Ростовскомъ. Въ княженіи Дмитрія Донскаго онъ пришелъ въ Москву, благосклонно былъ принятъ великимъ княземъ и поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ это время пришли въ Москву старцы изъ Спасо-Каменнаго монастыря просить себѣ игумена. Имъ былъ данъ Діонисій Святоторецъ. Его появленіе въ Каменномъ ознаменовано было введеніемъ строгаго аѳонскаго устава. Благочестивая жизнь Святоторца привлекла къ нему много учениковъ, среди которыхъ есть нѣсколько такихъ, которые впоследствии сдѣлались основателями монастырей и прославились святостію жизни, каковы Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. Впоследствии принявъ здѣсь постриженіе Заозерскій князь Андрей Димитріевичъ, переименовавшійся Іоасафомъ. Краткою біографіею этихъ подвижниковъ и занимается дальнѣйшее содержаніе лѣтописца. Но разсказъ объ этихъ подвижникахъ послужилъ основою болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ житій ихъ, къ которымъ теперь и обратимся.

¹³ Подобное же замѣчаніе о состояніи христіанства въ сѣверномъ краѣ дѣлаеть Паисій и въ другомъ мѣстѣ: „...тогда не вся заволжская земля въ крещеніи бѣ, зане много некрещенныхъ людей“. (Рян. Сол. библ. № 227, л. 66).

Жизнь и дѣятельность преподобнаго Діонисія Глушицкаго, положившаго основаніе цѣлому ряду монастырскихъ колоній среди лѣсовъ и дебрей Вологодскаго сѣвера, представляется въ высшей степени замѣчательною. Къ счастью, здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, мы имѣемъ возможность прослѣдить жизнь этого подвижника и указать тѣ пути, по которымъ онъ слѣдовалъ въ своихъ трудахъ и подвигахъ. Этимъ мы обязаны житію преподобнаго Діонисія ¹⁴, довольно подробному и обстоятельному, являющемуся, послѣ лѣтописи Паисія, вторымъ источникомъ для біографическихъ свѣдѣній о немъ. Оно написано векорѣ послѣ смерти святаго, какъ полагають изслѣдователи ¹⁵, рукою Глушицкаго ипока Ирinarха, скрывшаго свое имя подѣ анаграммой, изложенной по какой то „литарейной грамотѣ“. Въ полномъ видѣ эта анаграмма сохранилась въ слѣдующей припискѣ къ одному древнему списку житія преподобнаго Діонисія: „лѣта 7003 (1495) списано житіе преподобнаго отца нашего Діонисія у Покрова Пречистыя на Глушицѣ, при игуменѣ Іоакымѣ, а писалъ Фадаѳагзонъ закнвнмиархъ пимаково ваклѣшннй дакнокъ“ ¹⁶. Источники, на основаніи которыхъ писалъ Ирinarхъ, указаны имъ въ предисловіи къ житію: „всячески писати поpekышя, слико постигвѣжти еже о немъ тpѣцѣ его и хождение, еже наоученъ оѣ моихъ, глаголю же Анфилохія и дрѣггаго Макарыя и Михаила, иже видѣли святаго извѣстно.. ипо же и своима

¹⁴ Списки житія: рукоп. Солов. библ. № 1093/984, л. 227. Ркп. Вологодскаго каедральнаго собора № 3, л. 171—197. Ркп. сборникъ библіотеки Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 341—375. Начало предисловія: „Се бо ныѣ о семь блаженнѣмъ свѣтлый учитель славный Павелъ воиетъ“. Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Діонисее бысть въ ноцѣи странѣ“... Это списки одной редакціи. Списокъ другой редакціи находится въ ркп. сборникѣ Соловец. библіотеки № 534/515, л. 4, безъ предисловія и похвальнаго слова. Начало: „Сей преподобный отецъ нашъ Діонисій взмлада Христа возлюбѣ“. Какъ внутреннія, такъ и внѣшнія признаки обѣихъ редакцій не даютъ мѣста предположенію объ ихъ литературномъ родствѣ. Въ послѣдней редакціи многіе рассказы, имѣющіеся въ первой, опущены, а взамѣнъ ихъ помѣщено нѣсколько такихъ, которыхъ нѣтъ въ первой. Полное взаимное согласіе обѣихъ редакцій въ повѣствованіи объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ усугубляетъ степень ихъ достоверности.

¹⁵ Строевъ, Описаніе рукописей Общества Исторіи и Древностей, № 321; архіепископъ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, I, § 104; Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 193.

¹⁶ Барсуковъ, Источники русской агиографіи, стр. 116. Ср. съ Ключевскимъ, Житія святыхъ, стр. 193.

очима видѣхъ бывающая чужда“¹⁷. Такимъ образомъ, источникомъ біографическихъ свѣдѣній, какъ можно судить изъ приведенной цитаты, являются устные рассказы о преподобномъ учениковъ его. Но профессоръ Ключевскій, на основаніи имѣвшихся у него подъ руками рукописей, утверждаетъ, что писатель уже не могъ застать въ живыхъ названныхъ учениковъ святаго и въ своемъ трудѣ пользовался преданіемъ вторыхъ устъ: „изыскахомъ, читаетъ онъ въ своихъ рукописяхъ, елика слышахъ отъ нѣкихъ, яже ученици его повѣдали тѣмъ“¹⁸. На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, для объясненія подробностей и точностей, составляющихъ рѣдкое качество житія Діонисія, необходимо предположить, что писатель въ своемъ трудѣ пользовался письменными источниками, хотя самъ онъ и умалчиваетъ объ этомъ. Но имѣющійся у насъ подъ руками списокъ Соловецкой бібліотеки и другіе¹⁹ читаются въ данномъ мѣстѣ нѣсколько иначе: „изыскахомъ, елика слышахъ, яже ученици его повѣдали“ (л. 247). Такимъ образомъ, слѣдуя этому чтенію, намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объяснять сравнительное богатство содержанія и хронологическую точность житія Діонисія современностью писателя съ упоминаемыми имъ учениками преподобнаго, очевидцами его жизни, чѣмъ вмѣстѣ съ профессоромъ Ключевскимъ дѣлать предположеніе о какихъ либо письменныхъ источникахъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ его житіи. Этого мнѣнія держится, между прочимъ, и преосвященный Филаретъ²⁰.

¹⁷ Ркп. Соловецкой библ. № 1093/984, л. 246.

¹⁸ Ключевскій, стр. 194.

¹⁹ Списокъ Вологодскаго каедр. собора № 3, л. 172, и списокъ Спасо-Прилуцкаго мон. № 37/36, л. 242.

²⁰ Обзоръ русской духовной литературы, т. I, § 104. Въ нашихъ спискахъ не находятъ для себя подтвержденія и другіе доводы проф. Ключевского въ пользу письменныхъ источниковъ житія Діонисія. „Въ одномъ мѣстѣ, пишетъ онъ, читаемъ о Діонисіѣ слова, которыя едвали могъ сказать отъ своего лица біографъ, писавшій въ 1495 году: „всѣмъ даеше образъ смиренія и *прежде ны* хождаше на пѣніе“ (стр. 195). Но въ цитованной нами рукописи Соловецк. библ. это мѣсто читается нѣсколько иначе: „всѣмъ даеше образъ смиренія и *преждній* хождаше на пѣніе“ (л. 258). Что касается дословнаго сходства рассказа о посѣщеніи Діонисіемъ соименнаго ему Ростовскаго архіепископа съ лѣтописью Нансія и надписи на нѣкоторыхъ отдѣлахъ житія: „а писалъ Макарій, ученикъ Діонисіевъ“, то первый составляетъ повтореніе рассказа, помѣченнаго 1420 годомъ, о путешествіи Діонисія къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ церкви въ Сосновцѣ и, можно думать, состав-

Въ предисловіи къ житію писатель сознается: „зѣю же взыскаховѣ и тѣждохомся о рожденіи его и възраста дѣтска и не можахъ обрѣсти“ (л. 247). Поэтому, сказавъ кратко о мѣстѣ рожденія Діонисія: „въ нощѣй странѣ, отъ града Вологды поприщъ четьредесять“, писатель прямо сообщаетъ о приходѣ святаго, вмѣстѣ съ братомъ Пахоміемъ на святую Луку: „близъ езера великаго, глаголемаго Кобаньскаго, обьсточнѣю страну солнечнаго въсхода, обихождасты мѣста многи, ища покой обрѣсти. И послѣди же приде въ весь, глаголемую святая Лжчица и възлюби мѣсто. Имѣ же съ собою брата, именемъ Пахомія“. Такимъ образомъ, о жизни преподобнаго до прихода на св. Луку житіе почти ничего не знаетъ. Этотъ пробѣлъ восполняетъ отчасти лѣтопись Паисія, повѣствующая слѣдующее: „приде (въ Спаеокаменный монастырь) нѣкій оупноша, именемъ Димитрій, отъ града, нарицаемаго Вологды, и молятъ Діонисія игумена, дабы его пестригъ. Игуменъ же Діонисій постригаетъ его и нарече имя ему Діонисій. Онъ же поживе въ послушаніи девять лѣтъ“, потомъ отправился на св. Луку²¹. Житіе относительно этого мѣста замѣчаетъ: „не бѣше тогда церкви на томъ мѣстѣ“ (л. 248)—и только. Паисій же дѣлаетъ о немъ болѣе подробныя замѣчанія: „...и приде (св. Діонисій) въ весь, зовому святую Луку. Тамо общій монастырь заустѣниемъ заустѣ, и церковь падеся, небрегома никимъ же; церкви же была искони апостоль Христовъ Евангелистъ Лука, и отголѣ та весь зовется св. Лука²²“.

лаетъ позднѣйшую приписку (во второй редакціи его пѣтъ), а относительно подписи должно указать, что, по замѣчанію самого же профессора Ключевского, подобнаго рода замѣтки часто указываютъ не на одного автора, но и на переписчика (стр. 196, примѣч. 1). Мнѣніе объ устныхъ источникахъ житія имѣетъ за себя и то основаніе, что обиліе хронологическихъ помѣтокъ, на которое такъ усиленно ссылается проф. Ключевскій, имѣетъ относительное значеніе, ибо помѣтки эти далеко не всегда отличаются точностію.

²¹ Лѣтопись Паисія въ Правосл. Собесѣд., 1861 г., I, стр. 202.

²² Что это за монастырь, кѣмъ и когда основанъ — свѣдѣній нигдѣ не находимъ. Въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о монастыряхъ и церквахъ“ Ратшина (стр. 72) объ этомъ монастырѣ читаемъ: „въ глубокой древности при деревнѣ св. Лука существовалъ общежительный монастырь, о времени основанія котораго никакихъ свѣдѣній нѣтъ“. „Исторія Россійской іерархіи“ — не знаетъ его. Изъ одной повѣсти о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Ростовскомъ) мы узнаемъ, что нѣсколько ранѣе Діонисія на св. Лукѣ подвизался нѣкоторое время преподобный Феодоръ Ростовскій († 1409). Онъ поставилъ здѣсь келію, въ которой и жилъ нѣсколько времени. Но „около живущи неразумни невѣгласы челоуѣкы, еще чудское изчадье, сего преподобнаго изгонниша и келіюцу

Съ поселенія преподобнаго на св. Лукѣ начинается болѣе подробная о немъ повѣсть въ житіи. Въѣсть со спутникомъ они поселили себѣ келлію, а потомъ приступили къ устройству церкви. Въ это время пришелъ къ нимъ третій братъ, сдѣлавшійся ихъ сотрудникомъ. Когда церковь была устроена, „вземъ святой благословеніе отъ архіепископа Ростовскаго Григорія и осяти ю во имя святаго Николая въ лѣто 811 (1393)²¹. Спустя нѣкоторое время, онъ принялъ на себя „чинъ священническій, рукоположеніемъ епископа Григорія“. Вскорѣ стали происходить нѣкоторыя нестроенія въ этомъ небольшомъ обществѣ: „зря братъ его (препод. Діонисія), Пахоміе, сице начастъ молщася и видя труды его и подвизи, начася его срамляти и удаляти (236 л.). Можетъ быть, это обстоятельство и послужило ближайшею причиною намѣренія преподобнаго оставить св. Луку. „По времени нѣкоемъ, читаемъ въ спискѣ второй редакціи, прииде къ нему нѣкто христороубецъ и начать ему повѣдати о пустынѣ, иже на рѣцѣ Глшицѣ, отстоящей отъ великаго езера (Кубенскаго) пятнадесять и прищъ на восточную страну, яко мѣсто безжолвно есть и зѣло подобно къ составленію монастыря. Слышавъ же сіе святой отъ челоуѣка то

его разметаша“. (Толстой, Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 58, прим. 8). Можетъ быть преподобный Феодоръ и былъ основателемъ Святолуцкаго монастыря, о чемъ не знаетъ эта повѣсть.

²¹ Ростовскій архіепископъ Григорій посвященъ 14 марта 1396 года (см. Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 72). Поэтому, пресвященный Филаретъ (Русскіе святыне, 1 июня) считаетъ годъ освященія церкви выставленнымъ ошибочно. Можетъ быть это и такъ, но не было ли на Ростовской кафедрѣ другіе Григоріи? Замѣчательно, что подобное извѣстіе повторяется въ житіи другаго подвижника, преподобнаго Григорія Пельшемскаго (см. Макарьевскія четь-минеи, изданіе Археологической комиссіи, 30 сентября). Здѣсь это имя Ростовскаго архіепископа встрѣчается подъ 6902 (1394) годомъ. Это предположеніе поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ спискѣ Ростовскихъ архіереевъ, составленномъ графомъ М. Толстымъ (Древнія святыни Ростова Великаго, стр. 68—80), замѣтенъ нѣкоторый пробѣлъ, падающій именно на это время. Такъ Іаковъ (святой), посвященный митрополитомъ Пименомъ въ 1386 г., вскорѣ послѣ своего посвященія былъ изгнанъ буйными ростовцами. Слѣдующій за нимъ Феодоръ II рукоположенъ въ 1389 г. Константинопольскимъ патріархомъ Ниломъ. Но когда онъ прибылъ на Ростовскую кафедру—неизвѣстно. Здѣсь упомянуто только, что въ 1395 г. онъ уже преставился. Можетъ быть въ промежуткѣ между этими архіепископами и былъ Григорій. У Толстаго въ этомъ промежуткѣ цѣлый рядъ архіереевъ, безъ обозначенія времени ихъ служенія, хотя среди нихъ и не упоминается имени Григорія.

наипаче желаніе пріимъ, иже иди ему тамо“ (л. 6₂). Онъ оставилъ на Лукъ Пахомія и другаго брата, пришедшаго къ нему, а самъ пошелъ на Глушицу. Послѣ „обнощеванія“, преподобный достигъ этой пустыни и здѣсь снова началъ устраивать себѣ жилище: „постави себѣ келейцу малу и пача жити въ ней. Келейца же мала при нѣкоемъ дрѣвѣ: есть же древо то внутрь юду монастыря и до сего дне, ягодичіе имать зовомо черамощье“. Къ нему здѣсь снова начинается стекаться братія: „малу же времени мимошедшу, пріиде къ нему нѣкій старецъ“. „Преподобный радостенъ бывъ и моли его пребывати съ нимъ. Потомъ же нача приходити овогда единъ, иногда два и три“. Когда собралась братія, приступлено бысть къ устройству монастыря. Хотя самъ преподобный не переставалъ трудиться, „дѣлая своима рукама, еже на потребу монастыреви“, но усилій его и братіи было не достаточно: „въ лѣто ѡѡІИ (1400) посла преподобный нѣкоего отъ братіи ко князю Дмитрею, владущему округъ озера великаго, глаголемаго Кубаньскаго, моля его, да послеть дѣлатель, иже истребятъ дрѣвие“ (254 л.). Князь охотно исполнилъ просьбу святаго. Посланные имъ „дѣлатели дрѣвие истребиша, и огню предаша, и мѣсто расчистиша, елико доволно на созданіе монастыря“²⁴. Послѣ этого приступлено было къ сзданію обители: „начаста дѣло, прежде сотвориста себѣ келейци мали“. Вслѣдъ затѣмъ преподобный предиривялъ путешествіе къ Ростовскому архіепископу за разрѣшеніемъ объ устройствѣ монастырской церкви: „въ лѣто ѡѡІІ (1402) епископу Григорію, града Ростова правящу апостольскій престоль, пріиде къ нему преподобный пріяти благословеніе на составленіе обители“. Григорій благословилъ его „и испытавъ разумомъ вся, ничтоже ино похвали, точію се, еже жити братіи вкупѣ. Посему, сказалъ епископъ, и азъ совѣтъ ти даю, яко составиши общій монастырь“ (255 л.). По возвращеніи „въ лѣто ѡѡІІІ (1403) нача (преподобный) здати церковь малу во имя

²⁴ Объ этомъ участіи князя Дмитрія въ устройствѣ Глушицкой обители сохранилось извѣстіе въ житіи и другаго подвижника, преподобнаго Іоасафа Каменскаго: „отецъ же сего блаженнаго отрока (Іоасафа) князь Дмитрій Васильевичъ состави обитель Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова, иже есть Глушица. Въ та лѣта (т. е. въ началѣ подвижничества Іоасафа) Діонисее изыде изъ постриженія своего, съ Каменнаго отъ Спаса и похидивъ многа мѣста, обрѣте мѣсто зовомо Глушица, и посылаетъ къ сему князю о древодѣлѣхъ: онъ же не токмо древодѣля посылаетъ, но и милостину доволну и села и деревни подаетъ монастырю“. Рукоп. житіе преподобнаго Іоасафа Каменскаго, Соловецк. библ. № 227, л. 7—8.

Пречистыя Богородицы, честнаго ея покрова, и постави трапезу и келліи по чину и ина, елика потребна суть братіи“. Согласно святительскому наставленію, святой заповѣдуетъ братіи: „никому же каковыя любобытныя держати, и ничтоже звати свое, но вся обща“ (256 л.). Такимъ образомъ создана была первая обитель преподобнымъ Діонисіемъ. Количество братіи ея стало возрастать и вскорѣ „дружину его стало до 15 братіи“. Обитель стала обогащаться подаяніемъ. Такъ, Воетюжскій князь Юрій, въ вотчинѣ котораго находилась Глушица, услашавъ о созданіи преподобнымъ обители, призвалъ его къ себѣ, предлагая ему подаяніе на устройство монастыря: „иже, отче, хочещи, проси имѣнія на потребу и дамъ ти“. Послѣ отказа преподобнаго князь сталъ просить его, чтобы хотя что нибудь взялъ изъ его имѣнія „да благословится отъ него“. Преподобный, наконецъ, согласился принять милостыню и князь „отъ того дне нача удовляти, даяше потребная монастырю“²⁵. Кромѣ того и другіе „мнози начаша приходити къ нему и приносиша потребная. Нѣщны отъ христіанцевъ даяху ему отъ имѣній своихъ на составленіе монастыря“. На всѣ эти пожертвованія преподобный „устрой монастырскій скончаваше“. Самъ онъ не переставалъ трудиться, дѣлая все своими руками. По замѣчанію біографа, преподобный Діонисій имѣлъ „художество живописца, писаше иконы и млатобійна баше и спириды дѣлаше, сирѣчь лапти плетяше“ (л. 257). Скоро число братіи его увеличилось настолько, что созданная церковь не вмѣщала всего числа ея: „по лѣтѣхъ же нѣкоихъ, умножися число братіи, яко не вмѣщатися имъ въ церкви. Братія же молвша святаго, да ину церковь поставитъ, больши сея“. Преподобный исполнилъ просьбу братіи и создалъ „нову церковь, велію и прекрасну и украси ю иконами чуднѣ, въ лѣто 8161 (1405).

Малая обитель такимъ образомъ превратилась въ большую лавру и святой „поставляетъ братію по службамъ: первіе же въ церкви

²⁵ Съ именемъ этого князя сохранилась и жалованная грамота Глушицкому монастырю слѣдующаго содержанія: „...Се азъ князь Юрій Ивановичъ пожаловалъ есмь монастырь Глушицкій Денисьевы пустыни игумена съ братією, или кто по немъ игумень будетъ, што ихъ земли монастырскія и кто у ихъ на тѣхъ земляхъ на монастырскихъ иметъ жити... тѣмъ людямъ не надобе имъ моя ни которая княжа пошлаина.. А дасть мнѣ игумень корму со всѣхъ своихъ людей на Рождество Христово полоть мяса да десятеро хлѣбовъ да баранъ, или за барана взяти ми пять бѣлъ, или полть нелюбъ, или за полть взяти ми тожо пять бѣлъ“. (Исторія Россійской іерархіи, III, 704—706).

Такимъ образомъ монастырская колонія все болѣе и болѣе разрослась; вмѣстѣ съ нею расло и вѣмонастырское населеніе. Съ теченіемъ времени оно стало настолько велико, что для него потребовалось устройство особой церкви. „По времени вѣкомъ нача умножатися близъ монастыря фмикливіи (вариантъ второй редакціи; „умножашися села близъ монастыря“) и създа преподобный отъ большія лавры въ пощѣи странѣ далѣ дву поприщъ церковь во имя святителя Христова Леонтія, епископа Ростовскаго, да тамо на мольбу приходять изъ фмиклевень“. При этой церкви преподобный учредилъ женскій монастырь: „и устрои тамо инокынямъ пребываніе... и уставы (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна, и урече имъ потребная отъ фмиклевней“ (л. 273). Но эта церковь была не послѣднею изъ устроенныхъ неутомимымъ Глушицкимъ подвижникомъ.

Увеличеніе окрестнаго вѣмонастырскаго населенія побудило его оздать еще двѣ церкви. Одну изъ нихъ онъ создалъ „отъ большія лавры въ полуденной странѣ, далѣ 18 поприщъ, во имя Воскресенія Господа нашего Исуса Христа, внизъ рѣки Глушицы, близъ рѣки большія Пиѣарухоны (Сухопы), на брезѣ, на приходеніе православному христіанству“ (275 л.). Другую церковь создалъ преподобный въ Двиницкой веси: „придоша же вѣкогда отъ веси, глаголемыя Двиници, христіобивіи людіе, молиша святаго, да съзидеть имъ церковь святаго Николы. Преподобный, послушавъ ихъ моленія, създа имъ церковь и украси ю иконами“.

Принимая милостыню отъ другихъ, преподобный и самъ былъ щедрымъ раздаятелемъ ея. Во время свирѣпствоваваго голода въ Вологодской странѣ цѣлыя толпы голодныхъ искали въ Глушицкомъ монастырѣ себѣ пропитанія. Преподобный никому ни въ чемъ не отказывалъ. Щедрость его была такъ велика, что часто вызывала ропоть братіи. Желая положить предѣлъ такой щедрости, братія разъ рѣшилась искутить святаго: „послаша юношу вѣкоего, въ образѣ странниці ншійя... и пришедь къ преподобному, глагола ему: помилуй мя, честный отче, яко раба есмь вѣкоего челоуѣка, дай же ми искупъ и дѣтемъ моимъ... искупъ имѣю сто сребренницъ. Онъ же отверзе келія оконца, вда ей сто сребренницъ... (искушающіи же смотряше) и принесше даде искусителемъ. Они же рѣша, что се несмысленно раздасть. И пришедь блаженный на вечернее пѣвіе, они же, искусители, принесше сребро, предъ святаго положиша, глагола ему: честный отче, похабъ прииде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ далъ еси ему сребро; мы же взяхомъ у него — се есть“. Преподобный возбранилъ имъ и, призвавъ мнимую странницу, возвратилъ ей сребренники, сдѣлавъ при

этомъ наставленіе братіи: „престаните, сказалъ онъ, искушающе собою, на немилосердіе мене въздвижуще“ (273).

Глушицкой обители не мало приходилось страдать и отъ зланомѣренныхъ людей. Вотъ что повѣствуетъ біографъ преподобнаго: „бывшу же ми вопрошающу прилежнѣ о житіи отца нашего, мужъ нѣкто возрастомъ старъ зѣло повѣда ми: нѣкогда придоша нѣщии люди, зовоми Василіе Тяжоловъ и Иванъ Чурчинъ²⁶, похитиша у святаго есмь коней и бѣжаша“. Но нечестивцамъ не суждено было воспользоваться добычей: „они бѣжаша въ нѣкую весь, зовомо Мольское, стаща на нѣкоемъ мѣстѣ, идѣже класи събираются и вѣтромъ очищаются. Въ полуденное же время, спящимъ имъ, огонь попали ихъ и они же бѣжаша, и кони ихъ огонь поже и ино, что ихъ бѣша“.

Святость жизни Глушицкаго подвижника привлекла къ нему многихъ учениковъ; нѣкоторые изъ нихъ также прославились своими подвигами. Первымъ по времени изъ таковыхъ былъ преподобный Макарій Глушицкій. Исторія прихода его къ преподобному очень не сложна. Разъ преподобному Діонисію случилось быть „во градѣ Ростовѣ, у нѣкоего человѣка, именовъ Агаѳона“. У послѣдняго былъ братъ Матвѣй, возрастомъ двѣнадцатилѣтній. Онъ привлекъ къ себѣ вниманіе святаго, который сталъ звать его въ свою обитель и „приведе его въ монастырь, иноческаго житія сподобляетъ и нарече имя Макарія и взя къ себѣ во внутреннюю келію... и зѣло любяше его за цвѣтущія въ немъ добродѣтели“. Впослѣдствіи, по ходатайству преподобнаго, „святи его (Макарія) архієпископъ Діонисій Ростовскій руковоложеніемъ священствомъ... и бысть послѣ преподобнаго большія лавры игумень“.

„По времени нѣкоемъ приде нѣкто инокъ отъ близъ поморія, отъ восточнаго вѣсхода, имый чинъ священнической, именовъ Амфилохіе... Въ то время имѣ ученика себѣ преподобный, именовъ Макарія преждепомянутаго“. И этотъ инокъ просилъ преподобнаго принять себя въ монастырь и „сочетать съ братією“. Просьба его была исполнена и онъ сдѣлался новымъ сподвижникомъ и возлюбленнымъ ученикомъ Глушицкаго пустытника.

²⁶ Замѣчательно, что эти же самыя имена мы встрѣчаемъ въ числѣ разбойниковъ, разграбившихъ Аввезскую обитель и убившихъ ея основателей, какъ повѣствуетъ о томъ вторая редакція сказанія объ ихъ жизни. Это обстоятельство, на нашъ взглядъ, еще разъ подтверждаетъ историческую достовѣрность этой редакціи.

Монастырь преп. Діонисія послужилъ временнымъ пріютомъ еще для одного замѣчательнаго сѣвернаго подвижника. „Приде же нѣкто, повѣствуетъ биографъ, отъ града Галича, бывшій архимандритъ во градѣ Ростовѣ, Григоріе именовъ. Сей моли преподобнаго дати ему келлію“. Преподобный, видя его благочестіе, „дасть ему келлію, идѣже создалъ церковь въ пустынѣ, зовомой Сосновець. Елма же видѣ въ добродѣтелѣхъ мужа слюбися съ нимъ духовною любовію. „Но пришедшій подвижникъ самъ скоро выразилъ желаніе „составить общую обитель“ и, простившись съ Діонисіемъ, и шедъ въ восточную страну отъ тоя пустыни, далѣе двадцати восьми поприщъ, обрѣте мѣсто пустынное на рѣцѣ на Целыпмѣ и созда церковь во имя Пречистыя Богородицы, честнаго ея собора, въ лѣто *†*сїѣд (1426) и общее житіе состави. Приде же преподобный (Діонисій) на посѣщеніе съдружебника своего и похвѣли мѣсто и дасть ему иконы и книги, зовомы Прологъ. Поживе же Григорій лѣта довольна суть и къ Господу отъиде. И положиша мощи его въ своемъ ему монастыри и по преставленіи своемъ бѣснаго исцѣли“.

Около того же времени, „въ лѣто *†*сїѣл (1422), приде старецъ, пустынный житель, именовъ Павель, постническое житіе имѣя, близъ тоя Глушицкія пустыни—два поприща имѣ разстояніе: постави себѣ келлію и живяше едино лѣто въ той пустынѣ и хотя церковь поставити. Посла же ему преподобный нѣкоего отъ братіи, рече ему (Павлу): молитъ тя съдружебникъ твой Діонисее: трудна бо ми есть и печальна душа моя, духовный отче, якоже хоцещи монастырь создати близъ нашея пустыни, но не подобаетъ сицевому дѣлу быти, зане близъ сущъ, но подобаетъ тебѣ единому сущу въ сицевѣ мѣстѣ жити... Старецъ же Павель, се слышавъ... оставивъ поклоненіе и миръ содружебнику своему, изыде оттуду“. (261) ²⁷.

²⁷ Догадываются, что это былъ преп. Павель Обнорскій, долго странствовавшій по сѣвернымъ дебрямъ и жившій нѣкоторое время по сосѣдству съ Глушицкимъ монастыремъ въ обители Кирилла Бѣлозерскаго. (См. печатный Прологъ, 10 января). Но въ такомъ случаѣ хронологія этого разсказа въ житіи Діонисія ошибочна. Павель, по разсказу его житія, когда поселился въ Комельской пустынѣ, изъ которой уже не удалялся, засталъ еще здѣсь въ живыхъ препод. Сергія Нуромскаго, преставившагося въ 1413 году. Впрочемъ, вѣроятно, есть списки житія Діонисія съ иною хронологіею въ этомъ разсказѣ. Въ одномъ изъ списковъ житія Павла Обнорскаго (рки. Вологодскаго каедр. собора, № 3, л. 142), въ видѣ приложенія, выписанъ приведенный разсказъ о пустынножителѣ Павлѣ, причемъ время обитанія его на Глушицѣ отнесено къ 1393 году (*†*сїѣц).

Немного спустя Глушицкая пустыня сдѣлалась мѣстомъ подвиговъ и еще одного замѣчательнаго ученика препод. Діонисія: то былъ Тарасій, игумень (вариантъ архимандритъ) Пермскій. „Въ лѣто 814 (1427) приде отъ Великія Перми игумень Тарасій, пастухъ и цѣлитель людемъ заблудшимъ въ земли Пермстѣй, иже Бога мало знавшей“ и по просьбѣ былъ принятъ въ число братства Діонисіева монастыря. Это былъ новый сподвижникъ Глушицкаго игумена за послѣдніе годы его земнаго существованія: „поживе же при животѣ преподобнаго десять лѣтъ; самъ же поживе послѣди много лѣтъ и въ глубоцѣй старости ко Господу отыде, при игуменѣ Амфилохіи“. (286 л.).

За нѣсколько лѣтъ до преставленія преподобнаго обитель его была посѣщена Ростовскимъ архіепископомъ Ефремомъ (1427—1454), который благословилъ братію, сдѣлалъ ей поученіе и далъ монастырю „милостину довольну“.

Чувствуя приближеніе смерти, преподобный еще за семь лѣтъ приготовилъ для себя мѣсто упокоенія въ своемъ любимомъ Сосновцѣ. Прощаясь предъ смертію съ братією, онъ завѣщаль свое игуменство любимому изъ учениковъ своихъ Амфилохію. Преставился этотъ замѣчательный изъ сѣверныхъ подвижниковъ 1 мая 1437 (814) года, въ день воскресный, въ шестомъ часу дня, седмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

Заканчивая обзорѣніе жизни преподобнаго Діонисія нельзя не повторить словъ профессора Ключевского: „развитіе и значеніе Глушицкаго монастыря при жизни основателя изображены съ такою полнотою въ редакціи Ириварха, что послѣдняя, въ смыслѣ историческаго источника, принадлежитъ къ числу немногихъ превосходныхъ житій, какія можно найти въ древне-русской литературѣ“²⁸.

Одновременно почти съ преподобнымъ Діонисіемъ принялъ постриженіе въ Спасо-Каменномъ монастырѣ другой сѣверный подвижникъ, преподобный Александръ Куштскій. Свѣдѣнія о его жизни заключаются также частію въ житіи его, а частію въ лѣтописи Паисія Ярославова. Біографъ преподобнаго почти цѣликомъ переписываетъ Паисіево сказаніе, частію, впрочемъ, пополняетъ его и новыми фактами²⁹. Источникъ послѣднихъ свѣдѣній, принадлежавшій, вѣроятно,

²⁸ Житія святыхъ, стр. 195.

²⁹ Списки: ркн. библ. Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 124—141, съ предисловіемъ, молитвой и похвалн. словомъ; ркн. Вологодскаго каедр. собора № 3, л. 189—210, безъ предисловія и похв. слова. Начало предисловія: „Се убо о семъ блаженнѣмъ свѣтлымъ учителѣ славномъ Павелѣ вопіетъ“.

къ числу иноковъ Куштскаго монастыря³⁰, указываетъ въ предисловіи къ житію: „всячески писати подвигохся... еже наученъ отъ отецъ моихъ, иже слышали отъ ученикъ его, много жившихъ со святымъ, глаголю же Савватія и другаго Симсона, иже видѣли святаго... инако и своимъ очима видѣхъ бывающая чудеса“ (л. 124 прил. сп.). Время написанія житія, по мнѣнію профессора Ключевскаго, опредѣляется на основаніи слѣдующаго не очень яснаго указанія, сдѣланнаго въ похвальномъ словѣ: „прародитель благовѣрнаго царя государя Иоанна Васильевича самодержецъ и великій князь Кіевскій Владиміръ уподобился купцу, ищущему добраго бисера“ (л. 139). „По этому неясному намеку, говоритъ Ключевскій, можно заключить, что житіе написано въ царствованіе Грознаго“³¹).

Въ своемъ предисловіи писатель повторяетъ заключительныя слова предисловія біографіи преподобнаго Діонисія Глушицкаго, оказавшей на него довольно сильное и очень прозрачное литературное вліяніе: „начало повѣсти сея блаженнаго и добляго и правдиваго его житія зѣло взыскахомъ и трудихомся, о рожденіи, возраста дѣтскаго и не може обрѣсти, понеже въ забытіе приде, по токмо взыскахомъ отъ многа мало постническаго житія сего, елика слышахомъ, иже ученици его повѣдаша“ (125 л.). Въ началѣ самой біографіи авторъ выписываетъ очень скудную въ фактическомъ отношеніи повѣсть объ Александрѣ изъ лѣтописи Паисія: „приде же въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именовъ Алексій, отъ града, нарицаемаго Вологды, моляся игумену Діонисію одѣяти его во мнишескій образъ. Игумень же Діонисій... „не презрѣ моленія его“... одѣваетъ его въ монашескій образъ „и нарече имя ему Александръ“. Краткимъ замѣчаніемъ о подвигахъ его въ Спасо-Каменномъ и заканчивается лѣтопись Паисія. Дальнѣйшія свѣдѣнія о жизни преподобнаго Александра заимствуются изъ рассказовъ о преподобномъ слышавшихъ о немъ отъ учениковъ его Савватія и Симеона. Не сообщая о количествѣ времени пребыванія преподобнаго въ Спасо-Каменномъ, писатель прямо переходитъ къ повѣствованію о жизни его послѣ ухода отсюда: „изыде изъ Спасо-Каменнаго монастыря, проходилъ мѣста многи, ища покоя... Послѣди же приде въ весь, зовому Сян-

---

Начало житія: „Приде въ Каменный монастырь ко игумену Діонисію юноша, именовъ Алексій“.

³⁰ Говоря о препод. Александрѣ, онъ выражается не иначе, какъ „преподобный отецъ нашъ Александръ“ (см. л. 126 прил. сп. и др.).

³¹ Ключевскій, стр. 300.

жему, идѣже и донынѣ Евфиміевъ монастырь, округъ же того мѣста благи и дебри непроходимы для человѣка. И возлюбилъ преподобный Александръ мѣсто... созда себѣ келейцу малу“ (126 л.). Но услышавъ, что „имать быти не пустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ“ и, вѣроятно, изъ опасенія непріятныхъ столкновеній съ ними, „вниде ему помысль отъйти, оттуду... И отъиде вдалѣе яко осмдесять и пять поприщъ въ нощнѣй странѣ, близъ езера, глаголемаго Кубенскаго“ и поселился на рѣкѣ Куштѣ, „въ двухъ поприщахъ отъ озера на восточную страну солнечнаго восхода“, гдѣ уже равнѣ поселился другой подвижникъ, преподобный Евфимій, устроившій себѣ келлію. Такимъ образомъ подвижники встрѣтились и нѣкоторое время жили вмѣстѣ. Но потомъ, „возлюбилъ преподобный отецъ нашъ Александръ мѣсто то на устроеніе пустынное и исповѣда помышленіе свое преподобному Евфимію. Преподобный Евфимій... по времени малѣ... даде ему келлію, юже самъ созда, благослови его и самъ благословися отъ него и отъиде въ предиреченную пустыню на Сянжему“. Здѣсь Евфимій создалъ церковь „во имя Пресвятыя Богородицы велію и прекрасну и украсилъ иконами и книгами чуднѣ и поживе Евфимій лѣта довольна съ миромъ почи о Господѣ“.

Оставшись на Куштѣ преподобный Александръ вознамѣрился создать церковь и съ этою цѣлію предпринялъ путешествіе въ Ростовъ, къ архіепископу Діонисію, чтобы испросить его разрѣшеніе. Діонисій разрѣшилъ ему и снабдилъ всѣмъ необходимымъ на устроеніе пустынное ³². Александръ по возвращеніи создалъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и освятилъ ее. Въ устройствѣ монастыря ему много помогалъ извѣстный благотворитель сѣверныхъ обителей—Заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ: „въ та времена владыше отчиною округъ езера великаго Кубенскаго князь Дмитрій и князь Симеонъ Ярославскіе. Слышавъ же христіолюбивый князь Дмитрій, яко близъ его державства хочеть сей преподобный обитель воздвигнути, тогда даде ему потребная на созидаіе обители“ ³³. Дѣло благотворительности

³² Объ этомъ путешествіи св. Александра къ Діонисію сохранилась замѣтка и въ лѣтописи Паисія: „посемъ (послѣ прихода къ архіеп. Діонисію соименнаго ему Глушицкаго подвижника) вниде преждепомянутый ученикъ его Александръ, прося у его благословенія, хотя сотворити обитель на рѣцѣ на Куштѣ. Епискупъ же благослови его... дасть ему вся потребная на устроеніе обители“. (Правосл. Собесѣд. 1861 г. т. I, стр. 206).

³³ Объ этомъ сохранилось извѣстіе въ житіи преп. Іоасафа Каменскаго, сына по плоти этого князя Дмитрія. Біографъ его замѣчаетъ: „благотворный

раздѣляла съ княземъ и супруга его Марія, часто посылавшая при подобному „ово питія, ово яденія“. По смерти своего супруга, пашагъ въ г. Ярославль, въ битвѣ съ татарами, она часто приходила на богомолье въ Александрову пустыню. Преподобный предсказалъ ей кончину за двадцать дней. Съ теченіемъ времени самъ преподобный достигъ глубокой старости и, предчувствуя свою кончину, призвалъ къ себѣ двухъ упомянутыхъ учениковъ своихъ Савватія и Симеона, передалъ имъ свое завѣщаніе о созданіи церкви во имя святаго Николая и указалъ для нея мѣсто. Преставился онъ 1439 года (*sī m̄z), 61 лѣтъ отъ роду. Ученики исполнили его завѣщаніе: создали церковь во имя св. Николая и въ день памяти его освятили ее.

Спустя нѣкоторое время послѣ преподобныхъ Діонисія Глушицкаго и Александра Куштскаго въ Спасо-Каменномъ монастырѣ принялъ постриженіе сынъ извѣстнаго благодетеля сѣверныхъ обителей Заозерскаго князя Димитрія Васильевича, князь Андрей Димитріевичъ, въ иночествѣ Іоасафа. Въ этихъ словахъ заключается почти все что древность сохранила намъ объ этомъ подвижникѣ. Лѣтопись Палея къ этому прибавляетъ очень немногое. Она повѣствуетъ, что князь Андрей Димитріевичъ принялъ постриженіе, имѣя отъ роду двѣнадцать лѣтъ, въ игуменство Кассіана⁸³ и послѣ пятилѣтнихъ подвиговъ скончался. Что касается житія Іоасафа, то во всей массѣ агіографическихъ памятниковъ едва ли можно найти какое либо другое житіе болѣе

князь Димитрій Васильевичъ не токмо сію (Діонисіеву) обитель устрояетъ, но и подобну сей—Александрову зовому, на рѣкѣ на Куштѣ, такжеже села и деревни подаде многи на прокормленіе братіи“. (Рки. Солов. библи. № 227, л. 8).

⁸³ Вотъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ игуменѣ. Думаютъ, что онъ былъ постриженникъ Спасо-Каменнаго монастыря; долго жилъ въ Кирилловѣ еще при жизни его основателя, а съ 1448 года былъ Кирилловскимъ игуменомъ. Отсюда, вѣроятно, онъ былъ вызванъ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ и Московскимъ митрополитомъ Іоной, дважды посылавшими его къ Константинопольскому патріарху съ вопросами „о церковномъ исправленіи“. Послѣ исполненія этого порученія, онъ, по собственному желанію, былъ отпущенъ въ Каменный монастырь игуменомъ, въ которомъ и скончался при великомъ князѣ Іоаннѣ III. (Лѣтопись Палея Ярославова въ Правосл. Соб., 1861 г., т. I, стр. 210—211; благословенная грамота старцу Кассіану Ростовскаго архіепископа Ефрема отъ 11 апрѣля 1448 г. у Суворова, въ „Описаніи Спасо-Каменнаго монастыря“, въ Вологод. епарх. вѣдомостяхъ, 1871 г., № 2, стр. 46; Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 319—320).

скудное, въ смыслѣ историческаго источника ³⁵. Безъ опасенія вѣсть въ преувеличеніе можно сказать, что изслѣдователь едва-ли встрѣтитъ здѣсь хотя одинъ исторически-вѣрный фактъ, по отношенію къ житію преподобнаго Іоасафа. Содержаніе житія заключаетъ въ себѣ обширнѣйшія тирады, буквально списанныя съ другихъ житій, или сказанія апокрифическаго и легендарнаго характера. Если писатель, объявившій свое имя въ очень вычурной анаграммѣ ³⁶, иногда и вставляетъ рассказы какъ будто съ историческимъ содержаніемъ, то эти рассказы, въ большинствѣ случаевъ, являются перепутанными и извращенными. Чтобы не быть голословнымъ послѣдуемъ за писателемъ и приведемъ нѣсколько образцовъ изъ составленной имъ біографіи.

Предисловіе авторъ списываетъ буквально частію съ Василіевой біографіи Евфросина Псковскаго ³⁷, частію съ другихъ житій. Въ результатъ его дѣятельности получается слѣдующая неудоборазбираемая путаница: „прежде насъ, пишетъ авторъ въ предисловіи, написана быша труды его (пр. Іоасафа) и хожденіе нѣкимъ писателемъ, о имени его писаніе не изъяви“ (л. 4 по Соловец. сп.). Съ другой стороны, въ самомъ житіи писатель говоритъ: „много лѣтъ трудихся о томъ (собраніи свѣдѣній о пр. Іоасафѣ) и отъ живущихъ тоя обители отцевъ вопрошахъ и отъ писанія увѣрихся: отъ присвомятнаго старца Пансея святаго Ярославова“ (л. 31). Здѣсь же нѣсколько выше онъ замѣчаетъ: „многа лѣта преидоша, отнели же сей блаженный бысть, даже и до днесъ о житіи его никтоже воспомяну“ (л. 29). Списывая

³⁵ Списки: ркп. житіе Соловецкой библ. № 227; ркп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36, л. 144—169; ркп. Павло-Обнорскаго монастыря (очень ветхая, безъ начала). Къ каждому списку, въ видѣ приложенія, присоединяется лѣтопись Пансіа. Начало предисловія: „Иже святое житіе пожившихъ и вѣру божественную сохранившихъ“... Начало житія: „Сей благовѣрный и христоробивый князь Андрей Дмитріевичъ родиси отъ благовѣрнаго князя Дмитрія Васильевича Меньшого“.

³⁶ Вотъ эта анаграмма: „Аще хоцеша писателево имя увѣдѣти, и ты начатай сице и глаголи четверицею по пяторицѣ и еще по пяторицѣ, и тогда обряцеша одинъ безъ числа; и паки шестерицею по пяторицѣ, и еще шестерицею по пяторицѣ, и паки четверицею по пяторицѣ, и тогда обряцеша съ десятирицею и вторую десятирицу, и тогда обряцеша съ сотицею накончеваемый ерь; то списателево имя“ (л. 48 Соловец.).

³⁷ Ср. житіе Іоасафа № 227 (солов. сп.), л. 1—6, съ житіемъ Евфросина (ркп. той же бібліотеки № 661/514, л. 522—526).

изъ Евфросинова житія похвальное слово Іоасафу ⁸⁷⁾, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „радуѣся, иже по преставленіи своемъ къ Богу писателя въ недоумѣніи бывша о твоємъ добродѣтельнымъ житіи, ты же съ наставникомъ своимъ, игуменомъ Кассіаномъ, и Пречистою Богородицею Маріею явленіемъ своимъ увѣрилъ еси“ (л. 54—55). И далѣе: „ты же о невѣдомѣй тайнѣ столпа философа, мнѣніемъ превозносящаяся, посрамилъ еси“.

Такіе же приемы употребляетъ авторъ при составленіи и самаго житія. Здѣсь также часто приходится встрѣчаться съ болѣе или менѣе обширными выдержками изъ житія Макарія Калязинскаго ⁸⁸⁾, Стефана Махрищскаго ⁸⁹⁾ и другихъ. Эти выписки чередуются въ житіи съ сказаніями слѣдующаго содержанія: (св. Іоасафъ) „великій подвигоположникъ бысть... поминая молитву св. Іоанна Златоустаго, въ ней же писа сиче: аще кто сію молитву глаголетъ, яко изъ нозри дыханія по первомъ лѣтѣ вселится въ него Христось Сынъ Божій, по другомъ лѣтѣ внидетъ въ него Духъ Святый, по третьемъ лѣтѣ вселится въ него Отець Небесный и вшедъ въ его обитель въ немъ сотворитъ св. Троица и пожретъ молитва сердце и сердце пожретъ молитву и начнетъ клицати безпрестани день и ночь и будетъ свободенъ всѣхъ сѣтей вражнихъ“ (л. 20). Въ другомъ мѣстѣ авторъ описываетъ бесѣду пр. Іоасафа со Спасомъ: „во единъ убо отъ двій, сѣдящу Іоасафови во своей келліи и божественную пѣснь во устѣхъ имѣющу, явися ему Спасъ. Миръ тебѣ глагола, возлюбленному угоднику моему Іоасафу. Онъ возставъ, страхомъ и трепетомъ одержимъ, Христе человѣколюбче Спасе, рече, что о мнѣ мнится, Владыко, Твоей благости? Кая вина Твоему схожденію? Онъ рече: зриши-ли пустыни сея, елико должину и широту имать, тебѣ ради славящихъ имя Мое исполню пустынники... Іоасафъ падъ на земли рекъ: Владыко Господи... молю же Тя Твоей благостыни разумѣти, откуда будетъ потреба нужнымъ, подвизающимся въ ней? Спасъ-же рече: вѣру ими, яко истинну рекъ... Азъ промышленіе о тѣхъ имѣю. Таже рече божественный Іоасафъ: како хотя удобъ сѣти вражія преити и лютаго искушенія? Спасъ же рече: аще Моя заповѣди соблюдутъ, не точію

⁸⁷ Ср. житіе Іоасафа, № 227, л. 49—58, съ житіемъ Евфросина Псковскаго, № 661/614, л. 634 (по Соловец. сп.).

⁸⁸ Ср. л. 13—14 житія Іоасафа съ житіемъ Макарія Калязинскаго, ркп. Соловец. библ., № 629/511, л. 168.

⁸⁹ Ср. л. 29—30 житія Іоасафа и 357 л. житія Стефана Махрищскаго (ркп. Соловец. библ. № 586, Анзер. 79).

уготованнымъ бранемъ и лукавыхъ навѣтъ, превыше тѣхъ сотворю, но и царствію небесному и вѣчныхъ жилищъ наслѣдники сотворю. Сія рекъ, Спасъ со славою възде на небеса“ (л. 24). Далѣе авторская фантазія переносится на небеса и созерцаетъ, какъ св. Іоасафъ „на молитвѣ убо ставъ яко крилоша обрѣтесе на небесѣхъ. Прежде убо красная райская зряще, исполненъ веселіемъ. Потомъ же превѣчную церковь на небесѣхъ узрѣвъ, пищи невещественнѣй причащаяся“ (л. 28). Должно быть такое „плетеніе словесъ“ и самому писателю казалось невѣроятнымъ, а потому онъ счелъ нужнымъ къ своему повѣствованію присовокупить такое послѣсловіе „да не мнитъ мя кто, яко не истинну пишуца: обычай бо есть невѣрію пользу погубляти“ (л. 29). Въ своемъ увлеченіи, наконецъ, онъ доходитъ до того, что выписывая откуда-то извѣстіе: „се уже въ лѣта *жупе* (1477) совершающуся по преставленіи святаго, (чудеса преподобнаго Іоасафа) не отъ кого же преписаны быша“ (л. 38), онъ какъ будто и не замѣчаетъ грубой хронологической ошибки по отношенію къ своему времени, ибо его первоисточники, а въ томъ числѣ и лѣтопись Паисія, по происхожденію своему, относятся къ болѣе позднему времени. Въ житіи, какъ на источникъ, онъ, между прочимъ, ссылается на старцевъ Каменнаго монастыря, но, кромѣ сказанія Паисія, и двухъ-трехъ замѣчаній о родителяхъ Іоасафа (л. 7—9), о его постриженіи и посѣщеніи его дядею—княземъ Борисомъ Васильевичемъ Ржевскимъ (л. 24—26), болѣе у него ничего не находимъ. Вдобавокъ, и эти свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, являются или искаженными или прямо ложными. Такъ, по сказанію житія, Андрей-Іоасафъ внукъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго (л. 2), а по сказанію лѣтописи Паисія и житія преподобнаго Александра Куштскаго—внукъ князя Василія Ярославскаго⁴¹). Житіе повѣствуетъ, что Андрей прежде иночества женился и одинъ годъ жилъ съ женой (л. 7), лѣтопись же говоритъ, что онъ постригся еще двѣнадцатилѣтнимъ (л. 210). Наконецъ, житіе сообщаетъ, что юный князь-инокъ, послѣ своего постриженія, былъ порученъ иноческому воспитанію старца Григорія, „ижѣ послѣди бысть епископъ Ростову“ (л. 16), но Григорій умеръ за долго еще до рожденія Андрея, въ 1416 году.

Итакъ, въ біографіи преподобнаго Іоасафа приходится ограничиться тѣми краткими свѣдѣніями, заключающимися въ лѣтописи Паисія Ярославова, которыя мы сообщили въ началѣ настоящаго обзорѣнія.

⁴¹ Такого же мнѣнія держится и Карамзинъ. И. Г. Р., т. IV, прим. 160.

Продолжателемъ дѣла сѣверныхъ подвижниковъ въ окрестностяхъ страны, омываемой водами озерами Кубенскаго, явился св. Григорій Пельшемскій, бывшій нѣкоторое время въ числѣ учениковъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго. Сохранившееся до насъ, сравнительно обильное въ фактическомъ отношеніи, житіе этого подвижника страдаетъ разнорѣчіями въ двухъ различныхъ редакціяхъ, темнотою и спутанностію хронологическихъ данныхъ ⁴²). Во второй редакціи рассказъ о погребеніи святаго начинается такимъ образомъ: „бѣ нѣкій мнихъ, именовъ Тихонъ; сей бѣ имѣя воспріятіе своего постриженія въ его (пр. Григорія) обители. Сей повѣда, глаголя сице: еще сущу ми въ монастырѣ пребывающу... и служа рабу Божию, именовъ Григорію“... и далѣе начинается рассказъ о преставленіи святаго. На основаніи этого можно думать, пишетъ проф. Ключевскій, что и все житіе Григорія написано или въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка ⁴³). Списатель остался не извѣстенъ. Сходство въ рассказѣ житія о пребываніи преподобнаго Григорія въ Сосновцѣ съ такимъ же рассказомъ въ житіи пр. Діонисія Глушицкаго навело архіепископа Фила-

---

⁴² Одна редакція (первая по Ключевскому, см. указ. соч., стр. 196) въ ркп. сборникѣ Вологодскаго каедр. собора, № 3, л. 210—225, съ предисловіемъ, но безъ похв. слова. Начало предисловія: „Добро и полезно зѣло, иже божественныхъ мужъ житія почитати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярска роду родися сей св. отрокъ Григорій“. Другая редакція въ Макарьевскихъ Четы-Минейхъ, изданныхъ Археографическою комиссіею, за 30 сентября. Это вторая редакція, по Ключевскому. Въ его обозначеніи редакцій замѣчается, впрочемъ, очевидная ошибка. Первою редакціею онъ считаетъ редакцію Макарьевскихъ Четы-Миней, второю—Милютинскихъ. Но изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что на самомъ дѣлѣ за первую редакцію онъ принимаетъ Милютинскую. „Вторая редакція, по его словамъ, имѣетъ нѣкоторыя фактическія черты, которыя или опущены въ первой или прямо противорѣчатъ ей: къ нимъ относится замѣчаніе о лѣтахъ жизни Григорія и о томъ, что кончина святаго описана со словъ инока Тихона, который прежде служилъ Григорію, а по смерти его постригся въ Пельшемскомъ монастырѣ“ (Ключевскій, стр. 196). Но это, какъ можно судить на основаніи изданія Археографической комиссіи, признаки редакція Макарьевскихъ, а не Милютинскихъ Четы-Миней. Начало предисловія второй (Макарьевской) редакціи: „Добро убо и полезно зѣло, иже божественныхъ мужей житіе повѣствовати“. Начало житія: „Отъ славнаго града Галича, отъ благочестиваго корене, израсте доброплодная розга“. Первая редакція—краткая, фактически болѣе основательна, чѣмъ вторая, выпадающая иногда въ противорѣчіе сама съ собой.

⁴³ Ключевскій, стр. 196.

рета на предположеніе что писателемъ и Григоріева житія былъ Глушицкій инокъ Иринархъ—авторъ житія пр. Діонисія ⁴⁴). Но это, какъ замѣчаетъ г. Ключевскій, свидѣтельствуеъ о томъ только, что у послѣдняго заимствованъ этотъ разсказъ писателемъ житія преподобнаго Григорія ⁴⁵).

Авторъ очень мало знаетъ о жизни Григорія до его постриженія. „Отъ славнаго града Галича, отъ славныхъ родителей боярскаго роду родися сей святой отрокъ Григорій... И бысть святой 15 лѣтъ и восхотѣ родители его сочетати браку, онъ же не повинуюся совѣту родителей своихъ... и потомъ... времени мало минувшу, родители святаго преставишася“ (л. 211 по списку первой ред.). Вотъ все, что сообщается здѣсь за этотъ періодъ жизни преподобнаго. По смерти родителей, онъ захотѣлъ сдѣлаться инокомъ и съ этою цѣлю „восходитъ въ монастырь Пресвятыя Богородицы, въ Галицкой державѣ, близъ езера“. Здѣсь, вскорѣ послѣ своего постриженія ⁴⁶), онъ „сподобляется и священства санъ пріяти“. Скоро, однако, одно обстоятельство заставило Григорія удалиться отсюда. Это обстоятельство, по разсказу его біографа, заключалось въ томъ, что пребываніе Григорія здѣсь стало извѣстно „сродникомъ его и всѣмъ вельможамъ Галицкой земли и онъ сдѣлался предметомъ празднаго любопытства. Вслѣдствіе этого онъ оставилъ монастырь и удалился „къ полуденной странѣ, во градъ Ростовъ, въ монастырь преподобнаго Авраамія“. „Не по мнзѣ времени, правящу апостольскій престолъ града Ростова архіепископу Діонисію (знаемъ бѣ отъ святителя преподобный)... придоша мниси того-же града Ростова отъ Всемиловитаго Спаса съ песку къ архіепископу Діонисію архимандрита просити во свой монастырь. Архіепископъ же Діонисій нача увѣщевати преподобнаго Григорія на архимандритію (л. 213). Послѣдній и былъ поставленъ ⁴⁷).

⁴⁴ Обзоръ русской духовной литературы, I, § 154.

⁴⁵ Ключевскій, стр. 197.

⁴⁶ Вторая редакція мѣстомъ постриженія Григорія считаетъ монастырь преподобнаго Макарія Желтоводскаго, который будто бы собственноручно и совершилъ его постриженіе. Но въ этомъ случаѣ она противорѣчитъ и себѣ самой; по ея разсказу преподобный Григорій преставился 1449 г., 127 лѣтъ отъ роду, слѣдовательно за долго еще до рожденія Макарія. См. у Ключевскаго, стр. 197.

⁴⁷ Въ изложеніи біографическихъ свѣдѣній о преподобномъ Григоріи мы слѣдуемъ первой редакціи. Параллельный разсказъ второй редакціи представляется въ слѣдующемъ видѣ: „Сшедъ отъ родителей своихъ, отъ дому отца

Но и здѣсь, однако, недолго оставался преподобный Григорій: „поживе два лѣта въ монастырѣ томъ... утаився всѣхъ изыде ноцію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студеного моря окіана... И приде преподобный во градъ Вологду... и около града исходивше непроходимая пустыня и лѣсы, иже прилежаху граду Вологдѣ... приде къ преподобному Діонисію Глушицкому и моли преподобнаго дати ему келлію... и даде ему (пр. Діонисій) келлію, идѣже созда церковь, на полуденной странѣ отъ большія лавры, въ пустыни, иже зовома Сосновець“ (214 л.)⁴⁸). Дальнѣйшій разсказъ о преподобномъ—о пребываніи его въ Сосновцѣ, объ отставленіи обители Діонисія и отшествіи на Пельшму, какъ уже мы замѣтили, заимствованъ здѣсь изъ житія Глушицкаго подвижника, такъ что снова приводитъ его здѣсь было-бы повтореніемъ. Оставивъ Сосновець, преподобный Григорій избралъ новое мѣсто для своихъ подвиговъ, „отъ града Вологды далѣе 30 поприщъ, а отъ великія рѣки Сухопы—три поприща“, на рѣчкѣ Пельшмѣ⁴⁹). Вскорѣ по приходѣ сюда стала стекаться къ нему

своего (а не по смерти ихъ, какъ повѣствуетъ первая редакція) иде въ монастырь ко игумену Макарію, зовомо Желтовоцкій... Игумень Макарій возложи на нѣ иноческій образъ“... Здѣсь же, какъ будто, онъ принимаетъ и санъ священства. Потомъ преподобный сдѣлался игуменомъ „у святыя Богородицы честнаго ея рождества, близъ озера“. Между прочимъ замѣчаетъ эта редакція, что во время игуменства въ этомъ монастырѣ преподобный Григорій сдѣлался извѣстнымъ князю Юрію Дмитріевичу, отъ котораго „и умоленъ бывъ, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія. И пронесся слава о немъ и до самаго великаго князя Василя Дмитріевича“; онъ призываетъ его къ себѣ „благословенія ради... и того умоли быти архимандритомъ Ростову граду, благословеніемъ архіепископа Григорія, въ лѣто 6902 (1394)“. Но при изложеніи біографіи преподобнаго Діонисія Глушицкаго мы упоминали, что въ спискѣ Ростовскихъ архіересвъ у графа М. Толстаго („Древнія святыни Ростова великаго“) имени Григорія за это время не встрѣчается.

⁴⁸ Вторая редакція здѣсь опять расходится съ первой. По ея разсказу поставленіе Григорія въ санъ архимандрита совершилось въ 1394 году, а отшествіе Григорія на Глушину—въ 1412 году. Между тѣмъ, по разсказу первой редакціи преподобный оставался архимандритомъ только два года. Сопоставляя послѣднее извѣстіе съ годами архіепископства въ Ростовѣ Діонисія Святогорца (1418—1425), поставившаго Григорія на архимандритію, мы придемъ къ выводу, что отшествіе Григорія изъ Ростова въ Вологодскіе предѣлы совершилось не ранѣе двадцатыхъ годовъ XV столѣтія.

⁴⁹ По разсказу второй редакціи время оставленія препод. Григоріемъ Діонисіева монастыря и прихода на Пельшму относится къ 1422 г.

братія. „Времени же малу мицувшу, приде къ нему пѣкій человекъ, а саномъ попъ, именовъ Алексій... и моли преподобнаго, да облечеть его во ангельскій чинъ. Преподобный же постриже его и нарече ему имя Александръ и по преставленіи преподобнаго бысть игумень мѣсту тому. И потомъ начаша приходити къ нему овогда единъ, иногда же два“. Такимъ образомъ собралась братія и преподобный сталъ заботиться о созданіи монастыря. „По времени же нѣкоемъ, замѣчаетъ биографъ, посла нѣкоего отъ братіи къ христіолюбивому мужу, именовъ Мартину и инѣмъ... моля ихъ, да пошлютъ дѣлатель своихъ въ пустыню къ преподобному помощі“. Дѣлатели расчистили мѣсто для монастырскаго строенія и создали келліи для иноковъ. Потомъ приступлено было къ устройству церкви. „Въ лѣто 8114 (1426), въ то время содержай апостольскій престоль града Ростова архіепископъ Ефремъ ⁵⁰⁾, приде къ нему преподобный благословеніе пріяти о составленіи обители“. Испросивъ благословеніе, преподобный въ томъ же 1426 году ⁵¹⁾ „созда церковь во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго ея собора и поставляетъ трапезу и вся, слика потребна суть братіи“. Когда церковь была устроена къ преподобному пришелъ на посѣщеніе бывшій его учитель—св. Діонисій. Онъ привезъ съ собою „образа Господни и книгу, глаголемую Прологъ“, освятилъ новосозданную церковь и ушелъ въ свой монастырь.

Послѣ посѣщенія Діонисіемъ преподобнаго Григорія, вторая редакція передаетъ весьма замѣчательный разсказъ изъ жизни послѣдняго. Въ лѣто 6939 (1431), по нѣкоемъ времени, шедшу блаженному въ славный градъ Москву, тогда бо власть примшу великаго княженія Юрію Дмитріевичу, а князю Василию Васильевичу градъ Коломна, занеже зависти ради изгнаша его, и глагола ему блаженный: „о княже Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. не по Божіему строснію хочещи власть пріяти“. Князь Юрій, послушавъ преподобнаго, „отъиде на отца своего благословеніе въ Галичъ“ ⁵²⁾.

Объ редакціи, затѣмъ, передаютъ слѣдующій подобный же фактъ изъ жизни Пельшемскаго подвижника: „въ лѣта 8114 (1430) приде

⁵⁰⁾ Въ спискѣ ростовскихъ архіереевъ графа М. Толстаго посвященіе Ефрема во епископы отнесено къ 1427 году. Указ. соч., стр. 72.

⁵¹⁾ Въ опредѣленіи года основанія церкви объ редакціи, наконецъ, соглашаются

⁵²⁾ Этотъ разсказъ, а равно и послѣдующій—объ увѣщаніи преподобнымъ Григоріемъ Шемяки, опустошавшаго Вологодскіе предѣлы, приводитъ въ своей „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьевъ, ч. IV, стр. 317—318.

князь Димитрій Юрьевичъ въ зимнее время съ силою мноюю и около града Вологды села воеваша и христіанство губяще, а градскимъ людемъ во градѣ сѣдящимъ въ осадѣ и не смѣяху съ княземъ братися. Православное христіанство мнози побіени быша воинствомъ князя того немилостиваго: овѣи гладомъ умроша, инѣи мразомъ померзоша и мнози безвѣстно погибоша и разыдошася. Придоша же много христіанъ въ монастырь къ преподобному Григорію и жиша дни мнози, питаешя отъ монастырскія пищи... И видя святыи въ толицѣ бѣдѣ суща христіанство... возьмъ жезлъ свой и скоро иде ко князю и моля князя, глагола ему не обинуяся, не бояхся ярости князя“. Вотъ какъ передается этотъ разговоръ преподобнаго съ Шемякою въ первой редакціи: „о княже Димитріе, нѣси-ли чель божественнаго писанія: безъ милости судъ не сотворшимъ милости. И рече князь блаженному — кія? Святыи же нача глаголати князю жестокая: не своя дѣла, княже, твориши, но цоганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предають воинство твое, и аще, княже, не останешися отъ таковаго кровопролитія, то вскорѣ отпадеша славы и княженія своего отщетишися“... (л. 220). „Слышавъ глаголы сія, князь възярися на блаженнаго и повелъ его съ мосту ринути... Преподобныи же, лежавъ на земли многъ часъ, еле живъ воставъ... пойде въ пустыню свою“. Вскорѣ послѣ этого преподобныи впалъ „въ сосуды смертныя“ и преставился, 1449 года 30 сентября, 127 лѣтъ отъ роду, передавъ игуменство свое ученику своему Александру. „Князь же Димитрій Юрьевичъ вскорѣ повелѣ всему воинству своему обратися и отыдоша въ Галичъ и тамъ побіени быша“ (л. 221) ⁵³).

⁵³ Относительно этого разсказа о ходатайствѣ преподобнаго предъ Шемякою прежде всего должно замѣтить, что хронологія его въ первой редакціи невѣрна. (Вторая редакція избѣгаетъ въ этомъ случаѣ хронологической точности и выражается обще: „въ тѣ лѣта“). Профессоръ Ключевскій по поводу этой неточности замѣчаетъ слѣдующее: „другое заимствованіе изъ этого житія (преп. Димитрія Прилуцкаго) даетъ новый образчикъ путаницы, какую вносили редакторы въ составленныя ими біографіи. Біографъ Григорія передаетъ любопытный для исторіи правовъ разсказъ о ходатайствѣ святаго предъ Димитріемъ Шемякой за рогожанъ, разоряемыхъ войсками князя. Этотъ разсказъ поставленъ здѣсь въ связь съ выписаннымъ изъ житія Димитрія извѣстіемъ о нападеніи Шемяки зимой на Вологду. Изъ подробностей этого разсказа видно, что рѣчь идетъ о событіи, описанномъ въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ, слѣдовательно уже случившимся послѣ смерти Григорія“ (Указ. соч., стр. 197—198). Нельзя отрицать, что разсказъ о нападеніи Шемяки на Вологду выписанъ изъ житія преп.

Г Л А В А IV.

Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго: святые Сергіи Нуромскій, Павелъ Обнорскій и Арсеній Комельскій.

Далѣе, исторія монастырской колонизаціи переносить насъ съ сѣвера въ южные предѣлы Вологодскаго края, въ область глухихъ лѣсовъ и пустынь, среди которыхъ протекають рѣчки Нурма и Комела. Рядъ подвижниковъ, основавшихъ монастырскія общины въ этихъ

Димитрія Прилуцкаго. Но нужно имѣть въ виду и то, что во многихъ, болѣе раннихъ, редакціяхъ житія Димитрія, вслѣдъ за рассказомъ о разграбленіи войсками вѣроломнаго князя окрестностей Вологды дѣлается замѣчаніе и о приходѣ къ нему преподобнаго Григорія: „слышавъ же сіе преподобный отецъ нашъ Григорій игумень, иже на Пельнмѣ рѣцѣ (еще бо живъ бѣ тогда), по ревности за христіанство распаляемъ, скоро пріиде ко граду и много съ прещеніемъ и обличеніемъ наказавъ сего князя Димитрія о злобѣ его на христіаны, яко за сіе (глагола) имаши погибнути. И нестерпѣ обличенія его князь и повелѣ его съ мосту въ ровъ низринути“. (См. списокъ Димитріевской Авнежской церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря № 37/36 и др.). Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, едва ли профессоръ не ошибается, увѣряя, что намѣствіе Шемяки на Вологду описано въ лѣтописяхъ подъ 1450 годомъ. Несомнѣнно, что въ IV-й Новгородской лѣтописи это событіе отнесено къ болѣе раннему времени. Здѣсь читаемъ: „Въ лѣто 6956 (1448) великій князь Василій (Темный) выбѣже въ Тверь и пріѣхаша къ нему князи, и бояре, и татары; и слышавъ князь *Дмитрій* и князь Иванъ Можайскій и выѣхаша за Волгу—въ Галичъ и на Кострому и на *Вологду*“. Едва ли говорятъ въ пользу мнѣнія профессора и другія лѣтописи, на примѣръ, въ Воскресенской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „въ лѣто 6958 (1450) ходилъ князь великій на князя Димитрія, хотя ийти къ Галичу и бысть ему вѣсть, что Димитрій пошелъ къ Вологдѣ и князь великій поиде на Иледамъ да на Обнору. Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, пріиде вѣсть, что опять (Шемяка) воротился къ Галичу“.. Князь пошелъ туда и 28 января одержалъ надъ нимъ побѣду. (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, ч. VIII, стр. 122. Ср. Софійск. вторая лѣтопись, ч. VI, стр. 178). Такимъ образомъ здѣсь 1450 годъ несомнѣнно относится къ побѣдѣ Василя надъ Шемякою подъ стѣнами Галича, о чемъ со всею ясностію говорятъ Софійская первая лѣтопись (ч. V, стр. 270), а не къ разграбленію Вологды войсками Шемяки, которое, безъ сомнѣнія, случилось ранѣе 1450 года, ибо въ январѣ этого года князь успѣлъ только догнать Шемяку у Галича. Дѣйствительно, въ Вологодскомъ лѣтописцѣ намѣствіе Шемяки на Вологду отнесено къ 1448 году. Поэтому, нашъ взглядъ, въ этомъ рассказѣ не можетъ быть противорѣчія житію, по сказанію котораго преподобный преставился 1449 года 30 сентября. Что касается того соображенія

предѣлахъ, начинается преподобнымъ Сергіемъ Нуромскимъ. Біографъ, отдѣленный отъ преподобнаго болѣе чѣмъ столѣтіемъ, очень немного могъ сообщить о преподобномъ въ составленномъ имъ житіи, которое является, поэтому очень скуднымъ по своему содержанію. Но это не обильное въ количественномъ отношеніи содержаніе, по замѣчанію профессора Ключевского (стр. 302) является цѣннымъ въ качественномъ отношеніи, ибо заимствовано изъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ предисловіи писатель дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія касательно своего лица, времени составленія житія и своихъ источниковъ: „написано же бысть житіе сего святаго во времена и лѣта Богомъ въячяна, благочестиваго Государя-царя великаго Россійскаго государства богочтеннаго Самодержца, великаго князя Іоанна Васильевича... преосвященному митрополиту тогда бывшу Діонисію, епископу Варлааму Великопермскому, въ лѣто *жуж* (1584). Житіе преподобнаго не написано бысть и по сія лѣта. Братія же ученици блаженнаго въ скорби и печали бѣша зѣло, яко не написано житіе святаго за многи лѣта и сего ради въ забысть прииде многимъ... Написа же житіе се инокъ Іона, иже бысть въ та лѣта у Покрова Пречистыя обители Діонисія чудотворца, иже на Глушицѣ, игумень... Написахъ, елика въ слухы моя достиже и елика въ свитцѣхъ обрѣтохъ написаа“. (№ 1007/1116, л. 105—107). Касательно послѣдняго замѣчанія „о свитцѣхъ“ интересныя подробности и разъясненія читаемъ въ другомъ мѣстѣ: „се убо жительство труды и подвизи святаго... извѣстно вѣдый духо-

проф. Ключевского, что будто бы „по самому изложенію рассказа въ житіи можно замѣтить, что авторъ сопоставляетъ два различныхъ событія: согласно своимъ источникамъ онъ говоритъ, что Шемяка осаждалъ городъ безуспѣшно, но, однако, тутъ же замѣчаетъ, что святой приходилъ ко князю „во градъ“, то оно также не достаточно убѣдительно. Впервыхъ, замѣчаніе „во градъ“ находится въ худшей въ историческомъ отношеніи Макарьевской редакціи (оъ первой же редакціи сказано просто „во князю“). Вовторыхъ, еслибы и такъ, то едва ли возможно прилагать во всей строгости требованіе точности выраженія къ древнему грамотею, для котораго, безъ сомнѣнія „во градъ“ и „ко граду“ не представляло большаго различія и часто употреблялось одно вмѣсто другаго.

¹ Списки житія: рукоп. Соловец. библиот. № 1007/1116 (отдѣльное житіе со службою); Лавсаикъ и Патерикъ той же библиотекы № 489/508, л. 763—860; рукоп. сборникъ Вологодскаго кафедр. собора № 3, л. 82—122. Начало предисловія: „Въ послѣдняя времена явлься древнимъ святымъ подобенъ“. Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Сергій начало и корень имѣя отъ святыхъ горы“.

вень инокъ, по реклому Алексѣй, иже бысть послѣди первый игумень преподобнаго Павла (Обнорскаго, друга и собесѣдника Сергія). Сей же игумень Алексѣй ангельскій образъ пріять отъ руки преподобнаго Сергія, Нуромскаго чудотворца. Преподобный же Сергій даде его во ученіе преподобному Павлу.. Той же игумень Алексѣй имѣя ученика у себе, именовемъ Антонія.. Тому же ученику своему.. повѣда вся подробну, аже о отцы нашемъ Сергіѣ .. Той же Антоній повѣда ученику своему Геннадію, тако зовому ограднику суцу обители великаго Павла. Той же Геннадій оградникъ повѣда Протасію иноку. . Той же Протасій послѣди игумень бысть во оградѣ преподобнаго Павла написано имѣ у себе во свитцѣхъ, аже слыша о преподобномъ отъ оградника оного Геннадія .. Сія же вся азъ здѣ по ряду вчинихъ“ (л. 54—57). Конечно, такое преданіе, нѣсколько разъ переходившее изъ устъ въ уста, не могло отличатся подробностями своего содержанія. Дѣйствительно, въ житіи мы ваходимъ двѣ-три черты изъ жизни преподобнаго, облеченныя по правиламъ искусственной агіобіографіи въ реторическую мантію житія. Заканчивая свое предисловіе, авторъ намѣчаетъ себѣ слѣдующій планъ: „...како пріиде на мѣсто сіе святое и откуду пріиде, и како поживе единъ въ пустыни сей прежде собранія братіи, и како поживе съ братією вкупѣ, и како обитель созда, и како собесѣдникъ бысть преподобному Павлу. Родъ же его и воспитаніе и общаніе иноческаго житія никто же вѣсть“ (л. 32—33). Насколько авторъ выполнилъ свою задачу, показываетъ самое изложеніе его біографіи. „Сей преподобный начало и корень имѣя отъ святыя горы, якоже повѣдасте ми братіе и вселися въ Московскомъ самодержавствѣ, въ предѣлѣхъ Радонежскія области и пріиде къ великому Сергію, Радонежскому чудотворцу, еще въ жизни сей жительство имущему, и пребысть у сего преподобнаго время довольно“ (л. 33). Съ теченіемъ времени, оставивъ Радонежскую область, преподобный Сергій устремился „къ сѣвернымъ странамъ. И пришедъ въ облажція вси области обдержанія, дебри и лѣсы великіе, мха и блата, обрѣте мѣсто подлежащей вси, Обнорскія волости, на великомъ лѣсу, на рѣцѣ на Нурмѣ“. („Въ то время преподобный великій Павелъ Обнорскій (бѣ) во внутренней пустыни, великія же обители у преподобнаго Павла не бысть еще“). Это мѣсто преподобный Сергій избралъ для своего жительства, поставилъ часовню, создалъ себѣ „келицу малу и ту пребысть лѣта довольно“. Здѣсь два раза нападали на него рязбойники и въ одинъ разъ избили его до полусмерти; но это не могло уничтожить любви преподобнаго къ мѣсту своего избранія. Вскорѣ убѣжище его сдѣлалось открытымъ и „мнози начаша при-

ходити къ нему... овии и въ тѣлесныхъ потребная приношаху ему. Мнози же и отъ обителей иноци прихождаху къ нему и съ жителѣ бываху“ (л. 46). Съ собраніемъ братіи явилась нужда въ устройствѣ обители: „братіи же числомъ исполняющимся чотыредесяти и церкви же не бѣ тогда на собраніе молитвенное и келій нѣсть. Блаженный нача здати церкви и келліи и воздвиже церковь во имя Всемилюстиваго Спаса и келліи постави и обитель возгради“.

Между тѣмъ какъ Сергій трудился надъ созиданіемъ Нуромской обители, вблизи еѣ подвижался преподобный Павелъ Обнорскій. „Во то время великому отцу нашему Павлу единственное житіе проходящу во внутренней пустыни на той же рѣцѣ Нурмѣ, отъ тоя же пресловущія лавры Россійскаго свѣтила Сергіева монастыря прииде великій Павелъ“ и поселился въ двухъ поприцахъ отъ обители преподобнаго Сергія. „Бяше же великій Павелъ съ преподобнымъ Сергіемъ собесѣдники... и прихождаста другъ ко другу. Бяше бо преподобный Сергій великому Павлу духовный отецъ... Иногда же, пришедшему сему святому Сергію ко отцу нашему Павлу и обрѣте великаго Павла внѣ келліи стояща, кормяща изъ рукъ птицы: множество малыхъ птицъ сѣдяще на главѣ преподобнаго Павла и на плечахъ его. Вкупѣ же предстояху ему и великій звѣрь, еже глаголется медвѣдь и лисица съ зайцемъ“. Вскорѣ и преподобный Павелъ, подобно Сергію, началъ „братію примати и строити монастырь и церковь во имя Троицы“. Между тѣмъ преподобный Сергій достигъ уже глубокой старости и въ 1413 (жцк) году преставился. По прошествіи многихъ лѣтъ послѣ его кончины были обрѣтены его мощи по указанію нѣкоего старца Никифора.

Нѣсколько ранѣ житія Нуромскаго подвижника составлена біографія его друга и собесѣдника преподобнаго Павла Обнорскаго. Въ числѣ чудесъ болѣ позднихъ списковъ житія Павлова помѣщено чудо обрѣтенія мощей преподобнаго, которое совершилось въ 1546 году, при игуменѣ Протасіѣ². Болѣ же ранніе списки, не содержащіе въ себѣ этого разсказа, по мнѣнію профессора Ключевскаго³, мо-

² Таковы списки: въ ркп. сборникѣ Прилуцкой бібліотеки № 37/36, л. 74—122; въ сборникѣ Вологодскаго каедр. собора № 3, л. 122—170. Начало предисловія: „Яже изрядныхъ мужей житія полагати“... Начало житія: „Сей убо преподобный отецъ нашъ Павелъ родися отъ благородныхъ и благочестиву родителю“.

³ Ключевскій, Житія святыхъ. стр. 271.

гутъ быть отнесены къ началу XVI столѣтія⁴. Относительно личности біографа можно сказать только то, что онъ былъ однимъ изъ позднѣйшихъ иноковъ Павлова монастыря. Объ этомъ говорятъ слѣдующія его выраженія: „духовный праздникъ составимъ, достойную честь, яко ученици учителю воздающе“ (№ 819, л. 233); „уподобимся отцемъ нашимъ, каковымъ жестокимъ житіемъ сѣдоша здѣ безмолвіемъ“ (№ 818, л. 417) и другія. Біографъ, какъ видно, не засталъ въ монастырѣ и очевидцевъ святаго: „не отъ слышанія токмо приємъ, замѣчаетъ онъ въ своемъ предисловіи, но и многихъ получивъ, иже о ономъ списавій, яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго, и отъ инѣхъ многихъ, слышавшихъ о житіи святаго“ (№ 819, л. 232). На основаніи такихъ источниковъ онъ могъ создать скудную своимъ содержаніемъ біографію, обильную общими типическими мѣстами.

Преподобный Павелъ родился въ Москвѣ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, въ домѣ которыхъ и провелъ свое дѣтство. Когда достигъ возраста, родители его вознамѣрились „законному браку сочетати“, но онъ воспротивился ихъ намѣренію и „оставль родителя... въ двадцать второе своего возраста лѣто... всѣхъ утаився, отъиде и достиже обители Рождества Христова на рѣцѣ Волзѣ и въ томъ монастыри воспріять на ся ангельскій образъ“. Вѣроятно, не долго онъ оставался здѣсь. Услышавъ, что преподобный Сергій основалъ свою обитель въ окрестностяхъ Москвы, онъ удалился къ нему. Здѣсь сначала онъ проходилъ монастырскія службы въ поварнѣ и хлѣбопещницѣ. Спустя нѣкоторое время, испросивъ благословеніе преподобнаго Сергія, св. Павелъ „отъиде вдалѣ отъ монастыря во отходную келлію и пребысть въ ней лѣтъ пятнадесять“. Когда мѣсто его уединенія было открыто, онъ снова возвратился къ Сергію и просилъ его „да благословить жити въ пустынѣ“. Получивъ въ благословеніе мѣдный крестъ изъ рукъ своего учителя, и до сихъ поръ хранящійся въ Павловой обители, преподобный, въ своихъ иноческихъ стремленіяхъ, предпринялъ цѣлый рядъ странствованій по монастырямъ и пустынямъ русскаго сѣвера. Относительно этого періода жизни преподобнаго указанная нами редакція замѣчаетъ обще: „во многихъ пустыняхъ живаше лѣта довольно“. Но другая, краткая редакція, составленная, по мнѣнію В. О. Ключевского⁵, вскорѣ послѣ первой, т. е. около половины XVI столѣтія, сообщаетъ въ этомъ слу-

⁴ Таковы Соловецкіе списки въ Четьи-Минейныхъ сборникахъ: № 818, л. 386—434, и № 819, л. 230—266.

⁵ Ключевскій, Житія святыхъ, стр. 272.

чаѣ любопытныя подробности. Въ указанномъ мѣстѣ редація эта по рукописному и печатному прологу ⁶ читается такимъ образомъ. Оставивъ обитель Сергія, преподобный Павелъ „абіе прииде въ обитель Пречистыя Богородицы и къ преподобному Кириллу Бѣлозерскому и тамо во отходной келліи пребываше. И посемъ прииде на Одромъ рѣчку и ту пребывъ мало во отшествіи. И отъ того мѣста прииде въ Галичъ и въ велицей пустыни у Пречистыя Богородицы живяще во отшествіи. И отъ того мѣста изгнанъ бысть игуменомъ того монастыря и паки отъиде на Городецъ и на низу у св. мученика Феодора во обители пребываше. И оттолѣ во иныхъ мѣстѣхъ пустыхъ живаше святой лѣта довольна“ ⁷. Можетъ быть, въ числѣ этихъ „иныхъ пустыхъ мѣстѣ“ разумѣются и окрестности Глушицкаго монастыря, въ которыхъ около этого времени жилъ какой то пустынножитель Павелъ, какъ сообщаетъ о томъ житіе преподобнаго Діонисія.

Послѣ этихъ путешествій преподобный Павелъ, пришелъ „на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и собрѣте липу дунлянѹ, поживе въ ней три лѣта“. Потомъ онъ поселился на берегахъ Обноры, построилъ себѣ келлію и выкопалъ колодезь. Въ этомъ мѣстѣ онъ уже подвизался до конца жизни среди звѣрей и пернатыхъ. „Звѣри дивіи, замѣчаетъ его біографъ, человекоядцы суще и ядовити, приходяду къ нему. Яко и великій звѣрь уена (=медвѣдь) и лисица со зайцемъ вкупѣ къ нему приходяще, пищу приимаху“. Здѣсь стала стекаться къ преподобному братія и онъ сталъ заботиться объ устройствѣ монастыря. Прежде всего онъ предпринялъ путешествіи въ Москву, къ митрополиту Фотію, испрашивая его разрѣшенія на созданіе обители. Фотій сначала сурово принялъ подвижника; „митрополитъ же не внимаше словесѣмъ преподобнаго, но и жестока нѣкая глагола ему“. Но потомъ, уstraшенный соннымъ видѣніемъ, онъ приказалъ отыскать ушедшаго старца и далъ ему свое разрѣшеніе, а при отшествіи святаго на обратный путь далъ ему на монастырь милостыню довольну „и ризу съ себе даде ему“. Отправляясь въ Москву, преподобный взялъ съ собою одного изъ учениковъ своихъ, именемъ Алексія ⁸, который, по его просьбѣ, рукоположенъ былъ Фотіемъ въ санъ пресвитера. По возвращеніи на Обнору, преподобный создалъ церковь во имя св. Троицы и устроилъ монастырь. Митропо-

⁶ См. у архієпископа Филарета, Русскіе святыя, январь, прилѣж. 49.

⁷ Печатный Прологъ, 10 января.

⁸ О немъ, какъ ранѣе замѣчено, упоминаетъ біографъ преп. Сергія Нуромскаго, какъ очевидецъ и свидѣтель жизни этого подвижника.

лить Фотій по просьбѣ преподобнаго, послалъ для новосозданной церкви антиминосъ, вмѣстѣ съ поучительной грамотой, въ которой ставляетъ „како подобаеть быти строящу челоувѣческія души“⁹. Вышеупомянутый Алексій сдѣлался священникомъ новоустроенной церкви и первымъ игуменомъ Павлова монастыря. Самъ же преподобный, какъ сообщаетъ вторая редакція, отказался отъ игуменства и пребывалъ въ затворѣ, въ своей отходной келліи¹⁰. Когда собралось въ монастырь „братіи довольно“, преподобный „общее житіе составляетъ и законоположенія предаеть по древнихъ св. отецъ преданію. И заповѣда всей братіи коемуждо еже въ келліяхъ ничтоже веляше имѣти, ниже своимъ звати, но вся обща имѣти, тѣмъ же сребро и прочая вся избыточная стяжанія отнюдь въ братіи не именовашеса, кромѣ монастырскія казны. Отуду бо вся, яже къ потребѣ, братія имяху, по завѣщанію Великаго Василія и прочихъ св. отецъ повелѣнію. Жаждою же аще кто одержимъ бываше, въ трапезу идяху; хлѣбъ же и ина снѣдная и питіе каково никакоже въ келліи не обрѣташеса ни у кого же, кромѣ руки умыти вода. И аще кому случашеса пріити брату въ келлію, ничтоже въ ней бяше видѣти, развѣ иконы или книги... Заповѣда имъ преподобный смиреніемъ и любовію превосходити другъ друга, первѣе на пѣнїи въ церкви обрѣтиса, не веляше бесѣдовати въ церкви и на обѣдѣ ядущимъ братіи., и никого-же бяше слышати, токмо чтеца единаго. По обѣдѣ же и по вечерни никтоже въ инога келлію приходитъ... такожде и обходити не веляше и тонты творити, ниже другъ съ другомъ стояти празднословити... и въ рукодѣліи повелѣ комуждо труждатиса... овѣмъ отъ нихъ въ сокальници повелѣ быти и помогати служащимъ, овѣмъ же въ трапезной службѣ. Заповѣда всѣмъ братіямъ, сущимъ въ дѣлѣ, не празднословити никогда же, но съ молитвою дѣло творити... Тѣмъ же умѣющіи рукодѣліе и дѣлающіе, то въ казну отношаша, себѣ же ничтоже безъ благословенія никтоже дѣлаше... Питіе пѣанственнаго отнудъ весьма никакого же въ монастыри обрѣтатиса повелѣ... Аще ли кто нѣчто иметь изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонять таковаго“. Изнуренный подвигами и достигшій маститой старости Обнорскій подвижникъ въ 1329 году (ꙗꙋꙋ) преставился, 112 лѣтъ роду.

Заключая свое повѣствованіе о жизни преподобнаго, біографъ замѣчаетъ: „сиде бысть жизнь его: двадесяти дву лѣту отъ рожденія

⁹ Она издана въ „Русской исторической бібліотекѣ“, т. VI, стр. 487—491.

¹⁰ Печатный Прологъ, 10 января.

его приде во иноческій чинъ, по разнымъ пустынямъ въ безмолвіи поживе лѣтъ 50, въ томъ же святѣмъ своемъ монастыри пребысть лѣтъ 40^а.

Вмѣстѣ съ Нурмою мѣстомъ иноческой колонизаціи служила другая сосѣдняя рѣчка—*Комела*, имя которой увѣковѣчилось въ житіи трехъ подвижниковъ: Арсенія, Иннокентія и Корнилія.

Биографъ преподобнаго Арсенія, въ концѣ своего труда, въ небольшомъ предисловіи къ разсказу о чудесахъ, сообщаетъ слѣдующія извѣстія касательно его происхожденія: „въ лѣто *зд (1597) во обители святаго (Арсенія) погорѣ церковь во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго, ея же блаженный Арсеній самъ, телѣснѣ еще живъ сый, благослови по обѣщанію воздвигнути, церкви же той сгорѣвши со всѣмъ украшеніемъ, съ кнѣгами и со всею освященною утварію, тогда сгорѣло ту и написаніе о житіи святаго и чудесѣхъ его. Игумену же и братіи, тогда въ недоумѣніи и размышленіи бывшимъ и глаголющимъ, како отецъ нашъ Арсеній отъ времени сего безъ написанія будетъ. Бывше же тогда свидѣтели святому житію его и чудесѣмъ и преставленію. Еще же обыскавши въ дохеѣ монастырской написанія, обрѣтохъ малу хартію, въ ней же написано согласно тѣмъ свидѣтелемъ. Игумену же и братіи мене убогаго раба Божія Іоанна понудивше житіе святаго переписать. Азъ же о преподобнѣмъ житіи распросивъ и хартію переписавъ, а иныя многія чудеса своимъ очима видѣхъ, истинно толико мало потщахся написать житіе и чудеса святаго вкратцѣ“. Житіе по своему характеру удаляется отъ общепринятыхъ правилъ агіобіографіи, отличается простотою разсказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ его сухостію и отрывочностію. Профессоръ Ключевскій считаетъ житіе преп. Арсенія однимъ изъ лучшихъ образчиковъ тѣхъ житій, которыя, съ углубленіемъ агіобіографической литературы изъ центровъ въ глухія пустыни, освобождались отъ искусственнаго стиля; краски его здѣсь тускнѣли, слогъ становился проще, типическія мѣста сокращеннѣ¹¹.

¹¹ Два списка житія преподобнаго Арсенія находятся въ бібліотекѣ Арсеніева Комельскаго монастыря. Одинъ списокъ времени императора Петра Феодоровича, имя котораго упоминается въ церковныхъ пѣсняхъ службы преподобному, приложенной къ этому списку. Другой списокъ болѣе древній. Указанное мѣсто церковной пѣсни въ немъ читается такъ: „царю и великому князю имя рекъ“. Оба списка по содержанію тождественны. Начало предисловія: „Слава Тебѣ Христе Боже, сотворшему всяческая“. Начало житія: „Сей преподобный рождение“.

О доипоческомъ періодѣ жизни біографъ знаетъ очень не много. Сказавъ, что преподобный родился въ Москвѣ „отъ благовисту родителю боярска рода Сухарусовыхъ,“ онъ замѣчаетъ: „о возрастѣ его не обрѣтено нами, колики лѣты вниде во образъ иноческаго житія прехожденія ради многихъ лѣтъ“. Дальнѣйшій разсказъ біографіи отличается бдльшею подробностію. Принявъ постриженіе въ обители преподобнаго Сергія Радонежскаго, преподобный посвятилъ ей первые годы своего иночества. Въ числѣ другихъ иноческихъ подвиговъ біографъ отмѣчаетъ слѣдующее: „и книга святыхъ почиташе и преписоваше со всякимъ вниманіемъ“¹². Поживъ „лѣта довольна“ въ Сергіевой обители, преподобный въ 1525 году сдѣлался ея игуменомъ¹³. Это обстоятельство не измѣнило жизни подвижника, оставшагося прежнимъ аскетомъ. Біографъ изъ этого періода жизни преподобнаго разсказываетъ слѣдующій случай. Во время игуменства Арсеніева, по обычаю, пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ не мало дивился „странному образу“ подвижника и его „худымъ, многшвейнымъ и раздраннымъ ризамъ“. Строгость подвижника не препятствовала любви къ нему братіи, которая, узнавъ о намѣреніи преподобнаго покинуть ее, ради стремленія къ безмолвію, просила прибывшаго князя „понудить“ святаго остаться въ ихъ лаврѣ. Просьба подѣйствовала на преподобнаго и онъ нѣкоторое время рѣшился остаться въ прежней обители.

Однако, это пребываніе подвижника въ Сергіевой лаврѣ продолжалось не долго. Мы видимъ, что послѣ двухлѣтняго игуменства, пре-

внѣя Россійскаго царства, во единомъ отъ мѣсть богоспасаемаго града Москвы“. Рукописное житіе преподобнаго Арсенія встрѣчается очень рѣдко.

¹² Какъ доказательство этой любви преподобнаго Арсенія къ книжному искусству сохранилось въ его монастырѣ евангеліе-автографъ преподобнаго, что можно читать въ слѣдующей припискѣ къ нему, сдѣланной рукою переписчика: „въ лѣто ~~сди~~ (1506) сіе Евангеліе почато бысть писати октября мѣсяца 18, а кончилъ марта мѣсяца 12. При благочестивомъ великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ и при архіепископѣ Симонѣ митрополитѣ, на престолѣ великаго чудотворца Николы, еже есть на Комѣ, повелѣніемъ всѣхъ православныхъ христіанъ Никольскаго приходу. Писано же бысть со стараго списка, съ Печеньги. А добывалъ ево князь Юрій Васильевичъ. Сіе же писалъ Евангеліе многогрѣшныи чернецъ Арсенишко Сухарусовъ“.

¹³ Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры. Москва 1742 г., стр. 67. (См. у архіеп. Филарета, Русскіе святые, 24 августа).

подобный, въ 1527 году, покинулъ лавру ¹⁴ и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. По обычаю сѣверныхъ подвижниковъ, обходя „многіе лѣсы и мѣста пустынные, ища мѣста покойна обитель составить“, преподобный пришелъ „въ Вологодскій уѣздъ, во Олоновъ конецъ, близъ рѣки Лежи яко съ полъ-поприща, на Кохтыжъ рѣку, отъ града Вологды яко за двадесять пять поприщъ. Мѣсто бо тогда блатно бысть ту и водяно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людемъ“. Дойдя до этого мѣста, святой настолько былъ утомленъ тяжестью болотнаго пути, что „ноша, юже ношаше съ нужною потребою на своихъ рамяхъ, отторжеса отъ него, отпаде“. Не имѣя болѣе силъ къ продолженію пути, святой поселился въ этомъ болотѣ и поставилъ себѣ келлію. Но и здѣсь онъ не нашель для себя покоя и желаемаго безмолвія. Противъ него возстали здѣсь „злонравные люди“, причиняя святому „мнози скорби и пакости“. Это обстоятельство заставило преподобнаго обратиться съ жалобой къ великому князю и здѣсь искать себѣ защиты. Содержаніе этой жалобы дошло до насъ полностью въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Іоанновича старцу Арсенію, которая была отвѣтомъ на просьбу старца къ великому князю. Вотъ текстъ этой грамоты: „се азъ, князь великій Василій Ивановичъ ¹⁵, пожаловаль есми старца Арсенія Сухарусова: билъ ми челомъ, а сказываетъ, что поставилъ себѣ пустыню въ Вологодскомъ уѣздѣ, на Комельскомъ лѣсу, на рѣчкѣ Кохтыжѣ, и къ той-де его пустынѣ крестьяне лѣсъ сѣкутъ, и починки ставятъ и съ выжляты (гончими собаками) гонюють и бѣлюють (по своей волѣ владѣють), а мнѣ бы пожаловати, около тое пустыни крестьянамъ лѣсу сѣчи, и починковъ ставити, и съ выжляты гоняти и бѣловати не велѣти: азъ великій князь старца Арсенія... съ братією пожаловаль, крестьянамъ мовимъ около тое пустыни лѣсу сѣщи и починковъ ставити и съ выжляты гоняти и бѣловати не велѣлъ около тое пустыни за двѣ версты во всѣ четыре стороны“. Это, однако, не только не оградило старца отъ притѣсненій „злонамѣренныхъ людей“, но, напротивъ, еще болѣе вооружило ихъ противъ него. Въ своей дерзости послѣдніе дошли даже до того, что „подруга преподобнаго, старца, бивше безъ милости злой

¹⁴ Историческое описаніе Троице-Сергіевой лавры, стр. 67—въ указаннѣй цитатѣ архіепископа Филарета.

¹⁵ Въ копіи этой грамоты, помѣщенной въ Исторіи Россійской іерархіи, т. III, стр. 280, имя великаго князя обозначено ошибочно: она подписана 1530 годомъ, а князь именуется Иваномъ Васильевичемъ. Но тогда былъ еще Василій Ивановичъ.

смерти предаша“. „Святый дастъ мѣсто гнѣву и отъиде отъ того мѣста за тридесять поприщъ, на дикій лѣсъ Шилегоцкой, на рѣчку Шингорь, и тамо веслися“. Здѣсь онъ поставилъ себѣ „молитвенный храмъ“ и къ нему стали стекаться иноки. Но и на этотъ разъ спокойствіе преподобнаго скоро опять было нарушено по причинѣ нашептвiя Казанскихъ татаръ на Вологодскіе предѣлы. Жители, спасаясь отъ преслѣдованій грабителей, проникли въ новое мѣсто уединенія преподобнаго, которое, такимъ образомъ, наполнилось народомъ. Въ числѣ бѣглецовъ были и жены, которыя, поселившись вблизи обители преподобнаго, стали рождать дѣтей. Все это заставило преподобнаго снова возвратиться въ покинутое имъ мѣсто первоначальнаго своего убѣжища. „И приде ему желаніе возвратитися на Комельскій лѣсъ, на свое предиреченное мѣсто, во Олоновъ конецъ“. Здѣсь онъ и сталъ продолжать свою подвижническую жизнь, „имѣя у себе брата, именемъ Герасима, духовна и добродѣтельна старца, и иныя братія поживе съ нимъ“. Въ этомъ мѣстѣ подвижникъ по прежнему началъ „трудатися вельми, лѣсы сѣчаше и нивы насѣваше, имѣя у себе доулица“. Съ теченіемъ времени преподобный взялъ благословеніе „отъ святители Алексія, епископа Пермскаго и Вологодскаго, въ лѣто 1539“¹⁶ на созданіе церкви во имя положенія ризъ Пресвятыя Богородицы, которая и была окончена постройкою въ 1541 году, 2 іюня. Преподобный устроилъ ее чудно святыми иконами и книгами и создалъ ограду около монастыря. Устроивъ обитель, онъ испросилъ для нея у великаго князя села и угодья. Отъ временъ Грознаго дошли до насъ двѣ жалованныя грамоты на имя старца Арсенія, изъ которыхъ одна (отъ 1539 года, 13 іюля) утверждаетъ за его обителью право на владѣніе землею въ размѣрѣ пяти верстъ кругомъ монастыря, а другая (отъ 1543 года) утверждаетъ за монастыремъ пять починковъ, возникшихъ на монастырской землѣ¹⁷. Живя въ Комельской обители, преподобный не забывалъ и прежней своей пустыни. Біографъ его замѣчаетъ: „преподобному Арсенію прехожденіе творящу въ предиреченную свою пустыню, на рѣчку Шингорь... печалаяшеса всегда о Шилегоцкой пустынѣ“¹⁸. Этими краткими замѣча-

¹⁶ Епископъ Алексій управлялъ Вологодскою каедрою съ 1525—1542 г. См. „Описаніе Арсеніево-Комельскаго монастыря“, составленное Н. Суворовымъ, стр. 5, примѣч. 2. Ср. Исторія Россійск. іерархіи, т. I, стр. 350.

¹⁷ Исторія Россійской іерархіи, т. III, стр. 283—286.

¹⁸ Обѣ первоначально основанныя преподобнымъ пустыни продолжали свое существованіе и послѣ оставленія ихъ преподобнымъ: первая—подъ именемъ

ниями и заканчивается биография преподобнаго. Онъ преставился 24 августа 1550 года (*зми).

Г Л А В А V.

Послѣдніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иночества, преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго: святые Иннокентій и Корнелій Комельскіе. Краткія свѣдѣнія о позднѣйшихъ святыхъ: Игнатій Прилуцкомъ и Галактіонъ Вологодскомъ.

Почти одновременно съ преподобнымъ Арсеніемъ въ Комельской пустынь подвизался святой Иннокентій, ближайшій ученикъ и послѣдователь преподобнаго Нила Сорскаго, биография котораго стоитъ въ весьма близкомъ отношеніи къ биографіи устроителя и законоположника русскаго святничества.

Свѣдѣнія о Комельскомъ подвижникѣ очень скудны. Причину этого биографъ его видитъ въ слѣдующемъ: „бысть писанія немало о преподобномъ Иннокентіи и грѣхъ нашихъ ради бысть нашествіе попоганыхъ татаръ-казанцовъ на Русскую землю, на предѣлы Вологодскіе и тогда пустыню преподобнаго отца Иннокентія погани раззориша и церковь Іоанна Предтечи сожгоша и все строеніе огню предаша. И написаніе о преподобномъ Иннокентіи тогда сгорѣло, а иное писаніе нѣцы отъ братія изъ пустыни его отъидоша, амо же восхотѣша, и писаніе о немъ съ собою снесоша во иные монастыри, и тако въ его монастырѣ не оста писанія объ немъ, мы же вкратцѣ написаше о святомъ“¹. Эта краткая биография, составленная на основаніи устнаго преданія, многое забывшаго и многое спутавшаго, является весьма скудною, въ смыслѣ историческаго источника. Вслѣдствіе этого, свѣдѣнія о преподобномъ Иннокентіи приходится заимствовать изъ другихъ источниковъ и главнымъ образомъ изъ биографіи учителя его Нила Сорскаго².

Арсеніево-Маслянской, а вторая—Александро-Коровиной. Свѣдѣнія о нихъ заключаются въ описаніи Арсеніево-Комельскаго монастыря, составленномъ Н. Суворовымъ, стр. 20—26.

¹ Ркн. житія преп. Иннокентія Комельскаго въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ „Описаніи рукописей Императорской публичной бібліотеки“ О. Бычкова, стр. 15—16.

² Источники: О. Бычковъ, Описаніе рукописей Императорской публичной бібліотеки, ч. I, §§ 4 и 27, стр. 15—16; 96—98. А. Архангельскій, „Матеріалы для биографіи Нила Сорскаго“ въ „Памятникахъ древней племениности и искусства“, т. I. Статя о Нилѣ Сорскомъ А. В. Горскаго въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ“, т. VI, стр. 141—155. „Преподобнаго отца на-

Исторія впервые застаётъ обоихъ подвижниковъ—ученика и учителя иноками Кирилло - Бѣлозерскаго монастыря. Изъ доиноческой жизни ихъ она передаетъ лишь то, что Нилъ происходилъ изъ рода бояръ Майковыхъ, а Иннокентій—изъ бояръ Охлѣбининыхъ³. Одновременно или нѣтъ поселились они въ Кирилловѣ—достоверно не извѣстно. Равнымъ образомъ не извѣстно и то, теперь ли Иннокентій сдѣлался ученикомъ Нила или впоследствии. Мы упоминали, что авторъ „письма о пелюбкахъ“ называетъ Нила ученикомъ Паисія Ярославова, каковое учительство и происходило, вѣроятно, въ стѣнахъ Кириллова монастыря.

Слѣдя за первыми моментами иноческой жизни Нила и Иннокентія, можно думать, что зародыши ихъ созерцательнаго аскетизма стали развиваться въ нихъ еще до ихъ совмѣстнаго путешествія по востоку, во время ихъ первоначальныхъ подвиговъ въ русскихъ обителяхъ. Правда, эти аскетическія возрѣнія восточнаго происхожденія, но къ этому времени онѣ несомнѣнно въ нѣкоторой степени успѣли уже распространиться и въ Россіи. Въ XV и XVI в. сношенія Россіи съ Востокомъ были особенно часты. Мѣсто павшаго Константинополя замѣнила теперь святая гора (Аѳонъ), сдѣлавшаяся съ этихъ поръ просвѣтительнымъ центромъ Россіи. Туда теперь стало направляться множество русскихъ людей, равно какъ многіе святогорцы стали тяготѣть къ Россіи, гдѣ всегда былъ для нихъ радушный пріютъ. Такъ, мы знаемъ, что въ концѣ XIV вѣка прибылъ въ Россію извѣстный Діонисій Святгорець, сдѣлавшійся впоследствии архіепископомъ Ростовскимъ. Около того же времени

шего Нила преданія ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ“. Изданіе Оптиной пустыни. Москва 1849 г.

³ Напрасно г. Архангельскій и его рецензентъ проф. О. Миллеръ (Историческій Вѣстникъ, 1882, т. IX, стр. 430—434), увѣряютъ, что Нилъ происходилъ изъ крестьянскаго рода, опираясь на его слова: „о себѣ же не смѣю говорить что, понеже невѣжда и *поселянинъ* есмь“. Слово *поселянинъ*, по мнѣнію ихъ, въ рукописяхъ XV и XVI в. употребляется въ смыслѣ *крестьянина*. Но едва ли это такъ. Слово *поселянинъ* вовсе не имѣетъ такого исключительнаго употребленія: это—ходячая фраза иноческаго смиренія, которую употребляетъ и Нилъ Сорскій въ одномъ изъ своихъ произведеній, употребляли и многіе списатели житій, напримѣръ, списатель житія преп. Стефана Махрищскаго, Даниловскій игуменъ Іоасафъ, неизвѣстный списатель житія преп. Іоасафа Каменскаго и др. Кромѣ того, эта фраза, какъ и многія ей подобныя, вовсе не русскаго, а восточнаго происхожденія, какъ замѣчаетъ въ своемъ трудѣ проф. Некрасовъ (Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка—въ Запискахъ Императорскаго Новороссійскаго университета, т. VI, стр. 14).

пришелъ въ Россію преподобный Сергій Нуромскій, нѣкоторое время подвижившійся въ обители Сергія Радонежскаго, а потѣмъ основавшій свою обитель и другіе. Сколь часты были путешествія русскихъ иноковъ на Аѳонъ—это видно изъ того, что въ этотъ періодъ времени они сдѣлались какъ бы нѣкоторою потребностью: „ради *нужды нлкія*, пишетъ Елифаній Премудрый въ похвальномъ словѣ Сергію Радонежскому, не взыска царствующаго града, ни святаго горы, ни Іерусалима, яко азъ окаянный и лишенный разума, ползая сѣмо и овамо, и преплаывая сюду и оуду, и съ мѣста на мѣсто прехождая“⁴.

Ниль и Иннокентій мѣстомъ своихъ первоначальныхъ подвиговъ и избрали именно ту обитель, въ которой вліяніе Востока могло быть наиболѣе сильнымъ. Такова была обитель Кириллова, находившаяся въ предѣлахъ Ростовской епархіи, гдѣ еще такъ недавно святительствоваъ Діонисій Святгорець. Въ руководство себѣ они избрали Паисія, постриженника Спасо-Каменнаго монастыря, и если не заставшаго здѣсь Діонисія, то, во всякомъ случаѣ, постригагося здѣсь вскорѣ послѣ его ухода. Неизвѣстно, долго ли Ниль и Иннокентій жили въ Кирилловѣ. Дальнѣйшее извѣстіе говоритъ уже объ ихъ совмѣстномъ путешествіи на Востокъ⁵. Подробности этого путешествія остаются въ тѣни. Ниль упоминаетъ только, что вмѣстѣ съ Иннокентіемъ они были: „во святѣй горѣ и во странахъ Цареграда и во иныхъ мѣстѣхъ многа суть такова пребыванія“⁶. Здѣсь, безъ сомнѣнія, иноки и завершили свое образованіе въ томъ созерцательномъ направленіи, которое выразили потомъ въ своихъ твореніяхъ. Главнымъ мѣстомъ ихъ образованія былъ, конечно, Аѳонъ, въ которомъ въ это время такое аскетическое направленіе было господствующимъ. Въ это время происходили здѣсь споры Валаамитовъ и Паламитовъ; гнѣздились здѣсь и многія другія ереси⁷, вызывавшія обширную полемику со стороны борцовъ за православіе. Изъ числа послѣднихъ мы встрѣчаемся здѣсь съ именами Паламы, двухъ Каллистовъ, Аѳанасія, впоследствии патріарха Кон-

⁴ Архангельскій, Указ. соч., стр. 19, примѣч. 59.

⁵ Объ этомъ свидѣтельствуетъ „письмо о нелюбкахъ“ въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ, т. X, стр. 504; а также, посланіе Нила къ старцу Герману и его уставъ скитскаго житія (гл. XI). Житіе Иннокентія не знаетъ о пребываніи его въ Кирилловѣ: оно прямо начинается разсказомъ о приходѣ его къ Нилу, когда послѣдній основалъ свой скитъ на р. Сорѣ. Бычковъ, Опис. рукоп., стр. 15. Блючевскій, стр. 304.

⁶ Уставъ Нила Сорскаго, гл. XI.

стантинопольскаго, а также Григорія Синаита, особенно любимаго и часто цитуемаго Ниломъ Сорскимъ, и другихъ.

Послѣ своего путешествія оба подвижника возвратились въ Кирилловъ монастырь. Біографъ Нила, по поводу его возвращенія, замѣчаетъ: „прииде преподобный отецъ нашъ, чудотворецъ Ниль съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ отъ Палестинскихъ странъ, изъ Аѳонскія горы, при животѣ преподобнаго Кирилла Бѣлосверскаго“⁷. Но онъ, очевидно, ошибается, ибо пр. Кириллъ преставился въ 1427 году, когда Ниль († 1508) едва ли еще и родился. Послѣ недолгаго пребыванія въ Кирилловѣ, иноки опять оставили его и удалились на рѣчку Сору. Причину своего удаленія высказываетъ Ниль въ письмѣ къ своему почитателю старцу Герману Польпому⁸: „удаленіе мое изъ монастыря, писалъ онъ ему, не было ли ради душевной пользы? Ей, ради ея. Я видѣлъ, что тамъ живутъ не по закону Божію и преданію отеческому, а по своей волѣ и человѣческому разсужденію. Много еще и такихъ, которые, поступая такъ, неправильно, мечтаютъ, будто проходятъ житіе добродѣтельное“⁹. Здѣсь Ниль и основалъ

⁷ Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1860, кн. I, стр. 5.

⁸ Ркп. Императорской публичной библ. № 260, л. 56, въ цитатѣ г. Архангельскаго, стр. 2.

⁹ Долго не было открыто истинное назначеніе этого посланія и изслѣдователи относили его къ различнымъ лицамъ. Преосвященный Филаретъ адресатомъ его считалъ Вассіана Патрикѣва (Русскіе святые, 7 апрѣля). А. В. Горский думаетъ, что оно писано было къ Иннокентію Охлѣбину (Прибавленія къ твор. св. отцовъ, т. VI, стр. 142). Позднѣе открыты были два списка, разрѣшавшіе спорный вопросъ въ пользу старца Германа Польпаго. Архангельскій, стр. 49.

¹⁰ А. Филаретъ, Русскіе святые, 7 апрѣля. Подобное же свидѣтельство о состояніи иноческой жизни въ Кирилловѣ монастырѣ по смерти его основателя мы читаемъ и у Іосифа Волоцкаго. По скончаніи блаженнаго Кирилла, пишетъ онъ, нравы Кирилловскихъ иноковъ стали упадать: „во обители его настоятель въ наша лѣта отъ ниаго монастыря, иже нѣкая преданія и законы св. Кирилла не храняше и въ небреженіе полагаше. Въ лѣта Геронтія митрополита (братія) избраша себѣ игумена, иже бысть постриженникъ Кириллова монастыря, многа же лѣта поживе во иныхъ монастырѣхъ, иже той такожде начатъ многая развращати св. Кирилла преданія, сущія же въ то время старци о семъ оскорбшася и на соборѣ и наеднѣ глаголаху ему о семъ; онъ же не брежаше ихъ глаголы. Тогда старѣйшии и большіи старци вси отбѣюша отъ монастыря, не терпяще зрѣти преданія св. Кирилла попираема или отметаема“. (Отвѣщаніе любозазорнымъ—въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1847, т. VII, стр. 4—5, и у Архангельскаго, стр. 15).

свой скитъ, знаменитый въ исторіи русскаго иночества. Сколько времени жилъ съ нимъ его любимый ученикъ—не извѣстно. Житіе Иннокентія утверждаетъ, что послѣдній, по смерти своего учителя, оставилъ Сорскій скитъ и пришелъ „въ Вологодскіе предѣлы, на рѣчку Еду, въ весь нарицаемая Комельскія волости и вселися ту“¹¹. Но другая рукопись свидѣтельствуетъ, что преподобный Иннокентій пришелъ сюда еще при жизни своего учителя: „и провидѣвъ (препод. Нилъ) свое къ Богу отшествіе, ученика своего Иннокентія посла въ Вологодской уѣздъ, на Мурму рѣку и прорекъ ему: Богъ ты имать прославити тамо и твоя обитель будетъ обща, а моя пустыня будетъ, какъ при животѣ моемъ, такожде и по смерти моей, и братія по единому имутъ жити въ келліяхъ своихъ“¹². Но если ошибается біографъ Иннокентія, увѣряя, что приходъ его въ Комельскую пустыню совершился по смерти Нила, то нельзя вполнѣ довѣрять сказанію и втораго источника. Свидѣтельство его объ основаніи преподобнымъ Иннокентіемъ *общежительной* пустыни не находитъ для себя подтвержденія въ дошедшихъ до насъ письменныхъ его произведеніяхъ. Эти послѣднія со всею ясностію говорятъ намъ, что и его пустыня была устроена по образцу Ниловой, т.е. скитомъ. Въ своемъ краткомъ завѣщаніи преподобный говоритъ слѣдующее: „а еже како *пробывати* въ пустынь нашей, о молитвѣ и о пѣвнѣ, и како питатися и когда подобаетъ исходити потребности ради на рукодѣліе сія вся вчинена суть въ писаніи господина и учителя моего старца Нила“¹³. Это же самое видно и изъ другой рукописи, принадлежащей Иннокентію, подъ заглавіемъ „о келліяхъ“: „аще кто братъ нашъ поставитъ себѣ келлію въ пустыни нашей и потомъ аще отъидеть изъ пустыни сея и тѣхъ келей ни продати, ни отдати никому, но владѣютъ тѣми келліями настоятель и ту живущая братія“¹⁴ и проч. Очевидно, обитель Иннокентія не была общежитіемъ, но была такимъ же скитомъ, какъ и обитель Нила. Вѣроятно не долго жилъ Иннокентій въ своей Комельской пустынь: онъ не успѣлъ при жизни даже создать въ ней

¹¹ Бычковъ, Опис. рукоп., § 4.

¹² Сборникъ Императорской публичной бібліотеки, № 260—въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

¹³ Завѣтъ Иннокентія изданъ въ Исторіи Россійской іерархіи, т. V, стр. 215, и въ болѣе исправномъ видѣ въ приложеніяхъ къ „Матеріаламъ для біографіи Нила Сорскаго“.

¹⁴ „Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго“, прилож. 1, и „Описаніе ркп. Императорской публичной бібліотеки“, § 27.

церкви. Хотя житіе его и повѣствуетъ, что онъ соорудилъ церковь во имя Іоанна Предтечи, но это показаніе опровергается свидѣтельствомъ его завѣщанія: „живущая наша братія, иноци, въ пустыни нашей аще начнутъ богоугодно жити и хранити заповѣди Божія и восхощутъ церковь Божию воздвигнути, то есть на Божіемъ благоволеніи и па ихъ изволеніи. Аще и благоволить Богъ, да будутъ церкви во имя святаго великаго Іоанна Предтечи, третіе обрѣтеніе честнаго его главы“¹⁵. Преставленіе Иннокентія, по единогласному свидѣтельству всѣхъ списковъ его житія, послѣдовало 19 марта 1491 года¹⁶. На могилу его, замѣчаетъ біографъ, былъ положенъ камень, на которомъ обозначенъ годъ и мѣсяць его преставленія.

Кромѣ упомянутыхъ нами произведеній преподобнаго Иннокентія, ему приписываютъ еще нѣсколько другихъ. Къ числу такихъ относится интересное его завѣщаніе „о самочинникахъ“. „Аще который въ пустыни нашей братъ нашъ инокъ не восхощетъ управлять свое жительство по божественныхъ заповѣдей и по написанію господина и учителя моего старца Нила и по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и самовольствомъ восхощетъ водитися, таковаго настоятель и братія да накажутъ. Аще и по показаніи не исправится, сего убо настоятель и братія измещутъ изъ пустыня, яко плеву отъ жита по сіему нашему завѣщанію. Аще той братъ въ чувство приидеть и восхощетъ управлять свое жительство по Бозѣ и святыхъ отецъ преданію... сего убо настоятель и братія паки примутъ въ пустыню сію. Сія убо азъ инокъ Иннокентій написахъ, яко да и по смерти моей тако творима будутъ“¹⁷.

Другое сочиненіе, приписываемое преподобному Иннокентію и служащее болѣе полнымъ выраженіемъ его иноческихъ воззрѣній, есть „Надсловіе“ къ уставу скитскаго житія учителя его преподобнаго Нила Сорскаго. Долго неизвѣстно было, кому принадлежитъ это „На-

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Нѣтъ особенныхъ причинъ не довѣрять этому показанію. Оно, по свидѣтельству преосвящ. Филарета, повторяется въ нѣкоторыхъ редакціяхъ рукописныхъ святцевъ (Русскіе святые, 7 апрѣля). Но почему то онъ болѣе довѣряетъ сказанію отенскихъ святцевъ, гдѣ кончина Иннокентія отнесена къ 1522 году. Но едва-ли въ послѣднихъ не произошла ошибка. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно есть одинъ Вологодскій подвижникъ, скончавшійся въ 1522 году, но только то былъ Игнатій Вологодскій, а не Иннокентій.

¹⁷ Сборникъ твореній преподобныхъ Нила и Иннокентія—въ Описаніи ркп. Императорской публичной бібліотеки, § 27, л. 18.

словіе“, но, наконецъ была открыта рукопись, въ которой, въ заглавіи этого произведенія, сохранилось имя Иннокентія ¹⁸.

Въ общемъ „Надсловіе“ это является повтореніемъ иноческихъ воззрѣній преподобнаго Нила, проповѣдующимъ его „умное дѣланіе“ и „внутреннее моленіе“. Инокъ не погубляетъ своего правила, пишетъ авторъ „Надсловія“, оставляя многое псалмо пѣніе, каноны же и тропари и все свое тщаніе обращая на умную молитву, но паче умождаетъ сіе. Инъ есть разумъ внѣшняго моленія, а инъ внутренняго: оный бо, исполняя числомъ пѣніе, уповаетъ къ Богу, оставляя же сіе, осуждаетъ себе; сѣи же ударяемъ бываетъ своею совѣстію на всесчастныхъ грѣсѣхъ и терпя нашествіе прилоговъ, присно вопіетъ ко Христу... Икоже невозможно сіе житіе не ядуще, не піюще жити сице невозможно безъ храненія умаго ни во что духовно и угодно Богу достигнути души“ ¹⁹.

Въ частности же, здѣсь сильнѣе и послѣдовательнѣе проводится полемическій элементъ, съ цѣлію доказать преимущество „умнаго дѣланія“ предъ „внѣшнимъ моленіемъ“. Въ достиженіи этой цѣли авторъ между прочимъ, касается тѣхъ нестроений иноческой жизни, которыя явились результатомъ обрядоваго направленія иноческаго благочестія и въ этихъ мѣстахъ трудъ его получаетъ живой историческій интересъ. Сообразно съ этимъ, все содержаніе „Надсловія“ дѣлится на двѣ части: въ первой части авторъ излагаетъ свое ученіе объ „умномъ дѣланіи“ и, сопоставляя его съ „внѣшнимъ моленіемъ“, выводитъ несомнѣнныя преимущества перваго, а во второй—касается современныхъ ему нестроений иноческой жизни.

Первый отдѣлъ представляетъ изъ себя развитіе слѣдующихъ положеній:

1. „Святіи отцы, иже единими заповѣдми Христовыми учать охуждати страсти и очищати сердце отъ помысловъ злыхъ, двоя сія устанавливаютъ, аки крѣпчайшая орудія имѣти дѣлателемъ: си есть страхъ Божій и память Бога, ту суща“.

2. „Добра убо сія добрымъ и благоговѣйнымъ мужемъ (испытаннымъ и совершеннымъ въ иночествѣ)... Въ новоначальныхъ же монасѣхъ самый умъ скоро притупляется къ таковымъ памяти и бѣжить отъ нихъ, аки пчела отъ воскуренія дымна“.

¹⁸ Матеріалы для біографіи Нила Сорскаго, стр. 60.

¹⁹ Надсловіе къ предацію отца нашего Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жительствѣ, скитскому стр. XX, XVII и IX (по изданію Оптиной пустыни).

3. „Духовнѣйшии и искуснѣйшии отцы явина и еще бѣльшее и несравненное добро, могущее и зѣло немощнымъ помощи“.

4. „Перваго убо подобіе и образъ — мелющіи въ жерновахъ своими си рукама и силою; второго — мелющіи въ млинѣ водою и художествомъ: яко же бо вода сама о себѣ движеть кола и камень, тако и пресладкое имя *Иисусово всеисполньнне живущаго во Иисусъ подвижетъ умъ въ молитву и душа, благодѣма и услаждаема отъ Иисуса, съ радостію нѣкою и любовію Благодѣтелю хвалу возсылаетъ*“.

5. „Первымъ бо образомъ, аще и было бы успѣваніе, кромѣ умнаго вниманія, обаче зѣло косо и приболѣзненно. Вторымъ же симъ скоро и легко приближается дѣлатель къ Богу. Тамо бо бываетъ едино внѣшнее моленіе, здѣсь же обоя—внѣшнее и внутреннее“.

6. „Да не думаетъ кто, что эти правила могутъ быть примѣнимы къ инокамъ опытнымъ и испытаннымъ, а „не новоначальнымъ и страстнымъ: приѣмили разсужденіе и рѣшеніе таковыхъ вещей, како всякъ новоначальный и страстный осуждается сими повседневыми грѣхами и страстьми.“

Первый отдѣлъ своего труда заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „аще кто речеть, яко мощно есть и кромѣ умнаго дѣланія очиститися отъ грѣховъ... сему... отвѣщается сице: поставимъ, о таковой, отъ единыя страны заповѣди Христовы, отъ другія же всегдашнюю молитву. Дажь ми и предложеніе истинное, еже не преступати единыя заповѣди... и внимай прилежно, колько на всякъ день чрезъ твое предложеніе преступиши заповѣди и коликими грѣхами, страстьми и злыми помыслы уязвиши. Еда-ли и самъ не признаши невозможну быти вещь, еже вмѣститися сицевому вниманію во внѣшнемъ моленіи кромѣ единаго умнаго дѣланія“²⁰.

Вторая часть труда, какъ мы замѣчали, посвящена обличенію современныхъ нестроеній иноческой жизни. „Святіи отцы на три точію чины раздѣляютъ все монашеское жителство: первое—общество; второе—царскимъ путемъ или среднимъ нарицаютъ; еже въ двухъ или тріехъ живуще, общее стяжаніе нужныхъ, общую нищу и одѣваніе, общій трудъ и руководліе и всякое промышленіе житію имѣти. Третіе же уединенное отшельничество, еже совершенныхъ и святыхъ мужей дѣло. Нынѣ же нѣдци, не внемлюще силѣ святаго писанія, избобрѣтоша себѣ четвертый чинъ или житіе: зиждуще бо келліи всякъ, идѣже аще хоцетъ, или далече или близу, живутъ уединенно, всякъ свою

²⁰ Надсловіе къ предаію отца нашего Нила Сорскаго, стр. VII—XLIV. (Изданіе Оптиной пустыни).

волю предпочитая и стяжаніе съ попеченіемъ гоня: и по таковому ихъ чипу и жителству подобни суть самочинникомъ и самопретыкателемъ: само по себѣ избобрѣтше житіе, сами въ немъ и претыкаются, не могуше мирно и постоянно на немъ пожити, аки не по своей ихъ мѣрѣ и пряслу... И сему житію образъ есть и прописаніе юный оный братъ, иже вселився единъ въ келлію, вопрошающимъ отвѣщаше: се уже отшельствую; его же сведше отцы отъ келліи, повелѣша всѣхъ обхода просити, глаголя, яко нѣсмь отшельникъ. Посемъ рѣша отцы, аще видиши юпа, на небо восходяща, емъ за носъ, восторгни его на землю“.

„Возмнѣся пѣкіимъ, яко еже жити не общежительно, но близъ или далече въ своихъ келліяхъ особъ и сходитися временемъ на совѣтъ—се-есть путь средній и царскій; но нѣсть тако, пѣсть.. При обители св. Герасима на Іорданѣ и на таковомъ житіи древлѣ и нынѣ многое множество страстныхъ и немощныхъ повредихася. Сего ради повелѣвають святіи отцы въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страсъ Божіи повинующеся, познаваемъ свою немощ“ (ibid).

Инокентію же приписываютъ слѣдующее за „Надсловіемъ“— „Пристеженіе“²¹, рѣшающее одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ древнерусскаго благочестія—касательно поста. Рѣшеніе это, какъ и все ученіе „объ умномъ дѣланіи“, въ сравненіи съ существовавшими взглядами, является вполне оригинальнымъ. „Съ разумомъ причащаяся брашенъ и съ разумомъ удаляяся сихъ, не погрѣшитъ всяко. Легчайше бо съ разумомъ вино пити, нежели съ презорствомъ воду. Къ тому да не укориши, ни да похвалиши вещь брашенъ и питія, но да ублажиши или укориши разумъ, или добръ или злѣ пріемлющихъ сія. Да вѣмы, яко ниже снѣдь что есть по истиннѣ, ниже питіе, но вѣра, любовію и дѣлы спростираема“. Далѣе авторъ цитуетъ слѣдующее мѣсто изъ твореній преподобнаго Кассіана: „безмѣрный постъ или разрѣшеніе, аще и обоя суть отъ діавола, обаче безмѣрный постъ и неразумное воздержаніе большій вредъ приносятъ, нежели до сытости яденіе. Не въ яму бо насъ св. наши отцы поревающе, но паче отъ ямы удаляюще, повелѣвають намъ средній путь гонити, а не на высокій безвременно теци“. Указывая на аскетическія подвиги св. отцовъ, авторъ замѣчаетъ: „не самый постъ, ниже иные труды добродѣтель быти вмѣниша,

²¹ С. Шевыревъ. Исторія русской словесности, т. IV, стр. 183. Архангельскій. Указ. соч., стр. 105 и др.

но едице гое, еже по естеству поставити себе Христови... Нѣдци же подобострастїи и перазсудїи поревноваша постъ и труды святыхъ не добрымъ разумомъ и предложенїемъ, вмѣняюще сїа, яко добродѣтель проходятъ. Присѣдай же діаволь повергаетъ во чрево ихъ сѣмя радостнаго мнѣнїа, отъ него же заченшися воспитуется внутреннїй фарисей“²².

Таковы аскетическія воззрѣнїа препод. Иннокентїа. Въ то время какъ его учитель сосредоточивалъ свое вниманїе на внутренней психологической сторонѣ „умнаго дѣланїа“, стараясь уловить незримый процессъ его, воздѣйствїе психическихъ актовъ однихъ на другїе и результаты его—измѣненїе всего душевнаго настроенїа, ученикъ его является, такъ сказать, популяризаторомъ воззрѣнїй своего учителя, изъяснителемъ и толкователемъ ихъ, обращающимъ вниманїе не столько на внутреннюю сторону психическихъ актовъ, сколько на внѣшнюю, практическую сторону благихъ плодовъ „умнаго дѣланїа“. Такимъ образомъ учитель и ученикъ въ своихъ воззрѣнїяхъ пополняютъ другъ друга. Ихъ взгляды, являясь по своему характеру совершенно новыми для того времени, безъ сомнѣнїа, не могли получить большой распространенности и, можетъ быть, не переходили за предѣлы ихъ обитателей. Но какъ бы то ни было, то дѣло, за которое они ратовали, не могло пройти безслѣдно для послѣдующихъ поколѣнїй.

✓ Для біографїи третьяго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилїа, мы имѣемъ предъ собою житїе его, являющееся по своимъ фактическимъ подробностямъ и по исторической достовѣрности однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведенїй древнерусской агїобїографїи²³). Въ своемъ предисловіи авторъ называетъ себя ученикомъ преподобнаго: „мы бо аще и недостойни ученици его нарицатися, но убо рукоположенїю отъ святаго сподобихомся“... Въ нѣкоторыхъ спискахъ житїа, въ видѣ приписки, уцѣлѣла замѣтка автора, что житїе было написано въ 1589 году, рукою „многорушнаго Нафанаїла Корнильскаго“²⁴. Обстоятельства происхожденїа своего труда біографъ ука-

²² Надсловїе, стр. XLIV—XLVIII.

²³ Списки: Рукоп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря, №²⁷/₃₆, л. 202—247. Сборникъ Вологодскаго кае. собора № 3, л. 21—56 (здѣсь предъ житїемъ помѣщается монастырскїй уставъ Корнилїа). Ркп. житїе со службою бібліотеки Корниліево-Комельскаго монастыря, № 1 (по монастырской описи). Начало предисловія: „Разумъ убо православнымъ христіаномъ духовныхъ мужъ житїа пользы ради испытовати“. Начало житїа: „Отъ славнаго града Ростова, отъ благочестиваго корене израсте добродѣльная розга“.

²⁴ Каталогъ славяно-русскихъ рукописей Увдольскаго, стр. 237.

зываетъ слѣдующимъ образомъ: „мы убо здѣ въ монастыри сѣдѣюще, отъ многихъ слышимъ помышляющимъ и глаголющимъ, како въ малое се время сей святой обители цвѣтущей и впредь поступающей, паче видяще и чинъ и строеніе и благочиніе веліе, и просяще кожде ихъ: дадите намъ житіе написано святаго старца вашего, господина нашего Корнилія“. Свои источники писатель также указываетъ въ своемъ предисловіи: „мы же, вѣдуще нравъ старца своего, желаемъ писанію предати, яже видѣхомъ и слышахомъ изъ устъ св старца“ (202 л. Прилуц. сп.). По поводу упоминанія о своихъ источникахъ авторъ замѣчаетъ далѣе, что хотя ранѣе и не было составлено житія преподобнаго, но память о немъ была жива среди учениковъ его: „мы бо аще и недостойни есми ученици его не во извѣстныхъ словесѣхъ память держимъ св. старца, но между собою въ обители пребывающе, глаголемъ о немъ и пишемъ, поощряюще свою совѣсть, и просвѣщаемъ души наша памятію отца нашего“ (203 л.).

Близкимъ знакомствомъ біографа съ преподобнымъ и объясняются тѣ качества, которыя дѣлаютъ житіе Корнилія весьма рѣдкимъ, въ смыслѣ историческаго источника, если не исключительнымъ въ своемъ родѣ. Подробный въ фактическомъ отношеніи разсказъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію профессора Ключевскаго²⁵), отличается простотою и ровностію, даже сухостію и сжатостію, что еще болѣе возвышаетъ его цѣну.

Преподобный Корнилій родился въ городѣ Ростовѣ, „отъ славныхъ родителей, иже многимъ богатствомъ цвѣтуще паче всѣхъ во градѣ Ростовѣ“, каковы были бояре Крюковы. Отца его звали Θεодоромъ, мать—Варварой. „Той же Θεодоръ не незнаемъ сый и самодержавному всея Россіи, еже и преселитися ему отъ Ростова повелѣно бысть во имя великія княгини Маріи, послѣди же (во инокиняхъ) Марѣи, ея же имя именовито паче всѣхъ прежде бывшихъ благочестіемъ и милостынею“. Это переселеніе въ Москву состоялось при посредствѣ его брата Лукіана, который „прежде сего за много время“ держалъ „діацескій санъ сея присноименитыя княгини Маріи“. Четвертый сынъ Θεодора — „отецъ нашъ (Корнилій), еще сый въ юности въ написаніи бысть единъ отъ всѣхъ двора сея великія княгини“. Въ старости Лукіанъ оставилъ дворъ и принялъ постриженіе въ Кирилловѣ монастырѣ. Его примѣру послѣдовалъ и юный Корнилій „еще сый тогда двоюнадесяти лѣтъ“. Здѣсь и прошли юношескіе годы Корнилія подъ руководствомъ опытнаго въ иноческой жизни

²⁵ Указ. соч., стр. 304.

старца Геннадія. „По седми лѣтѣхъ (преп. Корнилій) изыде изъ монастыря и шедъ во свое отечество Ростовъ, и увѣща своего брата, именемъ Акиѳа, и приведе и въ монастырь, инока сотвори и нарече имя ему Авѳимъ“. Послѣ этого Корнилій снова продолжалъ свое иноческое послушаніе въ Кирилловѣ, „тяжкими работами дручаше тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни?... И желѣзы тяжкими связывае тѣло свое. Къ симъ и книги писаше въ церкви, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ“. Подвиги преподобнаго вызывали иногда глумленіе людей неблагонамѣренныхъ изъ братіи: „и нѣкто бо отъ ту сущихъ братъ поругася ему и обольсти его коварствомъ. Виною благоговѣпною взявше у него ихъ же пошаше желѣза и повелѣ изъ нихъ прековати топоры“. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиною удаленія преподобнаго изъ Кириллова. Оставивъ эту обитель, Корнилій „по лѣствичному послѣдованію впаде себе странничеству и обшедъ монастыри и пустыни и кождо добрыя правы житія смотривъ... Потомъ же приде въ Новъ-градъ, ко архіепископу Геннадію и пребысть у него время немало“. „Архіепископъ же, позна святость старчу, возлюби его вельми, послѣди же и священству его сподобити хотя, аще тому и не хотящу, нещеваніемъ да держитъ его у себе. Старець же отъ архіепископа священнической санъ пріяти сподобитися ²⁶⁾ и священнодѣйствовати и жити у него не восхотѣ, но умоли его, да безмолвствуетъ въ пустыни. И отпущенъ бысть отъ него и пребывая въ пустыни близъ великаго Новаграда“. Архіепископъ не забывалъ старца и въ пустынѣ: „многажды потребныхъ посылаше къ нему въ пустыню, самого же старца призываше къ себѣ часто бесѣды ради духовныя. Послѣди же и самъ приде архіепископъ въ пустыню къ старцу, посѣщенія ради. Старець же тяжело сіе быти помышляя, таже и множество народа начаша приходити къ нему и пресѣдаху ему безмолвіе, остави мѣсто то и отъиде къ Твери и тамо водворися близъ Савватіевы пустыни. Но и тамо познанъ бысть... и ту остави пустыню. Таже покусився не во

²⁶⁾ Таково чтеніе списка библіотеки Корниліева монастыря; два же другіе списка, указанные нами, допускаютъ въ этомъ случаѣ противорѣчивую описку— въ нихъ читаемъ: „старець-же отъ архіепископа священнической санъ пріяти сподобися и священнодѣйствовати и жити у него не восхотѣ“ (Списокъ Вологод. каедр. собора, стр. 22; Прилуцкій списокъ л. 204, ср. списокъ Корниліевской библіотеки, л. 71—72). Между тѣмъ далѣе во всѣхъ спискахъ говорится, что преподобный получалъ санъ священства отъ руки митрополита Симона, съ именемъ котораго и хранится въ монастырѣ его ставленная грамота.

единѣмъ мѣстѣ безмолвствовати“... но и теперъ каждый разъ удивленіе его скоро дѣлалось открытымъ. „Послѣди же, при державѣ великаго князя Іоанна Васильевича и благословеніемъ Симона митрополита, отъ него же іерей бысть въ лѣто 7005 (1497), приде блаженный Корнилій на Комельскій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ, и ту обрѣтъ храмину разбойническую и вселися въ ню; и нача отребляти мѣсто то и поткну куцу и ту всяку страсть претерпѣ“... Разбойники вступились за свою обитель и нѣсколько разъ пытались нападать на святаго. Однажды они ограбили занятую имъ келію, не найдя, впрочемъ, въ ней ничего, кромѣ книгъ, которыя и взяли съ собою. Но проблудившись всю ночь, они снова на утро очутились близъ келіи святаго, пришли къ нему и, возвративъ похищенныя книги, удалились, оставивъ святому свое обиталище.

Овладевъ мѣстомъ своего поселенія, святой началъ „труждатися вельми на мѣстѣ томъ и помышляше трудами питати себе и сущихъ съ нимъ: лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая, приходящія приѣмля и мимоходящія кормляще. И по малу церковь постави во имя Введенія Богородицы... Но кто доволенъ словесы обличити и сказати повѣсть ми, яже сотвори труды и подвизи на томъ: ово убо отъ злодѣй бѣиень бысть, едва дышаше приде, ово же древо паде нанъ безъ вѣтра и болѣзнуя близъ смерти дванадесять седмиць со одра недвижимъ пребысть, и едва оздоровѣ отъ болѣзни тоя, приде же нѣкогда къ дѣлателемъ и сѣде на страминѣ и абіе внезапно падеся долѣ и возболѣ наче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда же приведенъ бысть зѣльне главу язвену имѣя отъ древа, падшаго на него. Всѣ же навѣти, зависти и ненависти отъ чужихъ и отъ своихъ, клеветы и досады и до самого державнаго доидоша нанъ. Скудость же, поношеніе и прещеніе како могу исписати?..

„Братіи же множашеся — нужда есть мѣсто распространити... святой же начать, елико силы есть дѣлу касатися... распространи мѣсто и собра множество братій. Увѣдено же бысть боголюбивому и великому князю Іоанну Васильевичу о старцѣ Корнилии... и чтяше его вельми. Таже и отъ всѣхъ познанъ бысть и начаша отовсюду приходити къ нему и моляху его пріяти ипоческій образъ“. Умножившужесе стаду словесныхъ овецъ, церковца же бѣ мала прежде. Святой же старецъ совѣтъ сотвори, создати понуждаше бѣльшу церковь“.

Подъ руководствомъ старца снова закипѣла работа, въ которой принималъ участіе каждый изъ братій, кто чѣмъ могъ: „овому художество къ вознагражденію стѣнъ церковныхъ, другимъ же мудрость пи-

сати образа св. иконъ, ииѣмъ же рѣзати честные кресты, другимъ же писати книги“ и прочее. Такимъ образомъ, „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превлика“ и освящена въ 7023 (1515) году, „при державѣ великаго князя Василія Ивановича, благословеніемъ преосвященнаго Варлаама митрополита, по пришествіи старца Корпилія на мѣсто то въ лѣто девятое на десять, украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру.— образы святыхъ иконъ и книгами; и служители церковныя уставы, священники и діаконы и чтецы и пѣвцы и еклісархъ и весь чинъ, якоже лѣпо быти въ великихъ лаврахъ. И потомъ созда другую церковь со трапезою и освати олтарь во имя Антонія Великаго. И посемь келейное начать зданіе и устройвъ четвероуглено образъ монастырю, келію къ келіи совокупи, ихъ же посредѣ стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зраще всюду. И потомъ постави больницу и хлѣбопещницу, и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой. Уставы же монастырскому строенію келаря и прочая служебники, хлѣбопечцы и нарядники дѣлателемъ. Самъ же во вся службы призираше и всѣхъ обхождаше видѣти труждающихся и въ монастыри и на нивахъ всѣхъ посѣщаше“...

„Множество людей отъ многихъ странъ прихождаху къ святому, овии благословеніе хотя получитьи, овии вопросити, о нихъ же имяху недоразумѣваемыхъ, инии разрѣшеніе ищуще различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ“. Святой никому ни въ чемъ не отказывалъ; предметомъ его особенныхъ заботъ были люди бѣдные и несчастные. Для нищихъ всегда были открыты монастырскія сокровищницы. Однажды къ храмовой праздникъ, когда въ монастырь собралось особенно много бѣдныхъ, имъ раздана была вся монастырская казна, такъ что болѣе давать уже было нечего. Въ это время случилось, что великій князь Василій Іоанновичъ послалъ въ монастырь милостыню на поминъ себя и великой княгини „двадцать рублевъ съ рублемъ“— и эти немедленно были розданы. Въ другой разъ сильный голодъ свирѣпствовалъ въ Вологодской странѣ: четверть ржи продавалась по рублю и болѣе. Въ эти дни монастырь постоянно осаждали цѣлыя массы голодныхъ; дѣло дошло даже до того, что матери повергали своихъ дѣтей предъ вратами монастыря. Святой всѣмъ благотворилъ и насыщалъ всѣхъ голодныхъ.

Одною изъ главныхъ заботъ святаго былъ надзоръ за поведеніемъ братіи: „обычай имяше преподобный въ вечеръ глубокъ келіи обходить, слушая кто что творяше. И аще кія обрѣташе бесѣдующихъ не на пользу души и празднословящихъ, о сихъ негодоваше и уда-

ряя персты въ оконце, симъ предзнаменуя свой приходъ... Еда же поучаше братію на соборѣ, воспоминаше имъ и о семъ, а не на имя кождо обличаше, но кождо вѣдый себѣ такова суща, мняше, его ради поученіе сіе бысть и обличеніе“.

Съ теченіемъ времени, устроая монастырскую жизнь, преподобный написалъ для своей обители „уставъ иноческаго житія“²⁷, явившійся результатомъ его иноческихъ и игуменскихъ опытовъ. Несмотря однако на всѣ эти заботы преподобнаго, въ жизни братіи встрѣчалось не мало уклоненій отъ правилъ иноческой дисциплины. Такъ, одинъ разъ хлѣбонаекарь безъ благословенія настоятеля, какъ того требовалъ монастырскій уставъ, испекъ хлѣбы. По распоряженію игумена онѣ были вывезены изъ монастыря и брошены на большой дорогѣ. Встрѣчались и болѣе сильныя уклоненія отъ монастырскаго устава и болѣе тяжкіе пороки. Инокъ Ананія, сидѣвшій въ часовнѣ съ блюдомъ для принятія приношеній въ пользу обители, сталъ утаивать послѣднія и употреблять въ свою пользу. Онъ также изблещенъ былъ бдительнымъ старцемъ.

Строгость преподобнаго создала много недовольныхъ имъ среди братіи и слугъ монастырскихъ. Нашлись злые люди, которые рѣшились покуситься даже на жизнь строгаго игумена. Это были два брата — нарядчики рабочихъ. Нѣсколько разъ они прятались подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, подстерегая святаго, чтобы исполнить своей злой умыселъ; но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости, такъ что, наконецъ, они, мучимые совѣстію, рѣшились исповѣдать предъ игуменомъ грѣхъ свой.

Подобнаго рода нестроенія монастырской жизни, можно думать, и были причиною удаленія изъ монастыря отягченнаго трудами старца. Въ одинъ разъ онъ „призываетъ къ себѣ весь ликъ своей ограды, избра отъ нихъ дванадесять ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, прося отъ нихъ отпущенія... И взять мало отъ братій, отъиде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семдесятъ, на мѣсто пусто, зовомо Сурское озеро, на лѣсъ, близъ Костромы рѣки... Братія же совѣтъ сотвориша, послаша нѣкихъ отъ братіи къ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святой же отречеся имъ“...

„Тоя же зимы изволися великому князю Василю Ивановичу шествовати на Бѣло-озеро въ Кирилловъ, со княгинею Еленою, мо-

²⁷ Уставъ этотъ напечатанъ въ Исторіи россійской іерархіи, т. IV, стр. 673—704.

лити Господа Бога, во еже дароватися имъ чадородію, въ наслѣдіе роду самодержавства ихъ“²⁸. Проѣздомъ великій князь заѣзжалъ и въ Корнильевъ монастырь и служилъ тутъ молебень. „Послѣди же вопрошаше братію, коея ради вины Корнилій отъиде въ пустыню?— „Любве ради Христовы“, отвѣчала братія и молила самодержца „испудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. „Самодержавный послуша моленія ихъ, посла своего посланника въ пустыню ко старцу Корнилию и повелѣ ему быти въ монастырь свой и ждати себе, дондеже возвратится изъ Кириллова. Самъ даде братіи милостину довольну и учредивъ брашны, поиде въ Кирилловъ“.

На возвратномъ пути, въ Вологдѣ, онъ встрѣченъ былъ старцемъ Корниліемъ: „князь радовашеся вельми о пришествіи старца, почте его, бесѣдова съ нимъ, и моли его о семъ, да молишь Господа Бога, во еже дароватися ему чадородію въ наслѣдіе роду и отпусти его въ монастырь. Возвращаясь въ Москву, въ Корниліевъ монастырь князь снова встрѣтился со старцемъ Корниліемъ и просилъ его „пробывати въ монастыри“. Но онъ, „предлагая старость и немощь, глаголя и моляше великаго князя, да отпустить его въ пустыню плакаться грѣховъ своихъ“. Князь же, „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на воли его, и даде ему милостину довольну, и тамо повелѣ ему и сущимъ съ нимъ давати на пропитаніе оброчный хлѣбъ, въ монастырь же даде братіи десять рублевъ и... прочее касашеся пути“.

„Корнилій же отъиде въ пустыню. Собрашеся къ нему братіи, числомъ пять и постави келей мало и потомъ помысли создати церковцу малу“. Съ этою цѣлію, „поймъ съ собою единаго брата и поиде (святый) въ пресловущій градъ Москву молити самодержавнаго всея Россіи и преосвященнаго митрополита, да повелятъ ему создати церковь въ пустынѣ. Въ то же время великому князю Василю Ивановичу, родися сынъ и нареченъ бысть князь Іоаннъ, и о семъ же вельми радовашеся, и отъ радости тоя великія прииде въ Сергіевъ помолитися...“²⁹. Блаженному же Корнилию приспѣвшу изъ пустыни въ то время ту. Князь великій радостенъ бысть о пришествіи старца и почте его вельми, и приимъ благословеніе отъ его, и послаше его прежде себе въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ

²⁸ Въ Воскресенской лѣтописи событіе это отнесено въ 1529 году. Полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, 272.

²⁹ Ср. полное собр. русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 274 (Воскресенская лѣтопись, подъ 7038—1530 г.).

великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына“. По возвращеніи, великій князь „призываше блаженнаго всегда къ себѣ на обѣдъ и въ домъ потребная посылая къ ему довольно по вся дни“. На просьбу же старца—основать церковь въ пустынѣ, князь отвѣтилъ отказомъ: „помяну моленіе и слезы братіи, еже моляху его въ монастыри—понудити отца ихъ Корнилія пребывать въ монастыри съ ними и сего ради не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, во своемъ монастыри со ученики своими. Отцу же нашему тяжко сіе вмѣнися: желаніе бо имяше жити въ пустыни... Скрыся блаженный и пребываше у нѣкоего христороубца въ тайнѣ мѣстѣ. Князь же великій посла на взысканіе святаго по всему царствующему граду. Святый же, видя о себѣ взысканіе веліе, отъиде въ предиреченную обитель Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря. Слышано же бысть великому князю, яко Корнилій въ Сергіевѣ монастырѣ, преста о взысканіи святаго. Послѣди, приспѣвшу празднику св. Богоявленій, приде боголюбивый князь въ Сергіевъ монастырь помолитися и паки понуждаше святаго съ великимъ прилежаніемъ идти въ свой монастырь. Старецъ же положи на волю Божію и повинуюся ему. Государь же радъ бысть и въ той часъ посла въ Корнильевъ монастырь, повелѣ монахомъ быти, да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ. Не по мнозѣхъ днѣхъ придоша монаси и молиша его... Корнилій же съ ими иде къ государю и проси отпущенія въ монастырь свой. Много обрадованесе благочестивый князь великій о семъ и глагола святому: отче, яко отнелиже сотворивъ монастырь, не имѣвши сель и деревень, но ихъ же требуеши, прося и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привидоша близъ монастыря деревни и починки и со всяцѣмъ угодіемъ вдаде, рекъ, сице глаголя: аще у нихъ кто въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жительствовати священници, діакони и ихъ христіане, не надобе имъ моя, великаго князя, дань всяческая, и ни который побирчій у нихъ не беретъ ничтоже, и съ чернію не тянутъ во всякіе разметы... И сія изрекши, писаніемъ утверди съ красною печатью. И примъ благословеніе, отпусти его съ миромъ, глаголя: моли, отче, Бога о нашемъ здравіи. Вдаде же ему, боголюбецъ, вся, еже путеви потребная къ симъ же и милостину довольною“.

По пришествіи въ монастырь, старецъ былъ встрѣченъ братією съ великою радостію: „ови отъ нихъ ружѣ его лобзаху, ови ногамъ

касахуся, инѣи ризамъ“. Игуменъ же Кассіанъ, избранный въ отсутствіе старца „устыдеса отца и остави игуменство“.—Въ своемъ монастырѣ святой снова принялся за обычные труды, „лѣсь сѣкій и нивы пасѣвая“. Но здѣсь онъ встрѣтился опять съ обычными невзгодами. Разъ, зажигая хворостъ, онъ едва не сдѣлался жертвою пламени, объявшаго его со всѣхъ сторонъ, и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру могъ выйти изъ него невредимъ. Святой снова здѣсь встрѣтился и съ недовольствомъ братіи. Одинъ братъ, по имени Захей, жаловался на скудость данной ему одежды и пришелъ къ игумену просить поной. Старець отдалъ ему свою одежду, а самъ долго ходилъ въ вязаной лыкомъ одеждѣ Захей. Все это болѣе и болѣе удручало старца, заставляя его сильнѣе чувствовать давно уже наступившую старость: „по сихъ, видѣ себе старостію прекланяема и недугомъ отягчаваема и къ концу приближающася, братіи же число прибавляюще и требующе поученія отъ его, оставь монастырь и все строеніе и отъиде въ свое постриженіе, въ Кирилловъ монастырь... и затворися ту въ келіи, да скончаеть теченіе духовнаго подвига. Ученици же его послаша старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему, дабы ихъ не остави сырыхъ, да возвратився во свой монастырь безмолвствуетъ“. Придя туда, Корнильевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ кунно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да не како стуживъ си разыдутся. Блаженный же, немогій преслушатися ихъ, рекъ имъ, глаголя: поставите себѣ игумена и азъ возвращуся къ вамъ. Они же рѣша: но рцы, отче, его же хошеши? И глагола имъ: Лаврентій да будетъ игуменъ. Братія едва умолиша Лаврентія и поставиша его игуменомъ. Лаврентій совѣтъ сотвори съ братією и иде въ Кирилловъ ко преподобному и моли его, о еже не оставити ихъ, чадъ своихъ, сырыхъ“. Блаженный „не презрѣ моленія ученикъ своихъ“ и возвратился въ свой монастырь. Здѣсь, вручивъ игуменство брату Лаврентію, самъ же „крайнее безмолвіе любомудрствовати начать, затворися въ келіи“.

Въ то время случилось нашествіе безбожныхъ татаръ на Вологодскіе предѣлы³⁰, сопровождавшееся обычными бѣдствіями для жителей. „Отъ нашествия поганыхъ не токмо мірская чадъ, но и монастыри разбѣгошася. Братія же повѣдаша блаженному, онъ же глагола имъ: сотворимъ человѣческое — бѣжимъ и мы... и уклонися въ

³⁰ Ср. полное собраніе русскихъ лѣтописей, VIII, стр. 291 (Воскресенская лѣтопись, подъ 7044 (1536) г.

предѣлы Бѣлоезерскіе, на Ухтому“. Монастырь, однако, остался цѣль и рука вражяя не коснулась его. Вскорѣ послѣ возвращенія св оего въ монастырь преподобный преставился, въ 1537 (7045) году, 19 мая, „егда приде на мѣсто то четьредесяти и едино лѣто и собра множество братій, бѣ же ихъ яко девяностыи, и пожи всѣхъ лѣтъ осмдесятъ двѣ лѣтъ“.

Преемникъ его по игуменству Лаврентій былъ достойнымъ своего великаго учителя. Біографъ между прочимъ замѣчаетъ о немъ, что онъ „многи книги написа рукою своею“.

Въ заключеніе своего труда біографъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о другомъ ученикѣ Корнилія, преподобномъ Геннадіи Любимскомъ. Послѣ долготѣвнаго пребыванія подъ руководствомъ своего учителя, Геннадій сталъ проситься у него въ пустыню, чтобы ему самому создать обитель. Долго не соглашался на это старецъ, говоря просившемуся „не можеша мѣста того строити, безкнижну ти сушу“, но наконецъ уступилъ усиленной просьбѣ. Геннадій ушелъ въ Любимскіе предѣлы и создалъ „монастырь чуденъ“.

Обратимся къ ипоческимъ воззрѣніямъ преподобнаго Корнилія, выраженнымъ въ его уставѣ.

Преподобный Корнилій жилъ въ то время, когда русское иночество въ устройствѣ своей жизни руководилось не одними уже восточными преданіями, но и законоположительными уставами своего русскаго происхожденія. Въ его время существовали двѣ школы русскаго подвижничества. Одна изъ нихъ влекла свое начало отъ преподобнаго Іосифа Волоцкаго, устроителя и законоположника иноческаго общежитія, и въ устройствѣ монашеской жизни старалась руководиться строгимъ исполненіемъ устава, *практически* опредѣлявшаго каждый шагъ иноческой жизни.

Другая школа имѣла своимъ родоначальникомъ устроителя и законоположника русскаго скитничества, преподобнаго Нила Сорскаго, съ его возвышенно-созерцательной системой иноческихъ подвиговъ. Естественно ожидать, что преподобный Корнилій, какъ послѣдующій устроитель монастырской жизни, станетъ въ такомъ или иномъ отношеніи къ первымъ законодателямъ русскаго иночества. Дѣйствительно, уставъ Корнилія имѣетъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ трудамъ первыхъ законоположниковъ сѣверно русскаго подвижничества. Какъ постриженникъ Кириллова монастыря, преподобный Корнилій не могъ, конечно, не познакомиться съ новой системой иноческихъ воззрѣній Сорскаго аскета, не разъ избиравшаго мѣстомъ своихъ подвиговъ обитель постриженія Корнилія. Достаточно бѣлаго сопостав-

ленія уставовъ Нилова и Корниліева, чтобы видѣть несомнѣнные слѣды вліянія перваго на послѣдній.

Предисловіе устава Нилова. „Вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Пречистыя Его Матери Богородицы споспѣшевіемъ, написать писаніе душеполезно себѣ и о Господѣ братіямъ моимъ приснымъ, яже суть моего права..

И понеже мнози благоговѣйніи братія приходятъ ко мнѣ, хотяще жителъствовати у насъ и азъ на мнозѣ отрицаюся, понеже грѣшенъ есмь челоуѣкъ и неразумѣнъ, и тѣломъ немощенъ; отвращаеми же отъ мене, не оставляютъ мя почити, ниже стужаютъ мнѣ, и сего ради смущенія бывають намъ. И смотрихъ се, аще есть воля Божія, да иже прійдутъ къ намъ“...

Предисловіе устава Корнилія. „Благословеніемъ и вседѣйствіемъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистыя Матери Его споспѣшеніемъ написахъ писанія душеполезна себѣ и о Господѣ братіи моей приснымъ... И понеже мнози челоуѣци и мірстїи приходятъ къ намъ, хотяще пострицися, азъ же грѣшенъ и неразуменъ челоуѣкъ есмь, и душею и произволеніемъ немощенъ, приходящихъ ко мнѣ принимаю и постризаю. Такожде нѣщци братія отъ инѣхъ монастырей приходятъ, хотяще жителъствовати съ нами и сихъ убо пріемлю, не начальствовати убо желая, отъ десныхъ же боюся, егда како украдаемъ есмь и смотрихъ се, аще есть воля Божія“...

Однако, какъ ни сильны слѣды этого вліянія, было бы ошибочно считать его исключительнымъ. Дѣло къ томъ, что уставъ Нила очень близко соприкасается со скитскимъ устройствомъ его обители и уже потому одному не могъ быть вполнѣ пригоденъ для общежительной обители Корнилія. Поэтому, хотя воззрѣнія перваго законоположника сѣверно-русскаго общежитія существенно отличаются отъ созерцательной системы аскета-скитника, на которой, вѣроятно, воспитывался преподобный Корнилій, но тѣмъ не менѣе ему, какъ послѣдующему устройтелю монастырскаго общежитія, пришлось позаимствовать изъ этихъ воззрѣній много. Впрочемъ, можно усматривать и другія побужденія къ подобнаго рода заимствованіямъ. Воззрѣнія Сорскаго аскета, явившіяся плодомъ глубокаго изученія души челоуѣческой и аскетическихъ твореній восточныхъ подвижниковъ, по причинѣ своей возвышенности, могли быть доступными далеко не для всѣхъ русскихъ иноковъ. Время то въ исторіи религіознаго просвѣщенія было у насъ, по выраженію аскетовъ-скитниковъ, все еще временемъ „внѣшняго моленія“, когда „умное дѣланіе“, которое они проповѣдывали,

было понятно очень немногимъ. Для тогдашнихъ русскихъ иноковъ необходима была, поэтому, болѣе простая и понятная система иноческихъ возрѣній, которая и излагается въ уставѣ преподобнаго Иосифа. Этимъ и можно объяснить ту двойственность вліяній, вліяній существенно-различныхъ, которую мы замѣчаемъ въ уставѣ Корнилія. Введеніе этого устава, какъ мы видѣли, часто съ буквальною повторяетъ предисловіе устава Нилова. Здѣсь содержатся общія наставленія игумена братіи и перечисляются иноческія добродѣтели, какими должны быть: взаимное согласіе и послушаніе, другъ ко другу любовь, стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію, скорбь о безплодномъ мимошедшемъ лѣтѣ, стремленіе къ отечеству небесному, память о смертномъ часѣ и вѣчныхъ мукахъ и т. п. Все это сильно напоминаетъ возрѣнія Сорскаго подвижника. Что же касается дальнѣйшаго содержанія устава, то здѣсь, при несомнѣнности вліянія Нила, сказывается и другаго рода вліяніе—аввы Іосифа. Чтобы яснѣе судить о силѣ этого послѣдняго вліянія сдѣлаемъ сопоставленія того и другаго устава ³¹.

„Аввы Іосифа отъ божественныхъ писаній о жительствѣ, общежительнѣмъ словеса къ своимъ его ученикомъ“.

Г л а в а I.

„О соборнѣй молитвѣ“.

„Подобаетъ убо намъ прежде всего показати всяко тщаніе и подвигъ, яко вся въ общемъ житіи благообразно и по чину да бывають; изряднѣ же всего чинъ церковныхъ службъ, яко да не что сущихъ въ уставѣ мало или велико по нѣкоей винѣ презрится, но да хранится церковныя службы чинъ же и устроеніе и не преткновенно и непреложно, яко

„Уставъ или правила о жительствѣ, отъ святыхъ божественныхъ писаній избранна, о устроеніи преданныхъ намъ образъ отъ св. отецъ во спасеніе душамъ и писаніемъ вданнъ сущимъ о Христвѣ братіямъ моимъ, во обители Пресвятыя Богородицы, честнаго ея Введенія, въ ней жительствующимъ“ (пр. Корнилія).

Г л а в а I.

„О церковномъ благочиніи и о соборной молитвѣ“.

„Изряднѣ же чинъ церковныя службы, якоже повелѣвають божественныя писанія, потщимся творити, яко да купно, егда клепа-

³¹ Уставъ Корнилія цитруется здѣсь по ркп списку въ сборникѣ Вологодскаго кафедральнаго собора № 3, л. 1—20, а уставъ Іосифа—по ркп. Соловецкой библи. № 325, л. 3 и слѣдующіе.

да отъ св. отцевъ предадеса намъ .. Сего ради прежде потщимся о семь, яко да купно, егда клепа-нiе возгласить, то вся, иже въ рукахъ нашихъ обрѣтшася, вскорѣ отметнемъ и съ тщанiемъ мно-зѣмъ и усердiемъ потецемъ къ божественному красному приста-нищу церковному... Иже бо пре-жде приидеть, той прежде и мило-сти сподобится отъ Господа Бога. Ибо къ земному царю аще кто приходитъ прежде и пребываетъ стоя или сѣдя у палаты; всегда ожидая происхожденiя царева, и коснить и медлить всегда, тако творя и любимъ бываетъ царемъ...

Далѣ, для краткости будемъ болѣе подробно останавливаясь на

нiе возгласить, тогда вся, иже въ рукахъ нашихъ обрѣтающаяся, отметнемъ и со тщанiемъ и усер-дiемъ потецемъ въ началѣ пѣнiя обрѣстися и никому же умедлити; иже бо кто прежде приидеть, той прежде и милости сподобится отъ Господа Бога; и елико пребывае-ши въ соборѣ и ожидая, и толико благодати отъ Бога сподобишися. Ибо къ царю земному, аще кто приходитъ прежде и пребываетъ стоя или сѣдя у палаты, всегда ожидая происхожденiя царева, и коснить и медлить всегда, тако творя и любимъ бываетъ царемъ...

составлять одни только заглавiя, особенностяхъ устава Корнилiя.

У ставъ І о с и ф а.

Г л а в а II.

„О пици и питiи“.

Г л а в а III.

„О еже не бесѣдовати на тра-пезѣ“.

Г л а в а IV.

„О одеждахъ и обуцахъ“.

Г л а в а V.

„О святыхъ иконахъ и о кни-гахъ“.

У ставъ К о р н и л i я.

Г л а в а II.

„О благоговѣйствѣ и благочи-нiи трапезномъ и о пицѣ и о питiи“.

„Указъ о ястіяхъ и питiяхъ“.

„О еже не подобаетъ никому ясти и пити, кромѣ общiя трапе-зы—безъ благословенiя.“

„О одеждахъ и обуцахъ и о прочихъ вещѣхъ“.

Г л а в а VI.

„О еже не бесѣдовати по на-
вечерници“.

„О еже не просити никому,
что отъ внѣшнихъ мірскихъ или
иновъ“.

Г л а в а VII.

„О еже не подобааетъ исходити
инокомъ внѣ обители безъ благо-
словенія“.

„О еже не имѣти особнаго стя-
жанія никому ничего“.

Г л а в а VIII.

„О еже подобааетъ потщатися
всякому на соборное дѣю“.

„О еже не взимати кому нич-
тоже нигдѣ же безъ благослове-
нія игумена и келаря“.

Г л а в а IX.

„О еже не подобааетъ быти въ
обители питію, отъ него же пѣан-
ство бываетъ“.

„О еже не проходити кому без-
временно въ трапезу и въ слу-
жебныя келіи“.

Г л а в а X.

„О еже не подобааетъ въ оби-
тели жити отрочатомъ“.

„О еже вкупѣ братіямъ, сходя-
щимся на дѣло кое, подобааетъ
творити съ молчаніемъ и съ мо-
литвою“.

Г л а в а XI.

„О еже не подобааетъ въ оби-
тели женскому полу входить“.

„О еже не подобааетъ изъ мо-
настыря по плоти къ своимъ или
инудѣ кудѣ безъ благословенія
исходити“.

Этой главой уставъ аввы Іосифа кончается. Далѣе продолжаютъ
цитаты устава одного Корнилія.

Г л а в а XII.

„О еже не принимати братіямъ милостины себѣ по рукамъ ни
отъ кого“.

Г л а в а XIII.

„О еже не быти питію піанственному ни отъ кого“.

Какъ будто въ первоначальномъ своемъ видѣ уставъ этой главой и оканчивается. Въ заключеніи этой главы читаемъ: „вся же, еже въ писаніи семъ, написахъ недостойный моею рукою азъ инокъ грѣшныи Корнилій и предахъ братіи моей, въ мѣстѣ семъ постригшимся, да и по смерти моей тако творима будутъ. Молю же вы, братіе, поживите въ братолюбіи, любовь имѣйте истинную и миръ отъ сердца и Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь“.—Но послѣдующій опытъ указалъ старцу предметъ еще для двухъ главъ его завѣщанія.

Г л а в а XIV.

„О приходящихъ братіяхъ и хотящихъ въ мѣстѣ семъ по смерти моей жити, имущихъ же стяжанія особная“.

Здѣсь Корнилій завѣщаетъ братіи слѣдующее: имѣющаго стяжаніе „примите научиться ему на лѣто единс. А еже имать стяжаніе свое особое—вся сія скажетъ настоятелю: что есть и гдѣ стоитъ, и аще будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырской казнѣ за своею печатію (кромѣ иконъ, книгъ, одежды и обуви, которыя позволялось имѣть при себѣ). Аще пребудетъ лѣто едино и Господь укрѣпитъ его и восхоцетъ прочее съ вами по преданію нашему пожити и онъ, еже имать стяжаніе свое излишнее, все раздастъ, аможе хоцетъ, на пользу души, себѣ же въ соблюденіе не оставитъ ничего. Аще ли по лѣтѣ ономъ на лучшее не приидетъ и тако пожити не хоцетъ, таковаго отъ монастыря съ миромъ отпустите со всѣмъ его стяжаніемъ“.

Г л а в а XV.

„О исходящихъ изъ монастыря и паки возвращающихся братіяхъ нашихъ“.

„Слышахъ азъ самъ, пишетъ въ этой главѣ Корнилій, иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: нынѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по волѣ своей пожити, а егда умретъ, мы перейдемъ въ свой монастырь и по воли нашей поживемъ, якоже хоцемъ. И вы, братіе, таковыхъ бойтеса и не принимайте ихъ въ монастырь, ибо не хотятъ они жити по преданію, якоже писахъ вамъ. Аще ли вогнѣдятся лицемѣриемъ въ монастырь и начнутъ свою волю составлять, вы же таковыхъ скоро изъ монастыря ижжените, донели же вкорепитеса злоба, да не разорятъ устава и чина сего“.

Таковы иноческія возрѣвія преподобнаго Корнилія. Онѣ, какъ мы видѣли, представляютъ изъ себя нѣкоторое сочетаніе возрѣвій Нила и Іосифа, съ явнымъ, впрочемъ, обладаніемъ первыхъ. Такъ, въ основномъ своемъ взглядѣ на иночество преподобный Корнилій ближе подходитъ къ возрѣвіямъ Нила. Инокъ, человѣкъ не отъ міра сего, для котораго имѣютъ особенное значеніе слова: „пришельцы есмиздѣ и пресельници... Того ради подобаеъ намъ пещися о ономъ, еже по смерти, житіи, воздвизая совѣсть къ лучшему и сохраняя отъ небреженія злаго житія“. Заповѣдь иноческой нестяжательности также выступаетъ здѣсь гораздо сильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ въ уставѣ Іосифа. Раскрытію ученія о нестяжательности, какъ мы видѣли, посвящено нѣсколько главъ въ уставѣ Корнилія. Такъ, въ VI главѣ подвижникъ заповѣдуетъ братіи „о еже не просити никому что отъ внѣшнихъ мірскихъ или инокъ“. Здѣсь, между прочимъ, инока, недовольнаго чѣмъ-либо монастырскимъ и говорящаго: „самъ испрошу отъ своихъ ми“, подвижникъ изобличаетъ слѣдующими рѣзкими словами: (таковый) „слѣпъ страстію, хвалитъ свою погибель. Таковіи блудолюбцы и тщеславници язва посреде́ братіи и соблазнъ“. Въ VII главѣ — „о еже не имѣти особнаго стяжанія никому ничего“ — содержится завѣщаніе преподобнаго „ошатыся сребролюбіе и ризнаго украшенія и вещенристрастія“. Подобныя же мысли въ VIII и XII главахъ. Но особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи XIV глава, въ которой подвижникъ даетъ наставленіе „о приходящихъ братіяхъ, имущихъ стяжанія особная“. Повелѣвая принимать такихъ „на лѣто едино“ ради монашескаго искуса, преподобные заповѣдуетъ относительно ихъ стяжанія объявить настоятельно: „что есть и гдѣ лежитъ, и аще будутъ съ нимъ и онъ вся поставитъ въ монастырской казнѣ за своею печатію“. Если послѣ искуса пришельцы пожелають принять постриженіе, то должны раздать стяжаніе свое, „аможе хошуть на пользу души“, а если пожелають возвратиться въ міръ, то братія должны отпустить ихъ „со всѣмъ стяжаніемъ“.

Итакъ, заповѣдь иноческой нестяжательности послѣдовательно проходитъ чрезъ весь уставъ Корнилія и по духу его содержанія гораздо болѣе сближаетъ его съ уставомъ Ниловымъ. Иноческія возрѣвія этихъ двухъ подвижниковъ согласуются еще по нѣкоторому, однородному съ симъ вопросу, имѣвшему тогда особенно важное значеніе, вопросу о монастырскихъ вотчинахъ. Подобно Нилу, Корнилій не заботился о приобрѣтаніи вотчинъ для своей обители, напротивъ, избѣгалъ ихъ. Сохранилось извѣстіе, что онъ продалъ монастырскую землю въ Пошехонскомъ уѣздѣ, подаренную его монастырю княземъ

Симсономъ Шелешпапскимъ ³²). Когда великій князь предложилъ ему села и деревни въ пользу монастыря, то онъ просилъ лишь утвердить за монастыремъ землю, находящуюся кругомъ монастыря, „да въ потѣ лица своего съѣси хлѣбъ свой“. И только настойчивость князя заставила его принять дарственную грамоту.

Все это даетъ мѣсто заключенію, что вліяніе возрѣвнѣй Нила Сорскаго на преподобнаго Корнилія гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе аввы Іосифа. Первое касается самыхъ существенныхъ пунктовъ возрѣвнѣй Корнилія, относится къ внутренней сторонѣ его ученія, а послѣднее простирается, главнымъ образомъ, на первыя пять главъ устава Корнилія, гдѣ говорится о соборной молитвѣ, о пищѣ и питіи, объ одеждѣ и обуви, однимъ словомъ, касается внѣшней стороны жизни и благоповеденія иноковъ.

Намъ остается сдѣлать еще біографическій очеркъ нѣкоторыхъ святыхъ, позднѣйшихъ по времени своей жизни.

Въ концѣ XV вѣка въ городѣ Устюгѣ подвизался подражатель блаженнаго Прокопія—юродивый Іоаннъ. Житіе его ³³) имѣетъ нѣкоторое литературное родство съ житіемъ Прокопія, но въ историческомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ превосходитъ его. Біографъ въ своемъ предисловіи замѣчаетъ, что оно написано со словъ очевидцевъ святаго: „распытывалъ древнихъ старецъ, вѣдущихъ о житіи блаженнаго, наконецъ слышахъ у отца моего и стрія моего, бѣ бо жителіе града того Устюга... отецъ мой имѣлъ (тогда) санъ священства (у соборной церкви; впоследствии онъ сдѣлался игуменомъ Солевычегодскаго Борисоглѣбскаго монастыря), „сподоби его Богъ видѣти таковаго благовѣстника и погребети тѣло его съ прочими священники, а въ животѣ его видѣхъ“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія въ концѣ сдѣлана такая приписка: „ѸѸк (1554) списано бысть сіе житіе... въ пресловущемъ градѣ Устюгѣ... по благословенію отца моего игумена Діонисія, при державѣ царя Іоанна Васильевича, при митрополитѣ Макаріѣ, при архіепископѣ Ростовскомъ Никандрѣ (1543—1567) и епископѣ Вологодскомъ и Пермскомъ Кипріанѣ“ ³⁴).

³² Юридическіе акты, стр. 121.

³³ Списки: ркп. Соловецкой бібліотеки №№ 221 и 222—житія Прокопія и Іоанна Устюжскихъ. Начало: „Тайну цареву достоитъ хранити“.

³⁴ А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея, стр. 518. Вместе съ житіемъ Прокопія и это житіе подверглось сильной порчѣ, хотя и въ меньшей степени. Здѣсь, повидимому, эта порча коснулась только отдѣла о чудесахъ. Сравнивая послѣднія чудеса обѣихъ житій въ распространенныхъ ре-

„Во градѣ Устюжѣ, обѣ онѣ поль рѣки, глаголемыя Суховы, близъ монастыря, иже есть на Гledenѣ, идѣже былъ старый градъ Устюгъ“... есть село Пухово. Въ одно время тутъ жилъ нѣкій землевладѣлецъ Савва съ женою Наталіей. Это были родители блаженнаго Іоанна, который былъ вторымъ ихъ сыномъ (первый—Иродіонъ). Впослѣдствіи они переселились „въ Устюжскую весь, во градъ, зовомый Орловъ“, на рѣкѣ Югѣ, въ тридцати поприщахъ отъ Устюга. Отецъ блаженнаго здѣсь скоро умеръ, а мать постриглась въ женскомъ Троицкомъ монастырѣ, въ Орловѣ. Іоаннъ нѣкоторое время былъ при ней, а потомъ, испросивъ ея благословеніе, „изъ Орлова града шествуетъ ко гробу преподобнаго Прокопія“. Придя въ Устюгъ, онъ поселился близъ соборныя церкви и церкви блаженнаго Прокопія, „въ нѣкоей хижицѣ, юже постави нѣкій христороубецъ, Андрей, рекомый Мишневъ“. Здѣсь онъ и началъ свои подвиги юродства, описаніе которыхъ въ житіи близко напоминаетъ описаніе такихъ же подвиговъ Прокопія. Онъ ходилъ по городу и по улицамъ „рыщущи грунцемъ“; мѣстомъ его успокоенія были „гноища и сметыща“; „ризь и власяницы на тѣлѣ своемъ не имаше, токмо имѣя одинъ плащъ рубища раздраль, а иногда носаше срачицу черну, никогда не омовену. Нѣщы безумни чловѣци невѣгласы окаяпни поношаху ему, и укоряху, и псаху, и біяху, на лице его плеваху. Нагъ зимою умираше, а отъ солнца зноемъ изгараше“. Добровольный страдалецъ преставился въ 1494 году (7002).

Въ первой половинѣ XVI вѣка въ городѣ Тотмѣ подвизался преподобный Θεодосій. Житіе его ³⁵) представляетъ собою двѣ ре-

---

дакціяхъ нельзя не признать, что авторъ ихъ одно и тоже лицо. Нѣкоторыя чудеса этихъ редакцій въ однихъ спискахъ отнесены къ житію Іоанна (напримѣръ, чудо о разслабленномъ Викулѣ—въ Соловецкихъ спискахъ), а въ другихъ—къ житію Прокопія (списокъ бібліотеки Ундольскаго, № 326). Сходство обохъ житій и встрѣчающееся въ житіи Іоанна выраженіе: „его-же (Прокопія) чудеса и прощеніе въ писаніи его сказа, о семь же св. Иванѣ паки начнемъ писати“—навелъ проф. Ключевскаго на мысль, что списатель житій обохъ юродивыхъ—одно лицо (стр. 277). Но, очевидно, тутъ ничто не поддерживаетъ предположенія ученаго профессора. Приведенное замѣчаніе, какъ можно видѣть изъ содержанія житія, относится къ чуду иконы Одигитрія, взятой отъ гроба ѡлж. Прокопія и перенесенной къ Соли-Вычеподской, гдѣ былъ игуменомъ отецъ списателя житія Іоанна.

³⁵ Списки—въ рукописяхъ бібліотеки Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря. Два списка одной редакціи, краткой начинаются такими словами: „сей преподобный отецъ нашъ Θεодосій родился во дни благочестивыя державы государя и великаго князя Василія Іоанновича“. Одинъ списокъ распространенной

дакціи, изъ которыхъ распространенная относится къ 1662 году, что можно видѣть изъ ея предисловія: „(житіе) написано бысть при дружавѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... въ лѣто отъ созданія міра 7170, а еже по плоти Рождества Господа нашего Иисуса Христа 1662“. По поводу источниковъ писатель замѣчаетъ, что онъ вопрошалъ о житіи и чудесахъ святаго „отъ древнихъ старецъ“ и нашель „помалу написанія о немъ, ово въ тетрадѣхъ, ово же яко въ свитцѣхъ“. Это—самая обыкновенная, полная риторическихъ украшеній и скудная фактами біографія. Въ послѣднемъ отношеніи она нисколько не отличается отъ болѣе простой и краткой другой редакціи, составленной въ концѣ XVIII или началѣ XIX вѣка ³⁶).

Преподобный Θεодосій родился въ княженіе Василя Іоанновича, въ городѣ Вологдѣ. Отецъ его назывался Юліаномъ и происходилъ изъ рода Сумориныхъ. По достиженіи возраста, онъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ дочь Марину. Скоро обстоятельства его жизни измѣнились: родители его умерли, умерла, вѣроятно, и жена, а самъ онъ принялъ постриженіе въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. Послѣ нѣкотораго пребыванія здѣсь, онъ, по волѣ игумена, долженъ былъ отправиться въ городъ Тотму для надзора за соловаренными заводами, принадлежавшими Прилуцкой обители. Θεодосій полюбилъ этотъ городъ и въ одной изъ пустынныхъ его окрестностей задумалъ основать свой монастырь. Къ этому побуждали его и жители Тотмы, не имѣвшіе болизи себя монастыря. Мѣстомъ для созданія монастыря онъ избралъ высокій, окаймленный лѣсомъ мысъ, образуемый теченіемъ двухъ маленькихъ притоковъ рѣки Сухоны Ковды и Песьей Деньги. Это мѣсто принадлежало вдовѣ Марьѣ Григорьевнѣ Истоминой, которая охотно уступила его въ пользу монастыря ³⁷). Въ 1554 году Θεодосій предпринялъ путешествіе въ Москву къ царю и митрополиту съ челобитною отъ жителей города Тотмы, содержаніе которой передается въ дар-

---

редакціи начинается свѣдѣніями „о составленіи житія и предивныхъ чудесъ преподобнаго отца нашего Θεодосія“.

³⁶ Ключевскій. Указ. соч., стр. 349.

³⁷ Объ этомъ сообщаетъ одна древняя хартія слѣдующаго содержанія: „се азъ Марья, Григорьева дочи, а Истоминаская жена да съ дѣтьми: съ Теодоромъ да съ Петромъ да со внукомъ—Ивановымъ сыномъ приданово дали старцу Θεодосію Суморину, отъ отца своего благословеніе, пустошь Самакинскую на Песьѣ деньгѣ и на Ковдѣ со всѣмъ угодьемъ... и дали есма на монастырское строеніе. Лѣта 7061 (1553), августа въ десятый день“.

ственной грамотѣ послужившей отвѣтомъ на эту челобитную. „Се азъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ... били челомъ Тотмичи посадскіе люди... въ томъ, что де на Тотмѣ и во всемъ Тотемскомъ уѣздѣ монастыря нѣтъ, и кто де ихъ при старости и при смерти захочетъ постричься—негдѣ, и въ томъ-де имъ бываетъ нужда великая. И хочеть де у нихъ на Тотмѣ церковь воздвигнути и монастырь строити собою и въ томъ монастыри строительствовати старецъ Θεодосій Суморинъ: и мнѣ старца Θεодосія пожаловать и освободить ему воздвигнути церковь Преображенія и игумена или чернаго попа и діакона къ той церкви поставить служить и монастырь соорудить между Ковдою и Песьею-деньгою и велѣти мнѣ отцу своему Макарію митрополиту благословити (его) въ томъ монастырѣ строительствовати“³⁸), Всѣ эти просьбы были удовлетворены и Θεодосій, по возвращеніи изъ Москвы, принялся за сооруженіе обители. На обратномъ пути онъ завернулъ въ обитель своего постиженія, изъ которой, между прочимъ, взялъ икону Богоматери для своей предполагавшейся церкви. Соорудивъ обитель, Θεодосій составилъ общежитіе. Вскорѣ онъ испросилъ новую жалованную грамоту у царя Ивана Васильевича, въ которой значится слѣдующее: „нынѣ, билъ челомъ Θεодосій, въ томъ (основанномъ имъ) монастырѣ священникъ черной да шесть чернцовъ, а приходу и доходу у его монастыря нѣтъ ни котораго, да кормятся де они сѣкутъ дрова, да у соли продають, а опричь-де имъ дровъ пропитатися нечѣмъ и въ томъ-де имъ нужда великая и впредь имъ прожити не мочно и мнѣ бы ихъ пожаловати, велѣти имъ на Тотмѣ у соли труба садити и соли варити безоброчно и изъ тое трубы соль на Тотмѣ продавати“³⁹), на что и послѣдовало государево соизволеніе. Впослѣдствіи Θεодосій на монастырской землѣ выстроилъ мельницу и приобрѣлъ угодья. Кромѣ устройства своего монастыря, онъ съ благословенія архіепископа Ростовскаго, возобновилъ пустынь, устроенную нѣкогда старцемъ Ефремомъ и составилъ при ней общежитіе⁴⁰). Въ свободное отъ трудовъ время онъ предавался аскетическимъ подвигамъ: вериги его и желѣзная шапка, которую онъ носилъ подъ кукулемъ, хранящіяся въ его обители, поражаютъ своею массивностію. Онъ преставился въ 1568 году. Предъ смертію онъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ имущество свое главнымъ образомъ расписалъ по разнымъ монастырямъ, на поминъ своей души. Мощи его

³⁸ Исторія російской іерархіи VI/I, 413—414.

³⁹ Ibidem, стр. 218 и слѣд.

⁴⁰ Ibidem, IV, 88.

были обрѣтены спустя 228 лѣтъ послѣ преставленія. По обрѣтеніи мощей совершилась и его канонизація въ царствованіе императора Павла Павловича.

Въ числѣ позднѣйшихъ Вологодскихъ подвижниковъ мы встрѣчаемъ двухъ преподобныхъ князей: Игнатія Прилуцкаго и Галактіона Вологодскаго.

Биографъ преподобнаго Игнатія, называющій себя именемъ Прилуцкаго инока Логгина, по словамъ проф. Ключевскаго, „въ краткой повѣсти, чуждой реторическихъ украшеній, сообщилъ немногія свѣдѣнія о князѣ и чудесахъ его до половины XVI вѣка“⁴¹).

„Сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родился отъ благовѣрнаго князя Андрея Васильевича Угличскаго, сына великаго князя Василія Васильевича и благовѣрныхъ княгини Елены“⁴²). Но въ числѣ сыновей Василія Васильевича было два Андрея Васильевича, — который изъ нихъ былъ родителемъ преподобнаго, по замѣчанію біографа, не извѣстно.

„Въ лѣто 6970 (1462) сѣде на великомъ княженіи Московскомъ, по смерти отца своего Василія Васильевича, сынъ его Іоаннъ Васильевичъ. А князю Андрею Васильевичу, брату своему, даде градъ Угличъ. У Андрея Васильевича Угличскаго бяху два сына: князь Іоаннъ Андреевичъ (сей преподобный отецъ нашъ Игнатій) да князь Дмитрій Андреевичъ“. Іоаннъ родился въ Лукахъ Великихъ и жилъ при отцѣ въ теченіи тринадцати лѣтъ. „Ненавидай же добра діаволь положи пенависть великому князю Іоанну Васильевичу Московскому на брата своего князя Андрея Васильевича Угличскаго и чадъ его: на сего князя Іоанна Андреевича и князя Дмитрія Андреевича. И

⁴¹ стр. 271. Списки житія: ркп. сборникъ Спасо-Прилуцкаго монастыря №³⁷/₃₆; ркп. той же бібліотеки №⁵/₄—житіе со службою преподобнымъ Дмитрію и Игнатію; ркп. житіе Прилуцкихъ подвижниковъ той же бібліотеки №⁴/₃; ркп. житіе преподобныхъ Дмитрія и Игнатія (со службою) бібліотеки Дмитріевской (Авнежской) церкви; ркп. Императорской публичной бібліотеки—въ описаніи Бычкова, § 27, стр. 98. Послѣдній списокъ представляетъ собою незначительную передѣлку остальныхъ. Общее начало: „сей благовѣрный великій князь Іоаннъ родися отъ благовѣрнаго и христоролюбиваго князя Андрея Васильевича Угличскаго“.

⁴² Относительно родителей преподобнаго князя дѣлается слѣдующее замѣчаніе въ послѣсловіи житія: „пѣцыя глаголють, яко быти сему преподобному племяннику родному царю Іоанну Васильевичу, но нѣсть тако. Понеже царь Іоаннъ Васильевичъ имѣяше брата родного единого Юрія Васильевича“.

повелѣ ихъ поймати, и вложити на ихъ желѣза тяжки, и заточити въ темницу. Посемъ на Бѣло-езеро, потомъ на Вологду свезоша ихъ и въ темницѣ окованы твердо блюдомы лѣта многа пребыша“. Темпа, конечно, узническая жизнь преподобнаго князя. Біографъ сообщаетъ только, что святой князь былъ постояннымъ утѣшеніемъ для своего скорбящаго брата, котораго всячески убѣждалъ простить обиду „стрию своему“. Еще и до сихъ поръ сохранилась въ Вологодской темницѣ та икона, предъ которою часто молился князь-узникъ. „Пребысть въ темницѣ и во узахъ тридесять два лѣта, князь разболѣся, начать иже могати и позвавъ свое преставленіе, возжелалъ монашескаго образа И призвавъ къ себѣ Спасскаго игумена, именемъ Мисаила, изъ Дмитріева монастыря и нача молити его о монашескомъ образѣ. Игуменъ постриже его и нарече ему имя Игнатій. По семъ и въ схиму соверши его“. Князь, „радуясь и веселяся о образѣ ангельскомъ причастился св. таинъ, преставися къ вѣчнымъ обителемъ, въ лѣто 7030 (1522) при державѣ великаго князя Василя Іоанновича, иже бѣ братъ ея двуродный“. Игуменъ Мисаиль совершилъ погребеніе князя-узника. тѣло его было положено въ Прилуцкомъ монастырѣ, „подъ алтаремъ, съ Дмитріемъ чудотворцемъ равно“.

Что же случилось съ братомъ преподобнаго, княземъ Дмитріемъ? Послѣсловіе житія отвѣчаетъ: „благовѣрный князь Дмитрій Андреевичъ послѣ его (брата) поживе нѣсколько время добрымъ и богоугоднымъ жительствомъ, преставися ко Господу (въ той же темницѣ) и погребенъ бысть (яко же нѣщцы сказуютъ), въ томъ же монастырѣ, при ногахъ брата своего, преподобнаго Игнатія“.

Біографія преподобнаго Галактіона Вологодскаго, отличающаяся особенною точностію хронологическихъ данныхъ, составлена извѣстнымъ авторомъ „Вологодскаго лѣтописца“ Иваномъ Слободскимъ, въ 1717 году, т. е. спустя почти цѣлое столѣтіе по преставленіи святаго ⁴³). По собственному замѣчанію въ 1697 году онъ вмѣстѣ съ Вологодскимъ архіепискомъ Гавріиломъ, въ качествѣ чтеца, присутствовалъ при свидѣтельствovanіи мощей преподобнаго Галактіона и возымѣлъ желаніе написать ему службу и житіе, которое съ теченіемъ времени и привелъ въ исполненіе.

⁴³ Списокъ житія—въ сборникѣ Спасо-Прилуцкаго монастыря, №³⁷/₃₆, л. 282—301. Житіе предваряется нѣсколькими предисловіями, изъ которыхъ первое начинается словами: „во славу Святыхъ Живоначальныхъ Троицы“... и проч. Далѣе слѣдуетъ „предлогъ“, потомъ „изъявленіе“, а наконецъ и обычное „предисловіе“.

Сей преподобный рождение имѣя въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царство благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича, отецъ его— князь Іоаннъ Іоанновичъ Бѣльской“. Мірское имя преподобнаго—Гавріиль. „Божіимъ повелѣніемъ возложи царь Іоаннъ Васильевичъ на отца сего блаженнаго гнѣвъ и повелѣ его предати смертной казни, сего же юношу сродниці и добродѣи скрыша возрастомъ седмилѣтна суца и везоша его въ Старичъ градъ и пребысть тамо немного время, утаяся родствомъ своимъ отъ всѣхъ человекъ и никому о томъ повѣда“. Потомъ „втай отъиде отъ Старича града и прииде въ Богоспасаемый градъ Вологду и на посадѣ поживе у нѣкогого усмаря и учися того художества и отъ того себѣ пищу пріобрѣташе. Егда достиже возраста, сочетася законну браку, поя себѣ жену отъ простыхъ людей и поживе съ нею нѣколико лѣтъ, родися же има дѣтище женскій полъ. И приключися женѣ его умрети, онъ же остася съ дѣтинемъ и воскорми ее“... Въ то же время преподобный сталъ предаваться иноческимъ подвигамъ: „возложи на свое тѣло вериги желѣзныя“. Среди такихъ подвиговъ преподобнаго постигла лютая болѣзнь (корченіе жилъ). Это усугубило его подвиги и заботу о грядущей жизни. „Уразумѣвъ міра сего многмятежное житіе“, онъ отречеся отъ него и вознамѣрился основать отшельничество. „Упроси у градскихъ людей мало земли и мѣста на вселеніе себѣ, близъ посаду, на Содимѣ рѣцѣ и вселися ту. Постави себѣ келейцу малу и затворися внутрь, токмо остави дверци едицы, идѣже пици себѣ мало пріимати“. Потомъ онъ „остризаеътъ власы главы своея и ангельскому образу сочетасяся и бысть имя ему Галактіонъ. И пача трудитися великими труды на томъ мѣстѣ, сапоги шія, а что взимаше отъ трудовъ, то раздѣляше на три части: первую часть даяше церкви Божіей, вторую— пищамъ, третією же частію самъ питашеся. Ископа езеро невелико окрестъ келліи своея и всади рыбы и древія посадивъ на томъ мѣстѣ и кладезь ископа“. Устроивъ все, святой „приковася чепію желѣзною, утвержденною въ келліи своей къ покрову, просто рещи къ потолку (а въ иной книзѣ пишеть—къ матицѣ), и не хождаше не камо и егда хотяше по пуждін почивати, то на ребрахъ никогда же возлежаше, но на колѣни приклопяся и о чепи держашеся почиваше. Ничто же имѣяше у себе, токмо одну ризу власяну и опаницу, въ ней же вкушаше, и рогзивищу малу, на ней же стояше“...

„Божіимъ попущеніемъ тогда вскорѣ придоша иновѣрніи на градъ Вологду. Града же того людіе во утѣсненіи велицѣмъ быша и разбѣгошася, камо кому годѣ⁴⁴⁾. Тогда же дщи того святаго, вѣдѣ ту скорбь

⁴⁴⁾ Вологодскій епископъ Сильвестръ, бывшій во время этого нашествія въ

належащую и набѣжаніе, устремися и не видѣ, гдѣ главу подклонити, вскочи же въ келлію отца своего“. Это замѣтили злодѣи и устремились въ келлію старца, „яко къ нему, старцу, прибѣже жена. Дщи же блаженнаго видѣвше ихъ и убѣжавъ отъ нихъ. Они же яша преподобнаго жива въ веригахъ и начаша его бити нещадно, и за чешвлячити по земли, укаризны понося на его и мечи сбѣаху, и абіе сънѣкія храмины древомъ удариша его по главѣ и оставиша еле жива суща. Святой же труждаяся и животъ скончавая тако святую душу свою предаль, въ лѣто 7121 (1612) 24 сентября“⁴⁵). Тѣло его было погребено въ келліи его. Черезъ нѣсколько времени по прославленіи святаго жителя Вологды, по благословенію архіепископа Варлаама, воздвигли храмъ близъ этой келліи; архіепископъ повелѣлъ здѣсь, братство составить и житіе (преподобнаго) написать“. Такъ возникъ здѣсь монастырь.

Послѣ всесторонняго изученія предмета, изслѣдователь, въ заключеніе своего труда, чувствуетъ потребность еще разъ взглянуть на свой матеріаль, чтобы собрать свои разбѣянные наблюденія и по возможности систематизировать ихъ.

Тщательно изучая святыхъ Вологодскаго края по древнимъ агіо-біографическимъ памятникамъ, изслѣдователь не могъ не придти къ

четырехъ дневномъ заключеніи, такъ описываетъ это пашествіе: „нынѣшняго 1612 года, сентября 24 дня, въ послѣднемъ часу ночи, раззорители нашей чистой православной вѣры, ругатели креста Христова, Поляки, Литовцы съ черкасами и русскими измѣнниками нечаяннымъ набѣгомъ пришли на Вологду, взяли городъ, умертвили людей, осквернили церкви Божіи, сожгли городъ и посады. Воевода—князь Иванъ Одоевскій ушелъ, а окольнічій—князь Григорій Долгоруковъ и дьякъ Истома Карташевъ—убиты. Меня грѣшнаго взяли въ плѣнъ, держали у себя четыре noci и не разъ присуждали къ казни, едва живаго опустили. Когда Ляхи и Литва пришли къ Вологдѣ, то, по грѣхамъ нашимъ, по нерадѣнію воеводъ, не было ни разбѣжныхъ карауловъ, ни сторожей на башняхъ. У воротъ было нѣсколько челоуѣкъ на караулѣ, но и тѣ не слышали, какъ Литовцы вошли въ городъ, а большія ворота не были заперты... Все отъ пьянства: воеводы проишли Вологду“. (Историческій словарь Щекатова, I, 988.

⁴⁵ Въ синодикѣ Вологодскаго каедральнаго собора читаемъ: „121 (1612) г. сентября 24 дня, вторникъ, въ первомъ часу дня. Помяни, Господи, иже во градѣ избіенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ“... и далѣе перечисляются 68 убитыхъ и сожженныхъ, въ числѣ которыхъ три протоіерея, тридцать четыре священника, шесть діаконовъ и шесть иноковъ. Въ числѣ послѣднихъ—іерей инокъ Галактіонъ“. Свѣдѣнія объ іерархахъ Вологодской епархіи, стр. 51—52.

мысли о важности этого изученія въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) въ исторіи русскаго монашества и 2) въ исторіи сѣверно-русской колонизаціи.

Обыкновенно сѣверно-русскіе подвижники считаются просвѣтителями русскаго инородческаго сѣвера, но наши историческіе источники не даютъ намъ касательно этого предмета богатаго матеріала. Жизнь и дѣятельность болѣе раннихъ подвижниковъ на русскомъ сѣверѣ, время жизни которыхъ совпадаетъ со временемъ распространенія христіанства, остаются въ совершенной тѣни. Мало мы знаемъ о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ, не болѣе и о другихъ подвижникахъ, близкихъ къ нему по времени жизни. Кромѣ Герасима, въ лѣтописи Паисія Ярославова упоминается еще о двадцати трехъ старцахъ, поселившихся на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, которыхъ около половины XIII вѣка встрѣтилъ здѣсь Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, нечаянно занесенный бурей къ берегамъ этого острова. Краткое замѣчаніе лѣтописца объ этихъ старцахъ даетъ мѣсто предположенію, что они трудились въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Такъ, сказавъ о встрѣчѣ съ ними упомянутаго князя, онъ добавляетъ, что эти старцы подвизались здѣсь уже много лѣтъ и имѣли у себя часовню, но не могли еще создать церкви „за скудость имѣнія и нападенія невѣрныхъ челоувѣкъ, еще бо тогда не вси пріяша святое крещеніе, но многое множество невѣрныхъ челоувѣкъ, живущихъ вкрай Кубенскаго озера великаго по брегомъ“. Въ другомъ древнемъ памятникѣ сохранилось не очень ясное извѣстіе еще объ одномъ подвижникѣ среди сѣверныхъ инородцевъ. Въ повѣсти о началѣ Борисоглѣбскаго монастыря говорится, что основатель этого монастыря—преподобный Феодоръ († 1409) въ одно время поселился было близъ Кубенскаго озера, но „окрестъ живущіи неразумніи невѣгласы челоувѣкъ, еще чудское изчадѣ, сего преподобнаго изгониша и келейцу его разметаша“. Вотъ и всѣ извѣстія нашихъ источниковъ относительно распространенія христіанства въ Вологодскомъ краѣ.

Всѣ почти Вологодскіе подвижники представляются взору изслѣдователя въ иноческой мантии, а большинство ихъ являются основателями монастырей, первыми ихъ игуменами и устроителями монастырской жизни, такъ что исторія святыхъ Вологодскаго края является частью исторіи сѣверно-русскаго монашества.

Къ сожалѣнію, наши источники не даютъ богатаго матеріала и для исторіи монашества. Свѣдѣнія, какія можно почерпнуть изъ нихъ касательно этого предмета, отличаются также неполнотою и отрывочностію. Въ порядкѣ историческаго изслѣдованія ихъ

можно раздѣлить на два отдѣла: а) свѣдѣнія о самихъ подвижникахъ, какъ представителей иночества, б) свѣдѣнія объ основанныхъ ими обителяхъ.

Два обстоятельства, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе при изученіи святыхъ подвижниковъ, какъ представителей иночества. Во первыхъ, почти всѣ подвижники происходили изъ богатаго и знатнаго рода (преподобные Димитрій Прилуцкій и Павелъ Обнорскій), многіе изъ боярскаго (преподобный Арсеній Комельскій — изъ рода бояръ Сухорусовыхъ, Григорій Пельшемскій — изъ бояръ Лопотовыхъ, Иннокентій Комельскій — Охлѣбининыхъ, Корнилій Комельскій — Брюковыхъ) и нѣкоторые даже — изъ княжескаго (преподобный Иосафъ Каменскій — изъ рода князей Заозерскихъ, Игнатій Прилуцкій — сынъ князя Андрея Угличскаго, Галактіонъ Вологодскій — сынъ князя Бѣльскаго). Во вторыхъ, всѣ почти святые дѣлались подвижниками въ юномъ возрастѣ, отъ 12—22 лѣтъ. Эти обстоятельства много свидѣтельствуютъ въ пользу той мысли, часто высказываемой біографами, что подвижники начинали воспитывать въ себѣ иноческія стремленія еще прежде своего ухода въ монастырь, въ родительскомъ домѣ, путемъ чтенія аскетическихъ произведеній. Высокое происхождение подвижника давало ему возможность пользоваться не для всѣхъ доступными средствами для духовнаго просвѣщенія, въ числѣ которыхъ преимущественное, если не исключительное, значеніе имѣли аскетическія произведенія, а юношеская впечатлительность усиливала ихъ вліяніе на душу. Біографы замѣчаютъ, что весьма часто, вопреки родительской волѣ, юноша-подвижникъ тайно оставлялъ родительскій домъ и направлялъ свои стопы къ тому мѣсту, гдѣ бы могли найтись для себя осуществленіе его завѣтныхъ стремленій и идеалы, т. е. въ монастырь.

Впрочемъ, говоря о вліяніи аскетическихъ произведеній на юную душу подвижника, нельзя этого вліянія считать исключительнымъ. Были и другія обстоятельства, располагавшія юношу подвижника къ отреченію отъ міра и воспитывавшія въ немъ стремленіе къ иночеству, обстоятельства историческія, соціальныя и другія. Видное мѣсто среди такихъ обстоятельствъ занимало монгольское иго. Постоянныя нашествія поработителей, ихъ жестокости и кровопролитія; коварства и междоусобія самихъ русскихъ князей, насилія и жестокости со стороны сильныхъ, хитрость и коварство со стороны слабыхъ, взаимное недовѣріе, ослабленіе всѣхъ общественныхъ узъ и тому подобныя печальныя явленія не могли, такъ или иначе, не вліять на лучшую часть русскаго общества, располагая ее къ недовольству современною дѣй-

ствительностию и отреченію отъ міра. „Разладъ средневѣковыхъ силъ и стремленій русскаго общества, пишетъ одинъ изслѣдователь, достигли полнаго развитія въ XIV и XV вѣкѣ... Поэтому, никогда такъ не развивалось, не усиливалось въ древней Руси и противодѣйствіе этимъ грубымъ силамъ, какъ въ XIV и XV вѣкѣ, никогда такъ не усиливалось въ русскомъ обществѣ, какъ въ эти столѣтія, противоположное господствующему средневѣковому направленію стремленіе къ нравственному усовершенствованію, выразившееся въ пустынно-жительномъ отшельничествѣ“⁴⁶.

Было и еще одно обстоятельство, привлекавшее въ монастырь лучшую часть древнерусскаго общества. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что монастыри были чуть ли не единственными просвѣтительными центрами, въ которые, поэтому, и „обращалась каждый разъ душа человѣка, когда животная жизнь оказывалась для нея неудовлетворительною, когда она ощущала жажду къ высшимъ потребностямъ, когда она почувствовала въ себѣ голосъ иной природы“⁴⁷.

Что касается самыхъ аскетическихъ подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ, то описаніе ихъ, въ большинствѣ случаевъ, составляетъ одно изъ типическихъ мѣстъ древне-русскихъ житій, а потому историческаго можно извлечь изъ нихъ очень немного. Это описаніе касается, главнымъ образомъ, усерднаго исполненія подвижниками иноческихъ обѣтовъ: послушанія, поста и иноческой нищеты. На первыхъ порахъ иноческой жизни юный подвижникъ былъ ревностнымъ исполнителемъ обѣта послушанія. Изъ боярскихъ хоромъ, изъ княжескихъ палатъ онъ становился послушнымъ работникомъ монастырской хлѣбни. Біографъ преподобнаго Корнилія Комельскаго такъ начинаетъ описаніе подвиговъ его въ Кирилловѣ монастырѣ: ... „тяжкими работами дручаше тѣло свое: кто бо не знаетъ Кирилловскія хлѣбни; и желѣзы тяжкими связоваше тѣло свое“. Какъ вещественное доказательство этого удрученія плоти во многихъ монастыряхъ и до сихъ поръ сохранились, поражающія своею массивностию, желѣзныя вериги подвижниковъ. Касательно поста и иноческой нищеты подвижниковъ біографы дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія. Преподобный Павелъ Обнорскій принималъ весьма скудную пищу („хлѣбъ, вода и суровыя зелья“) только два раза въ недѣлю. Преподобный Димитрій Прилуцкій „только воздерживалъ“

⁴⁶ Православный Собесѣдникъ, 1860, III, 201—202. „Древне-русскія пустыни на сѣверовостокѣ Россіи“.

⁴⁷ Православный Собесѣдникъ, 1858, I. „Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію“.

тельный постъ имѣяше, аще въ кій день уставъ повелѣваше утѣшенію братіи быти онъ не ядяше поставляему суцу предъ имъ въ малѣ сосудѣ глинянномъ, точію едину воду теплу и велій паръ испущающу съ малою просфорою хлѣба, сицева ядь его всегда бываше“. Относительно иноческой нищеты этого подвижника біографія замѣчаетъ: „ризню худость толико любяше, яко единъ отъ убогихъ; едину ризу всегда ношаше на себѣ и въ зимѣ и въ лѣтѣ отъ овчихъ жесткихъ кожъ: въ зимѣ студень, а въ лѣтѣ отъ тяготы потъ терпяше“. Въ житіи преподобнаго Арсенія Комельскаго рассказывается, что, въ бытность его игуменомъ Троице-Сергіевой лавры, однажды пріѣхалъ въ нее на богомолье великій князь Василій Іоанновичъ. Встрѣченный въ монастырѣ игуменомъ, онъ немало дивился „странному образу“ подвижника и его „худымъ, многошвейнымъ и разданнымъ ризамъ“. Одинъ братъ обители Корнилія Комельскаго, по имени Закхей, пришелъ просить къ преподобному новой одежды, взамѣнъ старой—ветхой. Подвижникъ отдалъ ему свою одежду, а самъ долго еще ходилъ въ „вязаной лыкомъ“ одеждѣ Закхея.

При физическихъ подвигахъ не были забыты и духовные. Біографъ преподобнаго Корнилія, дополняя описаніе его подвиговъ въ Кирилловѣ, замѣчаетъ: „къ симъ и книги писаше въ церковь, свидѣтели же симъ и нынѣ книги его въ Кирилловѣ“. Преподобный Арсеній Комельскій также, по свидѣтельству житія его, „книги святыя почиташе и переписываше со всякимъ вниманіемъ“. Въ монастырѣ и до сихъ поръ хранится собственноручно списанное имъ Евангеліе апракосъ. Преподобный Діонисій Глушицкій имѣлъ „художество живописца“. Устроивъ нѣсколько церквей въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, онъ, по замѣчанію житія, „украсилъ ихъ иконами чудно“. Посѣщая обитель ученика своего, преподобнаго Григорія Пельшемскаго, св. Діонисій принесъ ему въ даръ „образы Господни и книгу, глаголемую Прологъ“. Въ Прилуцкомъ монастырѣ и до сихъ поръ показываютъ образъ преподобнаго Димитрія, списанный св. Діонисіемъ.

Нѣкоторые подвижники избирали себѣ подвиги особаго рода. Иные принимали на себя подвигъ юродства, вслѣдствіе котораго, кромѣ удрученія плоти, имъ приходилось терпѣть людскія обиды и оскорбленія. Таковы Прокопій и Іоаннъ юродивые Устюжскіе. Преподобный Кипріанъ Устюжскій держалъ въ своихъ рукахъ камень, дабы возбуждать себя къ бодрствованію и молитвѣ въ тѣ минуты, когда, по немощи человѣческой, онъ былъ преодолеваяемъ сномъ. Преподобный Александръ Куштскій, по сказанію своего житія, часто, выходя на болото, обнажалъ свои грудь и плечи, отдавая свою кровь въ пищу

болотнымъ насѣкомымъ (кошарамъ). Преподобный Галактіонъ Вологодскій приковалъ себя желѣзными цѣпами къ потолку и такимъ образомъ пребывалъ постоянно въ полустоячемъ и въ полувисячемъ положеніи и т. п.

Описаніе подвиговъ сѣверно-русскихъ аскетовъ въ значительной степени пополняется сказаніями объ ихъ трудахъ, которые подъяли они на дѣло колонизаціи лѣсной пустыни; но объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

Много свѣта на изученіе святыхъ проливаютъ приводимые биографами факты, въ которыхъ выразилось отношеніе къ нимъ монастырскаго и внѣмонастырскаго міра.

Факты перваго рода стоятъ въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ современной подвижникамъ монастырскаго жизни. Односторонне-аскетическое направленіе древнерусскаго благочестія съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, перешло въ крайность и привело къ отрицанію всѣхъ другихъ формъ благочестія. Стали думать, что „въ міру спастись не мощно“, ибо міръ—„мятежь“, „злоба“; спасеніе возможно только въ монастырѣ, подъ черной мантией. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній въ монастыри начинаютъ стремиться цѣлыя массы всякаго люда, которыя, на самомъ дѣлѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ могли удовлетворять строгимъ требованіямъ иночества. Безпечальная жизнь монастырская еще болѣе привлекала къ себѣ вниманіе такихъ ревнителей благочестія. Само собою понятно, что монастырь и черная мантия не могли служить преградой низкимъ страстямъ и порокамъ людей, приходившихъ въ монастырь „не ради искуса, а ради хлѣба куса“. Отсюда понятно и то, какимъ анахронизмомъ являлся среди такихъ иноковъ человекъ, дѣйствительно стремившійся къ подвигамъ и смотрѣвшій на монастырь, какъ на средство для своего духовнаго просвѣщенія. Въ Кирилловѣ монастырѣ монахи стали глумиться надъ подвигами преподобнаго Корнелія Комельскаго: „нѣкто бо отъ ту сущихъ брать поругася ему и обольсти его коварствомъ. Виною благоговѣйною возьмше у его ихъ-же пошаше желѣза и повелѣ изъ ихъ прековати топоры“. Такое отношеніе братіи къ подвижнику побудило его оставить Кириллову обитель. Подобнымъ же образомъ нѣсколько ранѣе должны были оставить эту обитель еще два подвижника—учитель и ученикъ, Нилъ Сорскій и Иннокентій Комельскій, по причинѣ паденія тамъ монашескаго жизни. Когда св. Діонисій Глушицкій подвизался на св. Лукѣ въ сообществѣ только еще двухъ братій, одинъ изъ нихъ (Пахомій), „зря его начастѣ молящася и видя труды его и подвижи, начася его срамляти и удалятися“.

Святой скоро оставилъ это мѣсто и удалился на Глушицу. Преподобнаго Павла Обнорскаго игумень и братія Богородицкаго Галицкаго монастыря выгнали изъ обители. Подобныя отношенія брати къ подвижнику не только не ослабляются, но еще болѣе усиливаются съ тѣхъ поръ, когда подвижникъ изъ послушника превращался въ начальника, дѣлался игуменомъ своей обители. Преподобнаго Корнилія Комельскаго, во время его игуменства въ основанномъ имъ монастырѣ, нѣсколько разъ подстерегали два брата—нарядчики рабочихъ, скрываясь подъ мостомъ чрезъ рѣку Нурму, съ преступнымъ намѣреніемъ убить святаго. Но каждый разъ у нихъ не хватало рѣшимости привести въ исполненіе свое злое намѣреніе, какъ что, наконецъ, они рѣшились принести святому чистосердечное раскаяніе. Инокъ обителя преподобнаго Діонисія Глушицкаго, желая положить преграду щедрости этого святаго на милостыню, пустились на хитрость. Они взяли одного брата, переодѣли его странницею и послали къ святому просить крупной милостыни для выкупа. Когда эта милостыня была выпрошена обманщикомъ, братія съ упрекомъ положили выпрошенное къ ногамъ святаго съ такими словами: „честный отче, похабъ приде къ тебѣ, прося, ты же не разумѣ, далъ еси ему сребро, мы же взяхомъ у его, се есть“.

Всѣ подобнаго рода факты и можно объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ только паденіемъ ипоческой жизни. Это паденіе вызывало подвижника на усиленную борьбу съ братією, оставившую глубокіе слѣды въ исторіи древне-русскаго подвижничества. Въ біографіяхъ подвижниковъ нѣтъ недостатка въ подобнаго рода фактахъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что во всѣхъ, сохранившихся до насъ уставахъ или краткихъ извлеченіяхъ изъ уставовъ монашеской жизни, есть особыя завѣщанія подвижника о такъ называемыхъ „самочинникахъ“, т. е. братіяхъ, не хотѣвшихъ подчиняться въ своей жизни требованіямъ монастырскихъ правилъ, а хотѣвшихъ „самочиніемъ и самовольствомъ водитися“. Преподобный Корнилій Комельскій писалъ въ своемъ уставѣ: „слышахъ азъ, иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: нынѣ намъ Корнилій возбраняетъ и не даетъ по волѣ своей пожить, а егда умретъ, мы перейдемъ во свой монастырь и по волѣ нашей поживемъ, яко же хоцемъ“. Противъ такихъ и предостерегаетъ преподобный братію, запрещая принимать ихъ въ монастырь и повелѣвая изговяты, если они „лицемѣріемъ воignѣдятся въ немъ“. Подобное-же завѣщаніе оставилъ своей братіи преподобный Иннокентій Комельскій: „аще который въ пустыни братъ нашъ не восхоцетъ управлять свое жительство... по сіему нашему писанію, но убо самочиніемъ и само-

вольствомъ восхошетъ водитися, таковаго настоятель и братія да накажутъ. Аще и по наказаніи не исправится, сего убо настоятель и братія да измещутъ изъ пустыни яко плеву отъ жита безо всякой боязни по сіему нашему завѣщанію“. Преподобный Павелъ Обнорскій заповѣдуетъ братіи: „аще-ли кто нѣчто иметъ изъ общаго житія и чина раззорити, прочіе изъ монастыря изгонятъ таковаго“.

Итакъ, паденіе иноческой жизни вызывало игумена-подвижника на строгія мѣры въ отношеніи къ братіи, а со стороны братіи нетерпимое отношеніе къ подвижнику, доходившее до покушенія на его жизнь.

Всѣ эти обстоятельства много способствуютъ къ объясненію того факта, весьма часто упоминаемаго біографами, что подвижникъ, физически и нравственно утомленный дѣломъ управленія обители, часто тайно покидалъ ее и искалъ болѣе спокойнаго мѣста для своихъ подвиговъ,—„безмолвія“, какъ выражались древніе біографы. Такъ, преподобный Дмитрій Прилуцкій оставилъ первооснованную свою Переяславскую обитель и, удалившись изъ нея, избралъ мѣсто для своихъ подвиговъ въ лѣсахъ Вологодскихъ. Пр. Діонисій Глушицкій, устроивъ свой монастырь на Глушицѣ, скоро оставилъ его: „испешне тай изъ обители, никому же вѣдуще... и устремися въ пустыню, въ полуденную страну отъ большія лавры“. Св. Григорій Нельшемскій, поставленный архієпископомъ Ростовскимъ Діонисіемъ архимандритомъ одного Ростовскаго монастыря (Всемиловитаго Спаса на Песку), пожилъ только „два лѣта въ монастырѣ томъ“, а потомъ „утаился всѣхъ изыде ноцію и оттолѣ устремився къ сѣвернымъ странамъ, иже близъ студенаго моря-окиана“. Мы упоминали аналогичный случай со старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ, оставившемъ игуменство въ Сергіевой лаврѣ, отказавшемся даже и отъ митрополіи, послѣ того, какъ иноки означенной лавры хотѣли убить его за попытку исправить монастырскіе нравы.

Спустя нѣкоторое время подобный случай произошелъ здѣсь съ другимъ подвижникомъ, преподобнымъ Арсеніемъ Комельскимъ. До своего игуменства, по замѣчанію біографіи, онъ жилъ въ лаврѣ „лѣта довольна“, но какъ только сдѣлался игуменомъ, вскорѣ же возымѣлъ желаніе покинуть ее. Когда намѣреніе его стало извѣстно братіи, она просила великаго князя Василя Іоанновича „понудить“ святаго остаться въ обители. Не смотря на это, мы видимъ, что, послѣ двухлѣтняго игуменства, преподобный покинулъ лавру и направился къ сѣвернымъ предѣламъ. До какой степени иногда было трудно подвижнику управлять обителью и насколько велико было его стремленіе оставить ее—

это весьма характеристично изображается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Отягощенный долговременными трудами и многими численными нестроениями своей обители, этотъ игумень, въ глубокой старости, рѣшается покинуть ее. Онъ „призываетъ къ себѣ дванадцать ученикъ своихъ и тѣмъ вручаетъ монастырское строеніе, проситъ отъ ихъ отпущенія... И взя мало отъ братій, отыде вдали отъ монастыря, яко поприщъ семьдесятъ... Братія же совѣтъ сотвориша послати рѣкихъ отъ братіи къ отцу своему, моли его, дабы не оставилъ чадъ своихъ сирыхъ... Святой же отречеса имъ“. Той зимой проѣхавъ мимо Корниліева монастыря великій князь Василій Іоанновичъ съ княгинею на богомолье въ Кирилловъ монастырь. Братія просила самодержца „понудить“ отца своего возвратиться къ нимъ. Самодержавный послалъ въ пустыню къ старцу Корнилію своего слугу и велѣлъ подвижнику ожидать своего возвращенія въ основанной имъ обители. Встрѣченный здѣсь на обратномъ пути преподобнымъ Корниліемъ, великій князь велѣлъ святому „пребывати въ монастыри“. Н послѣдній, „предлагая старость и немощь, глагола и моляше великаго князя, да отуститъ его въ пустыню плакаться грѣховъ своихъ“. Князь, „вѣдый добродѣтельное и трудолюбивое житіе его, положи на волю его“, и подвижникъ снова удалился въ пустыню. Когда же здѣсь онъ вознамѣрился основать церковь и отправился за разрѣшеніемъ въ Москву, то князь, вспомнивъ просьбу братіи, „не повелѣ ему въ пустыни церкви созидати, но понуждаше его и съ прилежаніемъ, дабы былъ въ прежнихъ своихъ трудѣхъ, въ своемъ монастыри, со ученики своими. Отцу же нашему тяжело сіе вмѣняся... Скрыся блаженный и пребываше у нѣкоего христороубца въ тайнѣ мѣстѣ... Князь же великій посла на взысканіе святаго по всему царствующему граду“. Узнавъ объ этомъ, святой удалился въ Сергіеву лавру. Когда это стало извѣстно великому князю, онъ послалъ къ святому Корнильевскихъ монаховъ, „да молятъ старца Корнилія, еже не оставити ихъ“. И только послѣ этого преподобный пошелъ ко князю съ просьбою отпустить его въ монастырь свой. Братія встрѣтила своего игумена съ великою радостію: „ови отъ ихъ рудѣ его лобзаху, ови ногамъ касяхуся, пни ризамъ“. Братъ Кассіанъ, избранный въ отсутствіи старца игуменомъ, „устыдеса отца своего и остави игуменство“. Но подвижника опять встрѣтили въ монастырѣ обычныя невзгоды, вслѣдствіе чего онъ снова скоро оставилъ свою обитель и удалился въ обитель своего постриженія—Кирилловъ монастырь, чтобы въ затворѣ скончать теченіе духовнаго подвига. Братія опять послала „старѣйшихъ пяти съ великимъ моленіемъ ко отцу своему... да, возвратився въ свой монастырь,

безмолствуетъ“. Пришедши въ Кирилловъ, Корнильевскіе старцы просили присоединиться къ себѣ игумена и братію Кирилловскихъ и всѣ купно „молиша преподобнаго утѣшити братію, да некако стуживъ си разыдутся“. Послѣ долгихъ усилій преподобный уступилъ просьбѣ и рѣшился возвратиться въ свою обитель, подѣ условіемъ избранія въ ней другаго игумена. По возвращеніи его, игуменство вручено было брату Лаврентію, а самъ подвижникъ „крайнее безмолвіе любомудрствовати начатъ, затворися въ келліи“, въ которой и пребывалъ до конца жизни. Въ этомъ правдивомъ разказѣ, какъ нельзя болѣе, обрисовано, насколько трудно было подвижнику управлять братіей и съ другой стороны насколько необходимо было для братіи его пребываніе въ обители. Пока подвижникъ живетъ въ обители, онъ нетерпимъ для братіи за свою строгость, но лишь только онъ оставитъ монастырь, братія не можетъ уже существовать безъ него и молить его „не оставитъ чадъ своихъ сирыхъ, да не разыдутся“. Бывали примѣры, когда подвижникъ, основавъ обитель и собравъ братію, не хотѣлъ принимать на себя игуменства. Таковъ былъ преподобный Павелъ Обворскій. Любитель безмолвія, три года подвизавшійся въ дуплистой листвѣ, пустыжникъ этотъ не захотѣлъ нарушать своего безмолвія и съ основаніемъ обители. Предоставивъ игуменство одному изъ братіи, онъ самъ затворился въ келліи.

Иное было отношеніе къ подвижнику внѣмонастырскаго міра. Здѣсь онъ всюду встрѣчалъ по отношенію къ себѣ великую любовь и уваженіе. Біографъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго разказываетъ, что всѣ жители города Вологды и ея окрестностей съ великою радостію привѣтствовали приходъ преподобнаго на Прилуку: „слышавше приходъ преподобнаго... вси маліи и велиции, богати и убози и всякъ возрастъ, другъ друга предваряюще, течаху благословіе онъ святаго пріяти, своя имѣнія ему вручающе, кійждо по силѣ своей“. Два благоговѣйные мужа—Илія и Исидоръ Выпрягъ „дарствуютъ святому земли довольно на поставленіе обители и за любовь свою, еже имяху къ ему, небрегуть тогда и насѣянная своя озимныя нивы, уже совершенныя класы издавшія, но въ поправаніе ногамъ человѣческимъ быша“. Біографъ препод. Корнилія замѣчаетъ, что „множество людей отъ многихъ странъ приходяху къ ему, овии благословіе хотя получить, овии вопросити, о ихъ же имѣяху недоразумѣваемыхъ, инии разрѣшеніе имуще различныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ“. Обитель была обычнымъ мѣстомъ, гдѣ находилъ для себя радушный пріютъ всякій ея посѣтитель, безъ различія возраста и положенія; въ тяжелыя години здѣсь питались цѣлыя массы нищихъ и голодныхъ.

Подвижникъ замѣнялъ всѣмъ все: онъ былъ отцемъ для сирыхъ, утѣшителемъ печальныхъ; ходатаемъ за гонимыхъ и угнетенныхъ. Этимъ и объясняется та любовь къ подвижнику и то великое уваженіе къ нему, которымъ онъ пользовался еще при жизни среди окрестнаго населенія.

Начинаясь съ простолюдина, благоговѣйное отношеніе къ подвижнику доходило до княжескихъ палатъ. Русскіе князья, въ дѣлѣ почитанія подвижниковъ, всегда служили примѣромъ для своихъ подчиненныхъ. Подвижникъ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ домѣ князя; князья и сами часто посѣщали обители подвижниковъ, часто также призывали ихъ въ свои дома „благословенія ради“, и „бесѣды ради духовныя“. Біографъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго такъ описываетъ отношенія великаго князя Дмитрія Донскаго къ сему преподобному: „предержай начальство россійскаго царствія, благовѣрный и христіюлюбивый князь Дмитрій Іоанновичъ, слышавъ о семъ преподобнѣмъ, съ радостію призываетъ его къ себѣ благословенія ради и якоже другаго въ Россіи столпа, великаго Сергія Радонежскаго, тако и сего блаженнаго, почташе и умоли его, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія и церковными дары почте и велию честь воздаде ему.“ По сказанію второй редакціи житія преподобнаго Григорія Пельшемскаго, этотъ подвижникъ, во время своего игуменства въ обители Рождества Пресвятой Богородицы, „близъ озера“, сдѣлался извѣстнымъ князю Юрію Дмитровичу, отъ котораго „и умолень бысть, да просвѣтитъ отъ благородныхъ чадъ его банею св. крещенія“. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ эта редакція, слава о подвижникѣ дошла до самаго великаго князя Василя Дмитріевича, который призывалъ его къ себѣ „благословенія ради“. Сколь велико было уваженіе великаго князя Василя Іоанновича къ преподобному Корнелію Комельскому—это видно изъ слѣдующихъ словъ біографіи послѣдняго: „князь радовашеся вельми о пришествіи старца (Корнелія), почте его, бесѣдова съ имъ и моли его о семъ, да молитъ Господа Бога, во еже дароватися ему чадородію“. Вскорѣ послѣ рожденія своего наслѣдника, великій князь пріѣхалъ на богомолье въ Сергіеву лавру и, снова встрѣтивъ здѣсь подвижника, „радостень бысть о пришествіи старца, и почте его вельми, и примъ благословеніе отъ его, и послаше его прежде себѣ въ царствующій градъ Москву, да шедъ благословитъ великую княгиню и Богомъ дарованнаго има сына“. По возвращеніи въ Москву великій князь призывалъ блаженнаго „всегда къ себѣ и въ домъ потребная посылая ему во вся дни“.

Питая такое глубокое уваженіе къ подвижникамъ, князья были щедрыми благотворителями основанныхъ ими обителей. Біографъ преподобнаго Дмитрія Прилуцкаго замѣчаетъ: „слышавъ же благовѣрный великій князь Дмитрій Іоанновичъ, идѣже пребываетъ преподобный старецъ, (близъ Вологды, на Прилукѣ), прислалъ ему довольно на потребу монастырскаго строенія“. Великій князь Василій Іоанновичъ былъ благотворителемъ обители преподобнаго Корнилія. Біографъ его сообщаетъ слѣдующее: „благовѣрный князь великій глагола святому: слышахъ, отче, яко отнели же сотворивъ монастырь, не имѣши сель и деревень, но ихъ же требуеши, проси и дамъ ти. Старецъ же не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой. Князь же великій землю съ лѣсомъ и елика привидоша близъ монастыря деревни и почивки и со всяцѣмъ угодіемъ владѣ“. Заозерскій князь Дмитрій Васильевичъ, по просьбѣ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, посылалъ къ нему своихъ слугъ, чтобы разчистить лѣсное мѣсто для созданія обители и „не токмо дроводѣлія посылаетъ, но и милостину довольно и села и деревни подаетъ монастырю“. Бохтюжскій князь Юрій, узнавъ, что по сосѣдству съ нимъ основалъ свою обитель Глушицкій подвижникъ, призвалъ его къ себѣ и предлагалъ ему: „иже, отче, хочеши, проси имѣнія на потребу и дамъ ти“. Преподобный сталъ отказываться отъ имѣнія. Тогда самъ князь просилъ святаго что-нибудь взять у него, „да благословится отъ его“. Преподобный уступилъ просьбѣ и князь „отъ того дне нача удовляти, дающе потребная монастырю“. Упомянутый князь Дмитрій Заозерскій благотворилъ обители и другаго подвижника, преподобнаго Александра Кушгскаго, давая ему потребное къ созиданію обители. Дѣло благотворительности раздѣляла съ нимъ и его супруга, пославшая въ обитель „ово питія, ово яденія“.

Благодаря великому уваженію народа, подвижники, по требованію обстоятельствъ, обращали иногда и свое обличительное слово, по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые того заслуживали. Это грозно-обличительное слово не щадило и сильныхъ міра сего. Весьма знаменательные факты сообщаетъ намъ біографъ преподобнаго Григорія Пельшемскаго. Когда великокняжескій престоль отнять былъ у князя Василія Темнаго соперникомъ его княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ, случайно пришедшій въ Москву подвижникъ явился обличителемъ отнявшаго: „о княже Юріе! подобаше ли ти власть пріяти?.. Не по Божіему строенію хочеши власть пріяти“... Князь Юрій, по замѣчанію біографа Григорія, почитавшій этого подвижника, послушалъ его

обличеніе „и отъиде на отца своего благословеніе—въ Галичь“. Этотъ же преподобный, когда князь Димитрій Шемяка „съ силою мноюю около града Вологды села воеваша и христіанство губяше“, пришель ко князю съ такими рѣзко-обличительными словами: „не своя дѣла, княже, твориши, поганская, а ты князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь; православное христіанство горькой мести предають воинство твое, и аще, княже, не останешися отъ такого кровопролитія, вскорѣ отпадеша славы и княженія своего отщетишися“. Но нечестивый князь не послушалъ обличителя и въ гнѣвѣ на св. старца велѣлъ столкнуть его съ мосту.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ нельзя не видѣть сколь велико было значеніе св. подвижниковъ въ древне-русскомъ мірѣ и сколь сильно было вліяніе ихъ на окружающихъ, вліяніе далеко преступавшее стѣны ихъ обители и простиравшееся отъ совѣта и наставленія простому поселянину, случайному посѣтителю ихъ обители, до наставленія въ дѣлахъ государственной важности „предержащимъ престолъ російскаго царствія“.

Отъ личности св. подвижниковъ обратимся къ основаннымъ ими обителямъ.

Въ описаніи внѣшняго устройства этихъ обителей біографы, въ большинствѣ случаевъ, ограничиваются краткимъ замѣчаніемъ, что преподобный все устроилъ „по чину“. Подробнѣе чинъ этотъ описывается въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Прежде всего біографъ повѣствуетъ о созданіи монастырской церкви: „труды блаженныхъ ученикъ святаго, паче же постомъ и слезами, создана бысть церковь превелика... украсиша ю благолѣпнѣ, яко невѣсту предобру.. И потомъ (святый) созла другую церковь со трапезою... и по семь келейное начатъ зданіе и устроивъ четвероугленно образъ монастырю, келлію къ келліи совокупи, ихъ-же посредѣ стоятъ церкви, яко нѣкія очи, зряще всюду. И потомъ постави больницу и хлѣбопещницу и поварю и богадѣльню внѣ монастыря, страннымъ и нищимъ на покой“.

Характеристическою чертою въ устройствѣ древне-русскихъ обителей служило раздробленіе обители на нѣсколько отдѣленій, отстоящихъ одно отъ другаго на значительныхъ разстояніяхъ. Такъ, біографъ преподобнаго Діонисія Глушицкаго, сказавъ объ устройствѣ имъ главной обители, сдѣлавшейся какъ-бы „великой лаврой“, упоминаетъ далѣе, что чрезъ нѣсколько времени за четыре поприща отъ нея (въ Сосновцѣ) преподобный создалъ отдѣленіе главной своей обители, въ которомъ устроилъ церковь во имя св. Іоанна Крестителя „и созда ту келлію по чину и нѣкоихъ отъ братіи устрои тамо жити и урече

имъ всяко требованіе пріимати отъ большія лавры“. Впослѣдствіи преподобный устроилъ и другое отдѣленіе своей обители, разстояніемъ около двухъ поприщъ отъ большія лавры; въ немъ также создалъ церковь во имя святителя Леонтія Ростовскаго „и устрои тамо инокинямъ пребываніе и уставы (надъ ними) мужа говѣйна, сѣдинами честна и урече имъ потребная отъ фмилевней“ (окрестныхъ сель).

Для насъ важнѣе вопросъ о внутреннемъ устройствѣ обителей, устройствѣ монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи, какъ мы имѣли возможность замѣтить, всѣ обители отъ основателей своихъ получили общежительное устройство, за исключеніемъ скитской обители преподобнаго Инокентія Комельскаго. Такъ св. Стефанъ Махрицскій, по сказанію его біографіи, далъ общежительное устройство своей Махрицской обители. Такимъ же образомъ онъ устроилъ и другую, созданную имъ, обитель „на Авнезѣ“. Преподобный Димитрій Прилуцкій, по свидѣтельству его житія, часто навѣщаль друга своего, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Во время взаимныхъ посѣщеній оба подвижника бесѣдовали другъ съ другомъ „како-бы общее житіе управити“. Оба монастыря, созданные Димитріемъ, имѣли общежительное устройство. Преподобные Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій были постриженниками общежительнаго Спасо-Каменнаго монастыря и своимъ обителямъ дали общежительное устройство. Преподобный Григорій Пельшемскій въ дѣлѣ устройства своего общежитія является ученикомъ св. Діонисія Глушицкаго, а святые Сергіи Нуромскій и Павель Обнорскій — учениками преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сохранились извѣстія, что въ пользу общежительнаго устройства монастырей стремились вліять и сами Ростовскіе архіереи, вѣдомству которыхъ принадлежала чуть-ли не бѣльшая часть Вологодской епархіи. Такъ, Ростовскій архіепископъ Григорій, когда пришелъ къ нему за благословеніемъ на созданіе обители преподобный Діонисій Глушицкій, далъ такой совѣтъ подвижнику: „... испытавъ разумомъ вся, ничто же ино похвали, еже жити братіи вкупѣ... и азъ совѣтъ ти даю, сказалъ архіепископъ въ заключеніе своего наставленія, да составиши общій монастырь“. Подобнымъ образомъ одинъ изъ преемниковъ Григорія архіепископъ Діонисій (Святогорець), по замѣчанію лѣтописи Паисія Ярославова, ознаменовалъ свое игуменство въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, предшествовавшее его архіепископству, введеніемъ общежительнаго устава.

Какимъ же, въ частности, уставомъ руководилось русское иночество въ устройствѣ своего общежитія—рѣшить трудно. Болѣе или менѣе значительныя произведенія въ области русскаго иноческаго за-

конодательства являются уже около половины XV вѣка. Всѣ указанія относительно монастырскаго устава въ болѣе ранній періодъ времени сводятся къ замѣчаніямъ въ такомъ родѣ: устройвъ монастырь, преподобный и „законоположенія предаеть по древнихъ св. отецъ предаію“. Или: „заповѣда (преподобный) братіи никому же каковы-либо potreбы держати и ничтоже звати свое, но вся обща“. Болѣе подробное изложеніе монастырскаго устава встрѣчается въ житіи преподобнаго Павла Обнорскаго. Не смотря, однако, на его сравнительную подробность, трудно сдѣлать какія-либо заключенія относительно его происхожденія. Историческія обстоятельства наводятъ на мысль о наибольшемъ примѣненіи въ сѣверно-русскихъ обителяхъ устава св. горы (Аѳона), съ которой такъ хорошо были знакомы русскіе иноки и гдѣ часто получали свое постриженіе. Прямое свидѣтельство въ пользу этого мнѣнія мы находимъ въ лѣтописи Паисія Ярославова. Описывая игуменство Діонисія Святогорца въ Спасо-Каменномъ монастырѣ, онъ замѣчаетъ, что игуменство это ознаменовано было введеніемъ Аѳонскаго устава въ этой обители.

Среди Вологодскаго подвижничества мы встрѣчаемъ одинъ общезжителный уставъ и своего русскаго происхожденія. Уставъ этотъ принадлежитъ преподобному Корнилію Комельскому и состоитъ изъ XV главъ. Уставъ Корнилія, какъ мы видѣли, по своему содержанію стоитъ въ весьма близкомъ отношеніи къ уставамъ первыхъ законоположниковъ сѣверно-русскаго иночества—Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго и представляетъ изъ себя какъ бы нѣкоторое сочетаніе возрѣній ихъ обоихъ. Такъ, вмѣстѣ съ Ниломъ, преподобный Корнилій устанавливаетъ общій взглядъ на инока, какъ на отшельника отъ міра, для котораго совершенно излишни и даже вредны мірскія блага, ибо всю заботу свою онъ долженъ простирать „къ оному еже по смерти житію; воздвизая совѣсть къ лучшему и сохраняя отъ небреженія злаго житія“. А вмѣстѣ съ Іосифомъ онъ опредѣляетъ правила внѣшней жизни и благоповеденія иноковъ: о соборной молитвѣ, пищѣ и питіи, одеждѣ и обуви, и прочее.

Въ дѣлѣ устройства иноческой жизни одиноко стоитъ скитская обитель преподобнаго Иннокентія Комельскаго. По свидѣтельству его завѣщанія она устроена была по образцу обители учителя его, преподобнаго Нила. Скитское устройство обѣихъ обителей имѣло тѣсную связь съ возрѣніями ихъ основателей. Возрѣнія эти проповѣдуютъ, вмѣсто прежде господствовавшаго „внѣшняго моленія“, „умное дѣланіе“ или „внутреннее моленіе“, которое состоитъ въ нравственномъ само-

усовершенствованіи, въ чистотѣ совѣсти, въ борьбѣ со страстями, въ стремленіи воспитать въ своемъ сердцѣ любовь къ Богу и ближнему.

Для осуществленія этихъ иноческихъ возрѣвій учитель и ученикъ согласно признавали самымъ удобнымъ скитское устройство обители, „еже въ двухъ или тріехъ жити общежительно, яко да другъ другу во страсѣ Божіи повинующеса, познаваемъ свою немощь“.

Таковы, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія о св. подвижникахъ какъ представителяхъ монашества, какія можно извлечь изъ нашихъ источниковъ. Въ чемъ-же заключается значеніе ихъ въ исторіи сѣверно-русской колонизаціи?

Избирая мѣстомъ основанія своихъ обителей лѣса и пустыни дѣвственнаго сѣвера, святые подвижники, естественно, полагали этимъ основаніе сѣверно-русской колонизаціи.

Можно различать двоякаго рода колонизацію на русскомъ сѣверѣ. Болѣе ранняя земская колонизація этого края совершалась выходцами вольнаго Новгорода и стараго Ростова. Эти колонизаторы преслѣдовали въ своихъ предпріятіяхъ корыстныя цѣли, вслѣдствіе чего избирали для своего поселенія богатѣйшія и удобнѣйшія мѣста дѣвственнаго края, преимущественно по берегамъ озеръ и рѣкъ, которыя служили наиболѣе удобными къ нему путями. Съ теченіемъ времени колоніи эти разрослись до величины небольшихъ городовъ каковы Вологда, Гледенъ и Устюгъ или образовали собою удѣльныя княжества, изъ которыхъ упоминаются Заозерское, обнимавшее собою окрестности Кубенскаго озера и сосѣднее съ нимъ (къ востоку)—Бохтюжское.

Болѣе поздняя колонизація—монастырская. Если земскіе колонизаторы, стремясь къ обогащенію и наживѣ, избирали для своего поселенія богатѣйшія мѣста дѣвственной страны, колонизаторы монастырскіе, напротивъ, ища уединенія, шли въ глухіе лѣса и безлюдныя пустыни. Такъ, преподобный Стефанъ Махрищскій съ ученикомъ своимъ Григоріемъ, изгнанные злыми людьми изъ Махрищской обители, пошли въ болота и дебри Вологодскія и поселились „во внутренней пустыни, близъ Сухоны“. Преподобный Дмитрій Прилуцкій, удалившись изъ Переяславскаго монастыря въ Вологодскіе предѣлы и „походивъ непроходные лѣсы и дебри пустыя, иже прилежаху града Вологды, обрѣте мѣсто пусто на рѣцѣ на Лежѣ и на Великой рѣцѣ, которое и избралъ для своего поселенія. Преп. Діонисій Глушицкій избралъ для себя „мѣсто безмолвно („Глушица“)“. Округъ же мѣста того блата и дебри, мѣста непроходны“. Св. Александръ Куштскій поселился въ Сянжемѣ, около которой „блата и дебри непроходны для

человѣка“. Преподобный Сергій Нуромскій, „пришедъ въ лѣсы великіе, мха и блата и обрѣте мѣсто на великомъ лѣсу, на рѣцѣ на Нурмѣ“, въ которомъ и основалъ свою обитель. Другъ его, св. Павелъ Обнорскій, „приде на Комельскій лѣсъ, на рѣчку Грязавицу и обрѣте липу дупляну“, въ которой и подвизался нѣсколько лѣтъ, а потомъ вблизи создалъ свою обитель. Мѣсто подвиговъ преподобнаго Арсенія Комельскаго „тогда блатно бысть ту и водяно, пути людскаго не бысть мимоходящимъ людемъ“. Преподобный Корнилій Комельскій „приде на великій лѣсъ, бѣ бо тогда непроходимъ и ту обрѣтъ храмину разбойническу и вселися въ ю“.

Таковы были мѣста, въ которыхъ полагалось основаніе монастырской колонизаціи. Отсюда уже можно судить, сколько удобствъ и преимуществъ было на сторонѣ земской колонизаціи, напротивъ, сколько борьбы требовала колонизаціи монастырская. Агіобіографическія памятники сохранили намъ нѣсколько свѣдѣній объ этой борьбѣ подвижниковъ съ дикой природой, насколько туго поддавалась она культурѣ и какого самоотверженнаго труда стоилъ каждый шагъ въ ея завоеваніи. Свѣдѣнія эти заключаются въ житіи преподобнаго Корнилія Комельскаго. Біографъ его повѣствуетъ, что, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія (разбойничьей хижиной), святой началъ „труждатися вельми на мѣстѣ томъ... лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая... Но кто доволенъ словесы обличити и сказати ми повѣсть, яже сотвори труды и подвиги на мѣстѣ томъ: ово убо отъ злодѣй біенъ бысть, едва дышаше приде, ово же древо паде нанъ безъ вѣтра и болѣзнуя близъ смерти дванадесять седмиць со одра недвижимъ пребысть; и едва оздоровѣ отъ болѣзни тоя, приде же нѣкогда къ дѣлательемъ и сѣде на страмнинѣ и абіе внезапно падеся долѣ и возболѣся паче перваго и отъ сего едва смерти гонзну, а иногда-же приведенъ бысть, зѣлье главу язвену имѣя отъ древа, падшаго нанъ“. Однажды, зажигая хворостъ, подвижникъ чуть не сдѣлался жертвою пламени и только благодаря внезапно поднявшемуся вѣтру, могъ выйти изъ него невредимъ.

Впрочемъ, и не одна дикая природа была предметомъ борьбы подвижника. Не менѣе сильную борьбу онъ долженъ былъ вести и съ дикими обитателями, имѣвшими свои притоны въ непроходимыхъ лѣсахъ дѣвственнаго сѣвера. Поселившись по сосѣдству съ разбойниками, а иногда даже и въ самой разбойничьей хижинѣ, подвижникъ естественно подвергалъ свою жизнь серьезной опасности. Разбойники два раза нападали на преподобнаго Сергія Нуромскаго и одинъ разъ избилъ его до полу-смерти. Подобнымъ же образомъ нападенію

со стороны разбойниковъ не разъ подвергался и другъ его преподобный Павелъ Обнорскій. Преподобный Корнилій Комельскій, занявъ хижину разбойниковъ, былъ ограбленъ ими, при чемъ злые люди похитили единственное достояніе подвижника, книги. Но, проблудившись всю ночь, разбойники возвратились къ святому, отдали ему похищенное и оставили въ его владѣніе свою хижину. Разбойники ограбили обитель преп. Діонисія Глушицкаго. По сказанію второй редакціи некролога Авнежскихъ подвижниковъ, эти же самые грабители предали смерти Авнежскихъ подвижниковъ и сожгли ихъ обитель.-- Такимъ образомъ, если борьба съ дикою природою часто подвергала жизнь подвижника серьезной опасности, то еще большей опасности подвергала его борьба съ дикими ея обитателями.

Не смотря, однако, на всѣ препятствія, самоотверженная борьба подвижника торжествовала свою побѣду. Онъ, наконецъ, овладѣвъ мѣстомъ своего поселенія, устраивалъ свое жилище и нѣкоторое время подвизался среди безмолвія. Но, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ долго скрывать мѣсто своего уединенія отъ людскаго взора. Подвижникъ удалялся обыкновенно въ пустыню, спустя много лѣтъ послѣ своего подвижничества въ разныхъ обителяхъ, а часто и послѣ своего игуменства, когда многіе прежніе его сподвижники проникались къ нему великимъ благоговѣніемъ и любовію, а иногда безъ его руководства не могли даже продолжать своего подвижничества, что видимъ, на примѣръ, въ житіи преподобнаго Корнилія. Тайно удалившійся въ уединеніе подвижникъ былъ, поэтому, предметомъ тщательныхъ разысканій прежнихъ своихъ иноковъ. И стоило кому нибудь открыть мѣсто его уединенія, какъ пустыня его наполнялась иноками. Тогда подвижникъ снова предпринималъ на себя трудъ созданія обители: подъ его руководствомъ иноки разчищали мѣсто, устраивали монастырскія зданія, сѣкли лѣсъ, насѣвали ниву и проч. Такъ мало по малу устраивалась первая колонія въ пустынѣ, куда, можетъ быть, не проникала рапѣе человѣческая нога и гдѣ не раздавался еще звукъ человѣческаго голоса...

Лѣсная и болотистая пустыня, пока не придетъ въ нее подвижникъ и не водрузитъ въ ней креста, представлялась русскому человѣку полною страшныхъ силъ и видѣній, обиталищемъ многочисленныхъ сонмовъ бѣсовскихъ. Но какъ только войдетъ туда подвижникъ, никакихъ страховъ болѣе не существовало: молитва святаго старца разбивала бѣсовскія силы, прогоняла всѣхъ демоновъ. Тогда уже безпрепятственно шель туда русскій человѣкъ, неся за собой топоръ и соху. Бытописатели повѣствуютъ, что монастырскія окрестности за-

селялись съ чрезвычайно быстрой, такъ что вскорѣ же послѣ своего основанія пустынная обитель становилась центромъ колоніи или цѣлаго рода колоній, превращаясь, такимъ образомъ, въ собственномъ смыслѣ „въ градъ обительный“.

Монастырская колонизація началась, какъ мы видѣли, въ восточной части Вологодскаго края; ранѣе другихъ была колонизована Авнежская страна. Почти одновременно съ двухъ противоположныхъ окраинъ колонизаторами ея являются преподобные Стефанъ Махрищскій съ учениками своими Григоріемъ и Кассіаномъ Авнежскими, и преподобный Димитрій Прилудкій. Печальная судьба, постигшая Авнежскую обитель и ея подвижниковъ была причиною забвенія ихъ памяти. Но уже и изъ небольшого некролога ихъ можно усматривать несомнѣнные успѣхи монастырской колонизаціи. При первоначальномъ поселеніи подвижниковъ Авнежская страна представляется лѣсною пустынею, царствомъ разбойниковъ, которые, можетъ быть, и прекратили существованіе первой ея монастырской колоніи—Авнежской обители, предавъ смерти ея основателей. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, при обрѣтеніи мощей преподобныхъ Григорія и Кассіана, она уже является многолюдною страной, съ удѣльными князьями во главѣ и многими церквами. Съ противоположной (западной) стороны колонизаторомъ Авнеги является преподобный Димитрій Прилудкій, въ одно время избравшій для своихъ подвиговъ пустынное мѣсто при слияніи двухъ рѣчекъ, Лежи и Великой. Но едва успѣлъ создать онъ небольшую церковь Воскресенія Христова, полагая тѣмъ основаніе обители, какъ окрестности ея наполнились крестьянами, которые изъ своекорыстныхъ цѣлей изгнали подвижника изъ мѣста его избранія. Такимъ образомъ, упомянутые подвижники, положивъ основаніе колонизаціи Авнеги съ двухъ противоположныхъ сторонъ, способствовали наискорѣйшему заселенію всей страны, насчитывающей на своемъ протяженіи нѣсколько десятковъ верстъ.

Почти одновременно съ этимъ совершалась колонизація и сѣверной части Вологодскаго края. Центромъ ея является здѣсь Спасо-Каменный монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ Бѣзозерскимъ. Изъ числа его постриженниковъ извѣстно нѣсколько подвижниковъ, положившихъ основаніе колонизаціи въ пустынныхъ и болотистыхъ окрестностяхъ Кубенскаго озера. Особенно замѣчательнымъ изъ нихъ является преподобный Діонисій Глушицкій. Основавъ двѣ обители въ окрестностяхъ Кубенскаго озера, чрезъ это онъ положилъ основаніе колонизаціи весьма значительной части Вологодскаго сѣвера. Окрестности основанныхъ имъ обителей

такъ быстро наполнились населеніемъ, что святой, кромѣ монастырскихъ церквей создалъ, по просьбѣ крестьянъ-колонизаторовъ, еще три приходскія. „По времени нѣкоемъ, замѣчаетъ біографъ преп. Діонисія, нача умножатися близъ монастыря фмикливніи (вариантъ другой редакціи: „умножишася села близъ монастыря“) и созда преподобный отъ большія лавры въ ношчѣй странѣ далѣ дву поприщъ церковь во имя святителя Христова Леонтія, да тамо на мольбу приходятъ изъ фмиклевень“. Другую церковь опъ создалъ за восемнадцать поприщъ отъ главной обители во имя Воскресенія Христова и третью въ „Двиницкой веси“, во имя святителя Христова Николая. Вслѣдъ за преподобнымъ Діонисіемъ колонизаторами здѣсь являются преподобный Алексадръ, основатель Куштской обители и преподобный Григорій, основатель Пельшемскаго монастыря.

Поднѣе совершалась колонизація въ южной части Вологодскаго края. Первыми колонизаторами ея являются два друга пустынника, преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій. Несмотря на большія препятствія для колонизаціи этой части, по причинѣ болотистой почвы, мы имѣемъ свидѣтельства несомнѣннаго и здѣсь успѣха монастырской колонизаціи. Преподобный Арсеній Комельскій поселился въ одной изъ неудобобитаемыхъ мѣстностей Вологодскаго края. Густой, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то хилый лѣсъ, по причинѣ болотистой почвы, еще до сихъ поръ наполняетъ ее. Житіе повѣствуетъ, что святой, дойдя до этого мѣста, настолько былъ утомленъ тяжестью болотистаго пути, что совершенно изнемогалъ подъ бременемъ той ноши, которая была на его плечахъ, и послѣдняя невольно упала на землю. Но стоило только показаться здѣсь подвижнику, какъ тотчасъ же вслѣдъ за нимъ является населеніе и начинается колонизація. Вскорѣ послѣ своего поселенія святой жаловался великому князю: къ той-де его пустынѣ крестьяне лѣсъ сѣкутъ, и починки ⁴⁸ ставятъ, и съ выжаты гонюють, и бѣлуютъ“. Основанный этимъ подвижникомъ монастырь при жизни своего основателя имѣлъ уже пять починковъ, возвыкшихъ на монастырской землѣ ⁴⁹. Обитель другаго сосѣдняго Комельскаго подвижника, преподобнаго Корнилія, при первомъ преем-

⁴⁸ Починками, по объясненію автора „Исторіи Россійской іерархіи“, въ сѣверной Россіи назывались „вповь разработанныя для пашни мѣста, при коихъ и разработыватель дворомъ своимъ иногда поселялся. Изъ таковыхъ починковъ послѣ дѣлались деревни и села“. т. IV, стр. 706—707.

⁴⁹ Ibidem, III, стр. 280 и слѣд. Жалованная грамота великаго князя Василія Ивановича старцу Арсенію.

никѣ своего основателя, игуменѣ Лаврентіи, проходившемъ свою должность еще при жизни преподобнаго, имѣла на своей землѣ семьдесятъ восемь починковъ ⁵⁰.

Столь быстро заселялись окрестныя монастырскія земли. Такимъ успѣхамъ монастырской колонизаціи много способствовало то обстоятельство, что, вскорѣ послѣ основанія, монастыри получали отъ князей дарственныя грамоты на окрестныя земли, при чемъ землямъ этимъ давались различныя привилегіи: онѣ освобождались отъ тягла, различныхъ оброковъ и податей, вслѣдствіе чего весьма быстро и заселялись крестьянами.

Обычай отчужденія окрестныхъ земель подѣ монастырь былъ причиною и еще одного весьма любопытнаго явленія въ исторіи монастырской колонизаціи. Поселившись по сосѣдству съ обителью подвижника и завладѣвши участками земли, еще монастырю не принадлежащими, крестьяне, опасаясь, какъ-бы занятыя ими земельныя участки, которые они считали уже своею собственностію, по обыкновенію, не отошли подѣ монастырь, воздвигали гоненіе на подвижника. Явленіе это особенно наблюдалось въ тѣхъ случаяхъ, когда слава о подвижникѣ разносилась далеко по окрестностямъ и доходила даже до „предержавшихъ престолъ Россійскаго царства“. Замѣчательно, что гоненіе это простиралось именно на личность самого подвижника, не касаясь остальной братіи. Такъ, зная уваженіе великаго князя Димитрія Донскаго къ преподобному Стефану, основателю Махрицкой обители, сосѣдніе землевладѣльцы братья Юрковскіе, „мняху себе, яко (св. Стефанъ) имать владѣти (ихъ) селомъ и нивами“, припуждали подвижника оставить свою обитель. Кроткія увѣщанія послѣдняго привели къ тому, что дерзкіе люди устремляются на святаго, „дышуще убійствомъ“. Преподобный, избравъ себѣ преемника, покинулъ свой монастырь, который послѣ его ухода благополучно продолжалъ свое существованіе. По подобнымъ же побужденіямъ преподобный Димитрій Прилуцкій былъ изгнанъ Авнежскими крестьянами. Зная, какое уваженіе питалъ къ Димитрію тотъ же великій князь, крестьяне обратились къ нему со слѣдующими словами: „отче, не угодно намъ твое здѣ пребываніе (помыслиша бо въ себѣ, яко аще сей великій ста-

---

⁵⁰ Дарственная грамота Корниліеву монастырю отъ великаго князя Ивана Васильевича послѣ разграбленія монастырскихъ земель татарами. Исторія Россійской іерархіи, IV томъ, 707—711 стр. Это разграбленіе, по свидѣтельству житія преподобнаго Корнилія, совершилось еще при его жизни.

рець близъ насъ жити будетъ и по малѣ времени соовладѣетъ нами и селы нашими)“.. и великій старецъ долженъ былъ оставить Авнегу.

Замѣчательный въ этомъ отношеніи фактъ сообщаетъ некрологъ Авнежскихъ подвижниковъ, который показываетъ, что подвижники были предметомъ гоненія своекорыстныхъ людей не только при жизни, но и по смерти.

Когда обрѣтены были мощи Авнежскихъ святыхъ и стали совершаться отъ нихъ чудеса, одинъ человекъ, именовъ Гавріилъ, по прозванію Ушакъ, „еже не бы слышатися чудесемъ, бывающимъ отъ гроба святыхъ: бѣ-бо село свое имѣя близъ чудотворцевъ, помышляше въ себѣ, глаголя: яко аще не престануть бывати чудеса отъ гроба святыхъ и паче множатися и состроится монастырь и вселять ту мниси, и азъ не тоємо мѣсто оно себѣ наслѣдую, но и села отщетитися имамъ... И призываетъ къ себѣ той Гавріилъ Глушицкаго игумена Іоакыма и старца Илинарха, саномъ суца священника. И сотвори на ихъ учрежденіе веліе и съ ими о себѣ совѣтъ сотвори и дары почте ихъ: даде игумену кожу медвѣжью, священнику же оному сто сребренникъ и поимъ ихъ съ собою, идѣже святіи лежаху. Обьюродѣша пѣанствомъ, паче же завистію и несытствомъ: раззорипа гробницу, иже надъ мощми святыми и святыя иконы, иже въ ней, повергше на землю, тако отыдоша“. Они надѣялись чрезъ это положить конецъ прославленію святыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить опасность, которая могла угрожать имѣнію Гавріила...

Можно думать, что случаи подобныхъ столкновеній подвижниковъ съ крестьянами изъ за мѣста ихъ общаго поселенія были не рѣдки, такъ что иногда сами подвижники, при избраніи мѣста для созданія своей обители, избѣгали встрѣчи съ крестьянами. Въ житіи преподобнаго Александра Куптскаго разсказывается, что первоначально мѣстомъ своего жительства подвижникъ этотъ избралъ весь Сянжему, въ которой и подвизался нѣкоторое время, намѣреваясь создать здѣсь свою обитель. Но какъ только онъ узналъ, что здѣсь „имать быти непустынное мѣсто, занеже ту христіане близъ“, оставилъ Сянжему и ушелъ на Купшту, гдѣ и основалъ свой монастырь.

Исторія колонизаціи представляетъ, впрочемъ, и обратные случаи, когда подвижникъ не хотѣлъ уступать крестьянамъ мѣста своего избранія и предпринималъ противъ нихъ дѣятельную борьбу. Такого рода примѣръ мы встрѣчаемъ въ лицѣ преподобнаго Арсенія Комельскаго. Какъ только поселился этотъ подвижникъ среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ, вслѣдъ за нимъ, по обыкновенію, пришли и крестьяне. Среди нихъ нашлись „злонравные люди“, причинявшіе свя-

тому „мнози скорби и пакости“, съ явнымъ намѣреніемъ выжить святаго старца изъ его пустыни. Тогда старецъ жаловался великому князю Василию Іоанновичу, отъ котораго и получилъ жалованную грамоту, запрещающую крестьянамъ „около тое пустыни лѣсъ сѣщи, починки ставити и съ выгляты гоняти и бѣловати“ (по своей волѣ владѣть). Но эта грамота еще болѣе раздражила злонравныхъ людей, которые въ своей дерзости дошли до того, что „подруга преподобнаго, старца, бивше безъ милости, злой смерти предаша“. Подобная участь угрожала и самому подвижнику, вслѣдствіе чего онъ „далъ мѣсто гнѣву“ и удалился оттуда.

Изгнанные изъ своей обители подвижники шли еще далѣе въ глубь лѣсовъ и пустынь, пролагая, такимъ образомъ, пути къ дальнѣйшей колонизаціи. Преподобный Стефанъ, изгнанный изъ Махрицкой обители, удалился въ Авнежскую пустыню и здѣсь, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Григоріемъ, положилъ основаніе Авнежской обители, преподобный Александръ Куштскій, удалившись изъ Сянжемы, основалъ обитель на рѣкѣ Куштѣ, преподобный Арсеній Комельскій, оставивъ Комельскую пустыню, положилъ основаніе пустынѣ Шиленгской.

Такимъ образомъ, благодаря трудамъ святыхъ подвижниковъ, многія пустынные и болотистыя мѣста дѣвственнаго сѣвера превратились „въ грады обительныя“. Конечно, и теперь заселена была далеко не вся обширная территорія Вологодскаго края, значительная часть котораго и до нашихъ дней остается еще лишеною человѣческихъ жилищъ, тѣмъ не менѣе монастырская колонизація въ весьма значительной степени способствовала ея заселенію.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе.....	3— 10
Глава I. Начало колонизаціи Вологодскаго края.—Первые святыя, подвизавшіеся въ предѣлахъ русскихъ колоній его: Герасимъ Вологодскій, Кипріанъ и Прокопій Устюжскіе... ..	11— 23
Глава II. Начало монастырской колонизаціи въ Вологодскомъ краѣ: преподобные Стефанъ Махрищскій, Григорій и Кассіанъ Авнежскіе. Преподобный Димитрій Прилуцкій	23— 38
Глава III. Спасо-Каменный монастырь, какъ центръ монастырской колонизаціи ѳверной части Вологодскаго края.—Постриженники его преподобные: Діонисій Глушицкій, Александръ Куштскій, Іоасафъ Каменекій.—Преподобный Григорій Пельшемскій.....	38— 64
Глава IV. Колонизаторы южной части Вологодскаго края. Ученики преподобнаго Сергія Радонежскаго: святыя Сергіи Нуромскій, Павель Обнорскій и Арсеній Комельскій.	65— 76
Глава V. Послѣдніе колонизаторы Вологодскаго края—ученики и послѣдователи устроителей и законоположниковъ русскаго иночества, преподобныхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго: святыя Иннокентій и Корнилій Комельскіе. Краткія свѣдѣнія о позднѣйшихъ святыхъ: Игнатій Прилуцкомъ и Галактіонъ Вологодскомъ.....	76—130

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
4	14 св.	родъ	рядъ
—	21 „	помощи.	помощи.
—	27 „	востока	Востока
6	5 св.	іонисія	Діонисія
7	21 св.	любимую“.	любимую имъ мысль“.
8	7 св.	борящихся	борющихся.
13	8 св.	обрѣтехомъ	обрѣтохомъ.
21	25 „	о посѣщеніи Симеона	о посѣщеніи блаженнымъ Симеона
25	5 св.	пустоши	пустыни
28	15 св.	Авнецу	Авнегу
31	21 „	оному	оному
—	1 св.	отцетитися	отщтитися.
32	11 „	ищущемъ	ищуще
—	9 „	оною	оного
41	8 „	при первомъ	при последнемъ

43	11	»	внутреннія и виѣшнія	внутренніе и виѣшніе
45	17	»	подписи	надписи
47	20	»	сзданію	созданію
48	7	св.	Бозтѹжскій	Бохтѹжскій
49	13	»	ливити	ловити
—	22	»	лавры	лавры
—	26	»	обрете	обрѣте
—	28	»	пѣвѣ	пѣвгѣ
—	—	»	имѣше	вмяше
50	2	»	расло	росло
—	4	»	нѣкоимъ	нѣкоемъ.
58	1	»	87)	38)
—	10	»	88)	39)
—	11	»	89)	40)
59	5	»	кливоша	крилома
66	11	сн.	оъ	въ
71	6	св.	сообщаетъ	сообщаетъ
—	10	сн.	Питіе	Питія
73	6	»	чудотворцз	чудотворца
74	6	»	указаннвй	указанной
77	14	св.	востоку	Востоку
—	6	сн.	сникатели	списатели.
78	2	св.	подвижившійся	подвизавшійся
79	12	»	Польному	Подольному
—	26	»	Польнаго	Подольнаго.
82	8	»	нумножаетъ	умножаетъ.
83	6	»	всеисполнѣние	всеисполненнѣ
—	19	»	поставими	постави ми
85	16	сн.	29)	23)
93	13	св.	прекланяема	преклоняема
95	13	сн.	Поетому	Поэтому
98	9	св.	дѣю	дѣло
100	20	»	сребролюбіе	сребролюбія
—	25	»	преподобные	преподобный
—	26	»	настоятельно	настоятелю
101	21	»	древнехъ	древнихъ
102	15	сн.	спискахъ	спискахъ
106	9	св.	иже	изне-
107	6	»	возрастемъ	возрастомъ
108	6	»	уваризны	укоризны
109	9	сн.	подвижняки	подвижники
118	23	св.	Дмитровичу	Дмитріевичу
129	9	сн.	Ся.—	Сянему